

Гидроторф – «дело государственной важности»?

Еще весной 1920-го в Главторфе начал служить тогдашний муж старшей дочери Р.Э. Классона Софьи – Валериан Иванович Богомолов. По его приглашению работавший в Отделе Хроники Киносекции Московского Совета Рабочих и Крестьянских Депутатов Юрий Андреевич Желябужский приезжал летом на «Электропередачу» и снял документальный фильм о гидроторфе. Не позже 1922-го последний уже исполнял по совместительству должность Зав. отделом Производственной пропаганды Гидроторфа. Кстати, давний друг Р.Э. Классона Я.П. Коробко в это же время исполнял по совместительству должность инженера при Управлении Гидроторфа (чтобы получать дополнительный продпаяк?).

О съемках на «Электропередаче» узнали мать Ю.А. Желябужского – М.Ф. Юрковская-Андреева, тогдашний комиссар театров и зрелищ Петрограда, и ее бывший гражданский муж А.М. Пешков-Горький, а от них и В.И. Ульянов-Ленин. 27 октября 1920 года этот фильм удалось показать в Кремле, где Р.Э. Классон встретился, после длительного перерыва, со своим старым знакомым по Охтинскому марксистскому кружку.

Борис Галин в своей «подлизульной» книге «Азарт юности» (М., 1970) так описывал предысторию этого события (при этом на первоисточник – И. Вайсфельд. Горький и кино // «Искусство кино», 1958, №3 – он напрямую сослаться не пожелал):

Вот что рассказывает кинооператор Ю. Желябужский о том, как он выполнил «социальный заказ» Винтера, Классона и Ленина. Однажды к нему обратился инженер Дубовский – автор архитектурного проекта Шатурской станции – с предложением снять для кино эту крупнейшую по тем временам стройку. Желябужский дал согласие и через несколько дней выехал на строительство. Там, на Шатуре, он познакомился с Винтером и приступил к съемкам.

Вскоре Юрий Желябужский вернулся с материалом в Москву, и первый, кого он встретил, был тогдашний руководитель кинематографического дела тов. Лещенко. В свою очередь Лещенко, зная интерес Владимира Ильича к стройке, сразу же позвонил Ленину и сообщил, что оператор Желябужский побывал на Шатуре и все нужное снял.

«Лещенко был уверен, – рассказывает Юрий Желябужский, – что я что-то понимаю в торфе, поэтому, когда инженер Классон осенью обратился к нему с просьбой снять работу Гидроторфа, Лещенко поручил эту съемку мне. Я выехал и снял работу первого деревянного торфососа и все новые опыты добычи торфа гидравлическим способом.

Через два-три дня после моего возвращения в Москву приехал А.М. Горький. Когда мы увиделись, он стал расспрашивать меня о том, чем я занимаюсь. Горький просил рассказать обо всем подробно, что я и сделал с пылом и жаром, полный еще самых непосредственных впечатлений. Я рассказал о том, как механизированы самые трудоемкие процессы по добыче торфа. Горький мне сказал, что расспрашивает меня не случайно и что Красин так же считает гидравлический способ торфодобычи большим делом, но часть старых специалистов ориентируется на прежние способы добычи, собственно говоря, ручные.

– А нельзя ли было бы все эти материалы показать Ильичу? – спросил Горький.

– Показать можно, но у меня еще не сделаны надписи.

– Ну, это не важно, ты сам все расскажешь.

И вот вскоре в Кремле состоялся просмотр. Я показал материалы, снятые на Шатуре и на другой станции [(на «Электропередаче»)]. Таким образом, получилось наглядное сопоставление двух способов добычи торфа. В зале на просмотре присутствовали слушатели кремлевских, командных курсов, почти весь состав Малого Совнаркома, были Бонч-Бруевич, Горький, Классон и специалисты по торфу.

*Валериан Иванович Богомолов, первый муж
Софьи Робертовны Классон, на «Электропередаче»*

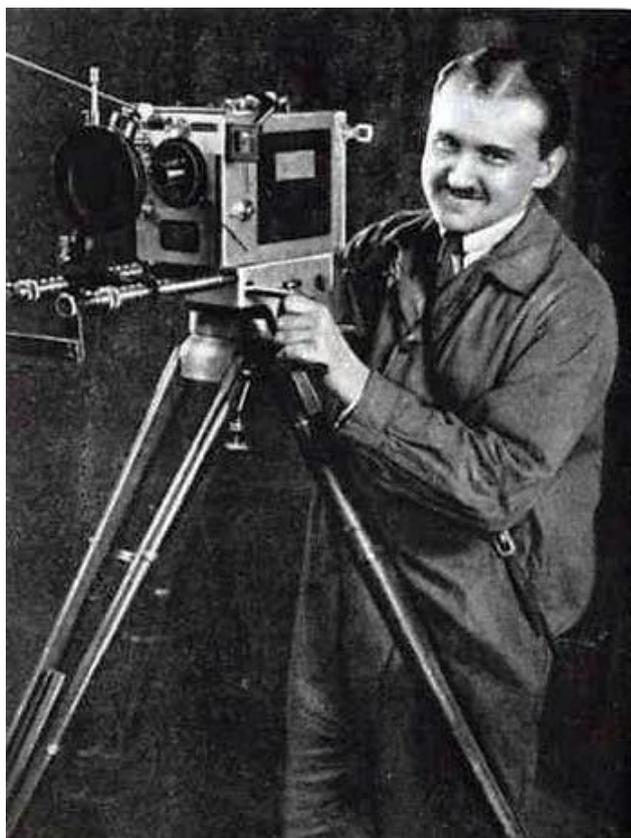
Я сидел между А.М. Горьким и В.И. Лениным и сопровождал показ объяснениями, причем В.И. Ленин просил «провозглашать» как можно громче, чтобы слышали все. Во время просмотра слышались реплики со стороны гидроторфовцев и цуторфовцев. По окончании сеанса тут же в зале развернулась оживленная дискуссия между представителями Гидроторфа и Цуторфа, причем Ленин не только не останавливал, а, наоборот, даже «подстрекал» участников к острой полемике. Наконец, когда представитель Цуторфа сказал: «Все это хорошо в теории, а торфа у вас на полях нет», Ленин спросил меня о том, где сняты штабеля, которые все видели на экране. «На гидроторфе», – ответил я». Этот подробный рассказ позднее записал И. Вайсфельд.

И.Р. Классон, уже на пенсии, раздобыл статью И. Вайсфельда «Горький и кино» и, прочитав ее, оставил такие черновые заметки:

Старый способ торфодобычи снимался на Шатуре, по предложению Дубовского – соседа Желябужского по дому, потом на «Электропередаче» («на другой станции») – гидроторф. Действительно, инициатива показа фильма Ленину принадлежала Горькому. Еще не было надписей [(субтитров)]. Желябужский сидел между Горьким и Лениным и провозглашал, по указанию Ленина, объяснения, как можно громче. Реплики были еще во время просмотра, а после окончания сеанса состоялась дискуссия, причем Ленин «подстрекал» участников к острой полемике. В зале на просмотре присутствовали слушатели Кремлевских командных курсов, почти весь состав малого Совнаркома, были Бонч-Бруевич, Горький и специалисты по торфу. По завершении дискуссии Ленин поблагодарил всех, быстро повернулся и ушел. (ф. 9508 РГАЭ)

На другой же день председатель Совнаркома разослал обширный циркуляр:

27 октября 1920 г. состоялось перед многочисленной партийной публикой кинематографическое изображение работы нового гидравлического торфососа (инженера Р.Э. Классона), механизмирующего добычу торфа, сравнительно со старым способом.

*Ю.А. Желябужский,
один из старейших деятелей русского и советского кино*

В связи с этим состоялся обмен мнений между инженером Классоном, представителями Главторфа – гг. И.И. Радченко и Морозовым, т. Шатуновским (от Основной транспортной комиссии) и мною. Этот обмен мнений показал, что руководители Главторфа вполне согласны с изобретателем насчет важного значения этого изобретения. Во всем деле восстановления народного хозяйства РСФСР и электрификации страны механизация добычи торфа дает возможность пойти вперед неизмеримо более быстро, прочно и более широким фронтом. Необходимо поэтому принять немедленно ряд мер в государственном масштабе для развития этого дела <...>.

Мы не приводим этот документ полностью, поскольку он в советское время неоднократно публиковался. И с его помощью советские историки иллюстрировали «неустанную заботу» В.И. Ульянова-Ленина об инженерах-новаторах (кроме Р.Э. Классона таковыми были В.Д. Кирпичников и еще несколько инженеров). Однако советские историки умалчивали о том, что эта «неустанная забота» не только вязла в уже новом, большевистском бюрократическом болоте, но и наталкивалась на бастионы государственной советской системы. Наиболее одиозным чиновником в Главторфе, вставлявшим палки в колеса Гидроторфу, был упомянутый в циркуляре председателя Совнаркома М.В. Морозов.

Поэтому дадим его резюме из указателя имен Собрания сочинений В.И. Ульянова-Ленина, которое объясняет запанибратский тон ответов «старого большевика» на упреки председателя Совнаркома (см. ниже):

Морозов М.В. (1868-1938) – член РСДРП с 1901 года, большевик. Вел подпольную партийную работу в Баку, Туркестане и Петербурге. С 1910 года находился в эмиграции в Париже, где входил в руководимую В.И. Лениным большевистскую секцию. В 1917 году вернулся в Петроград, принимал активное участие в Октябрьской социалистической революции. Позднее находился на хозяйственной работе в Главтопе и в торфяной промышленности. С 1929 года — на руководящей научной и издательской работе.

Отметим, кстати, что В.И. Ульянов-Ленин в своем циркуляре почему-то не привел фамилию соизобретателя «нового гидравлического торфососа». Как однажды упомянул И.Р. Классон в одной из своих многочисленных рецензий (где он вынужден был дезавуировать массу глупостей и даже прямое вранье советских «историков»), «В.Д. Кирпичников, по вине Богомолова, не получил пропуска в Кремль и не был на показе фильма».

30 октября Совнарком принял постановление, согласно которому работы по гидроторфу признавались особо срочными, как имеющие чрезвычайно важное государственное значение. При Главторфе было организовано Управление по делам Гидроторфа во главе с Ответственным Руководителем Р.Э. Классоном и его Заместителем В.Д. Кирпичниковым.

Прощаясь со своим прежним знакомым по «марксистскому салону» после заседания Совнаркома, В.И. Ульянов-Ленин сказал, что они еще увидятся. Р.Э. Классон готовился к предстоящей беседе на общие экономические и организационные темы, считая, что ему придется, как он говорил сыну Ивану, «выступить в роли маркиза Позы». С этим литературным героем его отец познакомился еще студентом-технологом, наслаждаясь в Маринке оперой Верди «Дон Карлос». Маркиз ди Поза, или Родриго называл себя «гражданином грядущих поколений», в разговоре с испанским королем Филиппом II пытался побудить его к великодушию и справедливости.

Встреча вскоре состоялась в Кремле, и на ней обсуждалась нелицеприятная докладная записка Роберта Эдуардовича «В ГОЭЛРО» (см. очерк «Под большевиками»). Тогда же Р.Э. Классон (впервые после 1895-го) увиделся и с Н.К. Крупской. Больше он с «вождем мирового пролетариата» и «первой леди советской России» не встречался.

30-го же октября газета «Правда» опубликовала статью «Человек или машина?» известного журналиста Льва Семеновича Сосновского:

<...> Несколько лет видные инженеры Р.Э. Классон и В.Д. Кирпичников работают над опытами механизации добычи торфа. После ряда неудавшихся опытов в разных направлениях изобретатели остановились на гидравлическом способе получения торфа.

<...> А как отнеслись к «гидроторфу» наши хозяйственные центры? Как к опаснейшему врагу республики, собирающемуся подорвать основы Советской власти. Враждебно. Презрительно. Недоверчиво. Равнодушно. Словом – все отравки, все виды человеческой отсталости, косности объединились против машины. Человек или машина – кто должен работать в грязном и мокром болоте над добычей торфа? «Человек!» – решительно отвечали все Главки и Центры. «Машина!» – ответит им пролетариат.

Три года брали верх Главки и Центры. Но вот 27 октября, в кремлевском зале, на экране перед собравшимися коммунистами прошла кинематографическая лента, изображающая старый способ добычи торфа рязанскими мужиками и новые машины инж. Классона и Кирпичникова. Человек или машина? – запрашивался вопрос у каждого зрителя. И от рядового красноармейца до тов. Ленина, смотревшего тут же картину, все решили в пользу машины. Завтра же после просмотра картины все соприкасающиеся с делом ведомства и лица получили короткую энергичную телефонограмму т. Ленина с указанием на конкретные мероприятия, какие нужно принять немедленно же, сегодня. <...> Нужно, чтобы ставка на машину была поставлена смелее, решительнее и чтобы сверху донизу вся страна прониклась этим настроением. Мы выйдем из разрухи только этим путем. Не «Дубинушка», а «Машинушка» должна вдохновлять нашу трудовую деятельность.

Примечание. К сведению читателей: изобретатели Классон и Кирпичников ставят технику нашего торфяного дела на первое место в мире, если мы широко поставим гидроторфяное машиностроение.

Примечание это вполне справедливое, и первое место в мире мы действительно могли бы занять, но не заняли...

В 1920-х В.И. Ульянов-Ленин способствовал государственной раскрутке «Гидроторфа», однако после приключившихся с ним в 1922-23 годах инсультов и ранней смерти в 1924-м, а также кончины Р.Э. Классона в 1926-м «грандиозный проект» затем за пару лет сошел практически на нет. Эту «оптимистическую трагедию» мы и развернем далее.

2 ноября 1920 г. В.И. Ульянов-Ленин надиктовал письмо (опять же давно опубликованное советскими историками):

т. Классон! Я боюсь, что Вы – извините за откровенность – не сумеете пользоваться постановлением СНК о Гидроторфе. Боюсь я этого потому, что Вы, по-видимому, слишком много времени потратили на «бессмысленные мечтания» о реставрации капитализма и не отнесли достаточно внимательно к крайне своеобразным особенностям переходного времени от капитализма к социализму. Но я говорю это не с целью упрека и не только потому, что вспомнил теоретические прения 1894-1895 годов с Вами, а с целью узко практической. Чтобы использовать как следует постановление СНК, надо <...>. С пожеланием быстрых и больших успехов Вашему изобретению и с приветом.

В. Ульянов (Ленин)

На упреки председателя Совнаркома Роберт Эдуардович 5 ноября ответил вполне интеллигентно (ответ этот, естественно, тоже публиковался в советское время):

Многоуважаемый Владимир Ильич.

<...> Теперь разрешите сказать два слова о себе лично. Я вполне признаю справедливость упрека, что я не сумел приспособиться к условиям переходного периода. Но думаю, что дело не в мечтах о «реставрации», а в том, что я, всю жизнь проработав в области строительства и созидания промышленности, не мог без боли и обиды видеть разрушение промышленности и гибель интеллигенции. Мне казалось, что переход к организованному общественному производству мог бы совершиться менее болезненно для страны, если бы была привлечена техническая интеллигенция, в очень значительной степени аполитичная. И теперь, по моему убеждению, восстановление экономической жизни всецело зависит от активного участия и от роли, которая будет предоставлена людям дела и опыта. Для них новая, более высокая организация производства должна дать больший простор и больший размах деятельности. Но это, вероятно, станет возможным лишь тогда, когда улягутся политические страсти, и вопрос о партийности деятеля сменится вопросом о его деловитости. <...>

Искренне уважающий Вас Р. Классон.

Здесь следует пояснить упрек В.И. Ульянова-Ленина в адрес Р.Э. Классона по поводу того, что он, якобы, слишком много времени потратил на «бессмысленные мечтания» о реставрации капитализма. Это, понятно, не прямой упрек, раз слова были закавычены, а завуалированный. Он был взят из выступления Николая II 17 января 1895 г. перед делегатами земских, дворянских собраний и городских дум, пришедших поздравить его с восшествием на престол. И на эту предысторию указывала эрудированная С.Н. Мотовилова в своем письме И.Р. Классону. Гибель интеллигенции весьма трудно выразить в цифрах, а вот по поводу разрушения промышленности в 1925 г. председатель союзного ВСНХ Дзержинский опубликовал цифры, из которых следует, что **из-за гражданской войны Россия потеряла ¼ фабрик и заводов** (цитируем из берлинских «Дней» от 21.5.1925 г.).*

* В докладе Дзержинского («Правда», 17.5) на союзном съезде Советов о положении промышленности находим, между прочим, такие цифры. Весь основной капитал уцелевшей в СССР промышленности «мы считаем приблизительно около 3 млрд. руб.». Цифра приблизительная, «потому что трудно сказать, по каким же ценам считать данное здание, данное оборудование, сколько использовано и т.д.». Этот уцелевший капитал еще не весь, а в размере 65-68%. Сколько потеряно промышленностью вследствие гражданской войны? «По неполным подсчетам, если считать те потери, которые произошли в связи с остановкой и дезорганизацией фабрик и промышленности, потери превышают 10 млрд. руб. Наша промышленность была не только разрушена, но и дезорганизована».

31 декабря 1920 г. Р.Э. Классон и В.Д. Кирпичников отправили председателю Совнаркома первый доклад о состоянии дел (но уже с упоминанием «некоторых препон»):

Программа добычи в сезоне 1921 года остается прежней (6 торфососов) и, к сожалению, едва ли может быть увеличена. Главным препятствием является отсутствие подготовленных полей сушки, дренажные каналы для которых для получения достаточно сухой поверхности должно было бы быть произведено прошлой [(прошедшей)] осенью. Исполнить для сушки торфа площади, где происходит сушка машинно-формовочного торфа, затруднительно из-за неудобства разлива торфа по узким подготовленным полоскам болота, что потребовало бы громадного количества труб для массы и обусловило бы большую разбросанность работ и децентрализацию производства, являющуюся одним из крупнейших недостатков старого способа.

Вторым препятствием является отсутствие быстроходных [электрических] моторов для насосов высокого давления и невозможность к сезону изготовить их в России или получить из-за границы. Третье препятствие – отсутствие материалов для кранов и труб, которые еще только будут прокатываться в начале 1921 года.

Это исключает изготовление к сезону большего, чем намечено, количества оборудования. Так же плохо обстоит дело с трубами высокого давления, которые с трудом удастся получить частью со складов, частью из производства, даже для 6 торфососов.

<...> Для изготовления машин к сезону 1921 года имеются на заводах или уже получены Гидроторфом: валовая сталь, чугун, болванки для стального литья и часть листового и сортового железа. На остальное железо получены наряды на Царицын и Украину, и мы пока не считаем гарантированным их получение. Имеется некоторая возможность получить эти материалы из запасов Мор[ского]вед[омства].

<...> Заявка Гидроторфа на лесные материалы, нужные для постройки жилищ для рабочих и служащих Гидроторфа в «Электропередаче», удовлетворена Главлескомом орденом в размере только 20%, по которому еще пока ничего не получено. Остальное количество обещано включить в разверстку 1921 года.

Так как мы не можем далее откладывать построек, то мы были вынуждены приступить к собственным деревозаготовительным операциям вблизи «Электропередачи» и организации распиловки леса на соседних лесопилках, что по существу вовсе не входит в наши задачи и отнимает много времени и сил от прямых задач Гидроторфа.

<...> Обмундирование получается лишь с очень большими урезками, что вредно отражается на ходе зимних работ.

<...> На третий день после первого заседания Совета Народных Комиссаров по поводу Гидроторфа нами был представлен список того, что нужно заказать за границей к сезону 1921 года. Этот список с профессором Ю.В. Ломоносовым отправлен за границу. Что сделано по этим спискам за границей, нам пока не известно. Наша полная заявка рассмотрена в импортной комиссии ВСНХ, и все, что нужно к сезону 1921 года, включено в программу. Заказы на днях будут посланы за границу официально. То же, что нужно к сезону 1922 года, пока импортной комиссией в программу не включено.

<...> снабжение отдельных хозяйств, согласно решению Наркомпрода, производится через губпродкомы, что представляет большие неудобства и может сильно повредить делу, так как губпродкомы часто сами не имеют продуктов в достаточном количестве. Так, при первой выдаче в «Электропередаче» не оказалось половины продуктов, а Ярославский губпродком вовсе отказался выдать продовольствие по ордеру Наркомпрода. В интересах дела следовало бы получать продовольствие для отдельных хозяйств непосредственно со складов Наркомпрода.

Пайки высшей квалификации для ответственных работников до сих пор не получены, и надежда на их получение очень слаба: Наркомпрод отсылает в комиссию ВСНХ, комиссия отказывается, предлагая обратиться в Совет Народных Комиссаров. Это создает большое затруднение хотя бы уже потому, что при приглашении ответственных сотрудников Гидроторфа, мы, основываясь на постановлении Совнаркома от 30 октября с.г., определенно их обещали. (ф. 758 РГАЭ)

В вышеприведенном документе упоминался некий проф. Ю.В. Ломоносов. Как будет видно ниже, этот персонаж, находясь в Берлине, по просьбе Р.Э. Классона легко перебрал миллионы немецких марок с одного счета на другой, т.е. имел полномочия на уровне Наркома! Поэтому вкратце познакомим с ним читателя:

В июне 1920 г. В.И. Ульянов-Ленин подписал «Наказ Российской железнодорожной миссии за границей», при этом главе миссии – Ю.В. Ломоносову – специальным мандатом действительно давались все права Наркома. Ю.В. Ломоносов – соучастник аферы по заказу в 1920-21 гг. 1,1 тысячи паровозов в Швеции на 200-300 млн руб., при которой были отпилены налево десятки млн руб. золотом. (Иголкин А.А. Ленинский нарком: истоки советской коррупции. // «Новый исторический вестник», 2004, №1.)

В книге Владимира Гениса «Неверные слуги режима. Первые советские невозвращенцы (1920-1933)», Книга 1. «Бежал и перешел в лагерь буржуазии...» (1920-1929)», М., 2009 этому персонажу и его сослуживцам по Российской железнодорожной миссии посвящена целая глава – «Генерал от паровозов». * Между прочим, в справочнике «Весь Петроград на 1917 год» значится, что Ю.В. Ломоносов входил в правление «Общества электрического освещения», выходит, еще тогда Р.Э. Классон мог познакомиться с ним!

После выхода постановления Совнаркома Гидроторф развил, было, бурную деятельность. В 1921-м намечалось запустить шесть торфососов: три на «Электропередаче», два на Ярославских разработках и один на Шатуре. Уже в 1922-м предполагалось начать добычу гидроторфа на Чернораменском болоте для снабжения топливом Сормовского завода и будущей Нижегородской ГРЭС. В Гидроторфе, заказы которого должны были выполнять девять московских машиностроительных заводов, создали сильное техническое бюро для изготовления рабочих, заводских чертежей и даже модельную мастерскую для литейных производств.

Однако в письме Гидроторфа в инстанции в январе 1921-го опять упоминаются «некоторые препоны»:

<...> Все производящиеся, также и намеченные работы вызывают необходимость удовлетворения в громадном количестве различного рода инструментами и материалами как для изготовления оборудования на заводах, предоставленных для этой цели по соглашению с отделом металла ВСНХ для работ Гидроторфа, так и для нужд местных торфяных хозяйств – строительные работы, оборудование мастерских и т.д.

При разрешении этой последней задачи Управлению Гидроторфа, для которого до сих пор еще не проведена ударность, несмотря на признание Совета Народных Комиссаров чрезвычайной важности работ Гидроторфа, приходится сталкиваться с рядом таких препятствий, которые мешают и страшно тормозят дело и которые в то же время могут быть устранены включением Управления по делам Гидроторфа, как центрального органа, подведомственных ему органов и его торфяных хозяйств в разряд ударных предприятий, что даст Гидроторфу возможность более легко, с большими шансами на успех разрешать вопросы технического снабжения Гидроторфа.

* См. публикацию В. Гениса в «Политическом журнале»:

(www.politjournal.ru/index.php?action=Articles&issue=70&tek=2360&dirid=50&searched=%E0%F0%EC%E8%E8+%F1%F2%F0%E0%ED).

Что же касается снабжения продовольствием работников Гидроторфа как в центре, так и на местах, то вопрос этот уже разрешен упомянутым постановлением Совнаркома путем установления для всех работников Гидроторфа продовольственного пайка торфяников во время сезона, с действием этого пайка в течение круглого года.

Однако снабжение продовольствием одним только постановлением Совнаркома разрешено в итоге вовсе не было, об этой истории тоже можно было бы написать целую драму. Но мы ограничимся лишь рядом наиболее скандальных эпизодов.

В январе же 1921-го появилась такая «телега»:

Ячейка Р.К.П. и Заводский комитет Московской Городской Центральной Электрической Станции бывш. О-во 1886 год доводят до сведения Народного Комиссариата Рабоче-Крестьянской Инспекции о том, что группа лиц служащих непосредственно в М.Г.Э.С. список коих указан ниже получает неизвестным образом Гидроторфский паек, который выражается в очень солидных цифрах получая в то же время существующие карточки Трудпайка литер А. Комячейка М.Г.Э.С. и заводский Комитет просят Народный Комиссариат Рабоче-Крестьянской Инспекции срочно ввиду происходящих волнений среди рабочих станции расследовать обстоятельства этого дела, уведомить о результатах расследования Ячейку Р.К.П. и Завком с указанием фактической нормы Гидроторфского пайка для отчета перед общим собранием работников станции.

По сведениям дошедшим до Комячейки и Завкома выдачи доходят до следующего количества на работника с членами семейства: масла сливочного до 1 пуда, пшеница до 3-х пудов, воблы до 3-х пудов, муки белой до 2-х пудов, неизвестное количество сахару и другого продовольствия. Список сотрудников М.Г.Э.С. получающих Гидроторфский паек <...>.

Далее в «телеге» приводились фамилии двадцати человек, из коих для нас представляют интерес Главный Механик Гидроторфа А.Г. Штумпф и некий Ф.Н. Рязанов (Зав Техническим Бюро, инж. Ф.А. Рязанов?). К счастью в том же январе удалось оформить «отмазку» за подписью ст. инспектора Наркомата РКИ Н.В. Горшенева: «В заключение мною Горшеневым устанавливается, что [Гидроторфским] пайком Управление не злоупотребляет и не вызывает массового волнения рабочих».

Тем не менее, завистливые члены парткома и завкома электростанции на Раушской набережной, как мы увидим ниже, нашли-таки способ отомстить Гидроторфу.

Здесь стоит привести весьма занятный документ, хранящийся в ф. 9508 РГАЭ и озаглавленный как «Воспоминания о Роберте Эдуардовиче Классоне». К сожалению, он не подписан. Однако, есть косвенное свидетельство того, что он принадлежит Георгию Леонтьевичу Стадникову. В черновых материалах И.Р. Классона к монографии М.О. Каменецкого (хранящихся в том же ф. 9508 РГАЭ) значится: «Главный химик Гидроторфа Г.Л. Стадников в своих неопубликованных воспоминаниях о Р.Э. Классоне описал, как Классон 17 января 1921 г. пригласил его работать в Гидроторфе. Классон приехал к нему и, после короткого описания сущности гидравлического способа сезонной добычи торфа, сказал, почти дословно следующее: (и далее следовала цитата из нижеприводимого текста)».

А сии воспоминания настолько живописны, что их стоит привести почти полностью:

После довольно продолжительного скитания на бурных волнах революционного моря я был выброшен в начале августа 1920 года на Московский берег один – без семьи, без своей библиотеки, без записных тетрадей и научных дневников, без недоконченных работ, а главное без связи с научным прошлым и без определенных видов на будущее. Налицо были все данные, чтобы погрузиться в российскую нирвану, т.е. взяться за бутылку с водкой; положение химика весьма благоприятствовало этому.

Необходимое для «нирваны» настроение ежедневно подновлялось при встречах и в лабораториях; химики и другие спецы были заняты разговорами о пайках, о борще или, вернее, бурде, которая ежедневно в ведрах разносилась из общей кухни для питания совработников. Эти будничные разговоры сменялись от времени до времени буквально праздничным оживлением, когда устраивались подписки и сбор денег на экспедиции в Сибирь за колбасой или в Ташкент за сухими фруктами; в такие моменты какой-нибудь урюк неделями служил неиссякаемой темой для разговоров.

Сотрудники лабораторий варили кофе из паленых жмыхов, подправляли принесенный борщ, опять варили кофе и уходили домой. О науке и научной работе редко кто говорил. Если бы какой-нибудь любопытствующий иностранец заглянул в то время в наши лаборатории, то ему показалось бы, что у нас все проблемы химии разработаны до мелочей, и только в области химии питательных продуктов для свиней остались еще не разрешенные вопросы, в разработку которых и погружены молодые ученые.

В различных комиссиях и комитетах так же шла своеобразная работа; там занимались люди серьезнейшими вопросами строительства новой индустрии. И сейчас еще изумляешься творчеству этих деятелей, когда вспоминаешь создававшиеся ими проекты воздушных замков. В этих проектах во всей полноте проявилась безудержная фантазия веселых людей, которые хорошо поняли, что разбираться в их проектах никто не станет.

Живо вспоминается заседание, на котором один автор предлагал коксовать подмосковный уголь на месте его добычи, а газ из коксовых печей вести по трубопроводу в Москву, чтобы избежать перевозки ненужного балласта. По проекту такая переработка подмосковных углей сулила стране неисчислимые выгоды. Доклад слушали внимательно, и никто не разразился гомерическим хохотом.

На заводах изыскивали способы получения из данного количества сырья и химикалий возможно большего выхода плохого фабриката [(самогона)], чтобы весь избыток, против заданной нормы, отправить на Сухаревку [и продать там на рынке]. При такой обстановке, буквально парализующей волю и убивающей всякую охоту работать, я познакомился с Робертом Эдуардовичем. Как-то в конце декабря [1920 года] я зашел к знакомому юристу. Здесь я встретился с одним из сотрудников Гидроторфа.

Этот сотрудник начал сейчас же приглашать меня на службу в Гидроторф; наш хозяин, по-видимому, дал ему лестный отзыв обо мне, как химике. Сотрудник этот написал мне все преимущества службы в Гидроторфе, детально изложил торфяную «пайкологию», не забыв прибавить с серьезным видом, что работа весьма ответственная, дал номер телефона и просил позвонить на другой день, чтобы условиться о часе приема для беседы об окончательных условиях поступления на службу.

На другой день я, конечно, не звонил по телефону, не звонил и потом. Мой новый знакомый так удачно объяснил мне сущность Гидроторфа, что у меня сразу пропала охота браться за это дело, которое представлялось мне типичным начинанием того времени. Из данного им описания было ясно только одно: Гидроторф есть предприятие, в котором в силу «всеобщей трудовой повинности» сидят люди разнообразных профессий, но общих «пайковых» интересов и ничего не делают. Лишний паек был слишком слабой приманкой, чтобы потянуть меня в такое учреждение.

Настало 17 января [1921 года], день, который навсегда останется у меня в памяти. Около семи часов вечера меня позвали к телефону; какой-то неизвестный мне голос спрашивал, могу ли я принять инженера Классона, который хочет переговорить со мной о работе в Гидроторфе. Я ответил, что очень рад видеть инженера Классона, и стал ожидать приезда, не отдавая себе отчета, происходил ли этот разговор по телефону наяву или во сне.

У меня еще звенела в ушах матерщина моих часовых и конвоиров*, перед глазами еще стоял образ какого-то члена домкома, который за полчаса до этого вошел в комнату без всякого предупреждения, плюнул на пол, раздавил валенком окурок и объявил приказ – чистить на другой день снег; и вдруг спрашивают – «могу ли я принять?»!

Я наскоро привел в порядок комнату после посещения члена домкома, так как было ясно, что сейчас придет культурный европеец. Себя я не мог привести в порядок при всем желании, так как у меня был единственный костюм, который мог бы с большим успехом конкурировать с костюмом современного беспризорного. Не прошло часа, как в передней раздался звонок. Кто-то вошел и, вопреки обычаю, начал снимать в передней верхнее платье. Через минуту в мою комнату уже входил инженер Классон в черном сюртуке** и крахмальном белье. Он не успел еще сказать ни одного слова, но я уже был гидроторфистом.

Кому известно отношение к науке и ученому на Западе и у нас, тот легко поймет мое внезапное превращение. Инженер Классон говорил очень мало: о гидроторфе он сказал, пожалуй, даже меньше, чем встреченный мной у знакомых гидроторфский сотрудник; но сказал он в такой форме, которая вообще была необычна для России во все времена ее существования. Вот почти дословно его речь:

«Я и мой сотрудник Кирпичников поставили себе задачей механизировать добычу торфа; потерпев неудачу в применении различных машин, которыми пользуются за границей, мы решили размывать залежь струей воды и полученную таким образом жидкую торфяную массу разливать на полях для сушки. Уже сконструированы машины для засасывания этой массы из карьера и транспорта по трубам на поля сушки; механическая сторона дела нам ясна, и мы не сомневаемся в успехе, но у нас есть одно слабое место: нам непонятна еще природа торфа, которую может разъяснить только химическое исследование. Если бы разъяснить эту сторону дела, чего мы, как механики, сделать не можем, то быть может нам удалось бы поставить на практическое разрешение вопроса об искусственном обезвоживании торфа. Решение этой задачи имеет мировое значение; не могу, однако, скрывать от Вас, что задача эта трудна, и все попытки решить ее пока не увенчались успехом.

Я был бы очень рад, если бы Вы, как химик, согласились принять участие в нашей работе; мы со своей стороны пойдем навстречу всем Вашим желаниям и охотно будем помогать Вам. Должен добавить, что Ваше участие в наших работах ни к чему Вас не обязывает; мы будем Вам очень благодарны за Вашу работу и в том случае, если Ваши теоретические исследования не дадут практических результатов; они все-таки будут способствовать разъяснению химической природы торфа, что для нас, техников, чрезвычайно важно. Вознаграждения за Ваш труд я не могу Вам предложить, так как дать подобающее вознаграждение я не имею возможности, а современное вознаграждение я за такое не считаю. Но я уверен, что область работы чрезвычайно интересна и многообещающа, а потому и прошу Вас попробовать поработать с нами, памятуя, что это ни к чему не обязывает. Если не понравится, Вы можете во всякую минуту бросить это дело, и мы претензий иметь не будем».

* В 1913 г. Г.Л. Стадников стал профессором Новороссийского университета в Одессе. Однако в 1920 г. его арестовали (в ВЧК имелись сведения, характеризовавшие Стадникова как монархиста и юдофоба). Из одесской тюрьмы Стадникова отправили в московскую с распоряжением ВЧК передать его в ВСНХ для работы по специальности с условным приговором – расстрел. Директор Химического института А.Н. Бах получил листочек папиросной бумаги, на которой было написано, что к нему направляется профессор Стадников, приговоренный к расстрелу, для использования его по специальности (sic!).

** Помета И.Р. Классона на полях машинописи: «нет», т.е. Р.Э. Классон сюртук не носил, а одевал обычный пиджак, но всегда с галстуком.

<...> Через полчаса мы расстались, я стал фанатиком-гидроторфистом. На другой день Классон уехал за границу и вернулся к началу торфяного сезона. Мы часто потом встречались, много беседовали, особенно много зимними вечерами в нашем милом домике на Электропередаче.

Несмотря на развернутую Гидроторфом бурную организационную деятельность шестеренки бюрократической машины вращались еле-еле. В феврале 1921-го управделами СНК Н.П. Горбунов отправил в Президиум ВЦСПС и Наркомтруд следующий циркуляр:

<...> Из отчета Гидроторфа за январь 1921 г. видно, что несмотря на постоянные сношения с Союзом горнорабочих, представление туда всевозможных премиальных систем и всех тех материалов (производственная программа, нормы выработки и проч.), которые Гидроторф мог собрать о своем новом деле, ему не удалось приблизиться даже отдаленно к такой оплате персонала, которая давала бы возможность работникам всецело отдаться своему делу. <...> Таким образом, предложение Совнаркома от 30 октября 1920 г. Наркомтрудом и ВЦСПС до сих пор не выполнено, несмотря на то, что прошло три месяца. Прошу Вас в срочном порядке рассмотреть это дело и выполнить поручение Совнаркома. О результатах не откажите сообщить мне.

В феврале же Комиссия по снабжению рабочих при Наркомпроде приняла такое решение по Гидроторфу:

1. Во исполнение постановления СНК от 30/X-20 г. и изменение постановления Комиссии от 7/XII-20 г. предоставить с 1/II с/г. для его ответственных работников 25 основных пайков ответственных работников центральных учреждений Москвы, увеличив соответственное число пайков, предоставленных президиуму ВСНХ. 2. В отношении всех сотрудников Гидроторфа разъяснить, что в силу постановлений С.Н.К. от 14/I и 8/II-21 г. они подлежат снабжению в общем порядке со всеми служащими сов. учреждений.

В том же месяце Гидроторф ходатайствовал перед этой Комиссией о включении в «норму продовольственным снабжением особо ответственных и незаменимых работников» таковых работников Гидроторфа в числе 27 человек, поскольку порядок снабжения их торфяным пайком «перестал соблюдаться».

Как пояснял в своем письме в Гидроторф Управделами СНК Н.П. Горбунов, «*постановление Комиссии по снабжению рабочих при Наркомпроде <...> следует понимать в том смысле, что 25 основных пайков, предоставленные Гидроторфу [с 1 февраля], составляют 25 полных Совнаркомовских пайков, из которых каждый состоит из 4-х [обычных] пайков. Таким образом, решение Комиссии по снабжению рабочих при Наркомпроде соответствует постановлению Совнаркома от 30 октября 1920 г. и обеспечивает семьи ответственных работников*». В общем, большевики создали громоздкую, забюрократизированную систему продовольственного снабжения работников, в которой и сейчас трудно разобраться.

Даже председатель Совнаркома был вынужден заниматься пайками сотрудников Гидроторфа! Из его письма в Президиум ВСНХ тов. А.И. Рыкову от 5 апреля 1921 г.:

Просьба в срочном порядке разрешить следующие вопросы Гидроторфа: 1. О натурпремировании заводов, изготовляющих оборудование для Гидроторфа <...> 3. О жалобе Гидроторфа на постановление Комиссии по снабжению продовольствием ответственных сотрудников ВСНХ от 22/III, по которой для ответственных сотрудников Гидроторфа из 100 пайков, предоставленных Гидроторфу НКПродом, было урезано [и передано в Главторф] 27 пайков.

Выходит, Главторф при распределении пайков обкорнал своего конкурента!

В марте 1921-го деятельность новоиспеченного Гидроторфа решил просветить как рентгеном тов. Е.В. Волков-Белов, чекист средней руки из Экономического Управления ВЧК, начальник Статистико-экономического отдела. Он потребовал предоставить статистические сведения за последние три месяца по переписке с внешним миром (с разбивкой на пакеты-письма и телефонограммы и на – Москву и провинцию, где располагались подразделения Гидроторфа). А также подробнейшую роспись к *«действующим и утвержденным штатам (и самые штаты), определяющие организацию, задачи и функции как их самих, так и их подразделений, до самых мельчайших включительно»*. Гидроторфу пришлось составить отчет на 6 машинописных листах большого формата для Ремингтона.

Позволим себе предположить: затребованная информация была необходима чекистам для определения объемов финансирования под перлюстрацию писем и вербовку секторов в самом Гидроторфе и на узлах связи и истребования соответствующего финансирования в инстанциях. И, действительно, еще в декабре 1917-го В.И. Ульянов-Ленин подписал «Положение о военной цензуре ВЧК», которое содержало такие полицейские позиции: *«просмотр предварительный как периодической, так и непериодической печати, фото и кинематографа, снимков, чертежей, рисунков, <...> просмотр почтОВО-телеграфной корреспонденции»*. (Дмитрий Волкогонов. Ленин)

В начале 1921-го власти, несмотря на «детские болезни» Гидроторфа, выделили на приобретение за рубежом т.н. газовых труб диаметром 6 дюймов (~150 миллиметров) и насосов на 20 атмосфер для брандспойтов (российские заводы находились в это время в весьма плачевном состоянии) около 450 тысяч червонных рублей. Собственно, список потребного Гидроторфу оборудования уехал в Германию, как уже упоминалось, еще в ноябре 1920-го с проф. Ю.В. Ломоносовым. Однако судьба заказа оставалась неизвестной, и Р.Э. Классон в январе сам отправился в командировку в Германию.

Это было первое, но далеко не последнее госфинансирование Гидроторфа валютой. Далее последуют еще не один миллион золотых червонцев и миллиарды бумажных рублей, но все они, как мы увидим, полностью окупятся. Для сравнения, после провала похода Красной армии на Варшаву в августе 1920-го, предпринятого по инициативе В.И. Ульянова-Ленина для раздувания «революционного пожара» в Европе, Москва по условиям перемирия должна была выплатить более 30 млн руб. золотом. Эту сумму назвал в 1990-х тот же Д.А. Волкогонов, вхожий тогда в Архив президента РФ.

Оказывается, что и по сей час в Интернете преспокойно висит «Мирный договор между Россией и Украиной с одной стороны и Польшей – с другой» от 18 марта 1921 г., статья XIII которого утверждает примерно то же самое:

В силу признанного договором о прелиминарных условиях мира от 12 октября 1920 г. активного участия земель Польской Республики в хозяйственной жизни бывшей Российской Империи, – Россия и Украина обязуются уплатить Польше тридцать миллионов золотых рублей в золотых монетах или слитках не позже, чем в годичный срок с момента ратификации настоящего договора.

Или другой скандальный факт, с подачи опять же Д.А. Волкогонова: *“В Германии денежными делами Коминтерна заправлял некий Джеймс Рейх с партийной кличкой «товарищ Томас». Он ворочал огромными, миллионными суммами, получаемыми из Москвы. Только на подготовку вооруженного выступления Германской компартии в феврале 1921 года передал ей 62 млн. немецких марок (в валюте и драгоценностях). А всего в этом году «товарищ Томас» распределил в Германии 122 млн. марок, сверх 50 млн. марок, которые он держал под своим контролем во «Франкфуртском фонде»“.*

Р.Э. Классон, конечно же, ничего не знал о «подпольной революционной деятельности», по закачке в Германию примерно 5 млн. руб. золотом, своего старого знакомого В.И. Ульянова-Ленина и его поделщиков.

23 марта 1921 года Роберт Эдуардович послал из Берлина развернутое донесение зам наркомвнешторга А.М. Лежаве (опустим в нем технические детали):

К сожалению, до моего приезда [железнодорожной комиссией, куда проф. Ю.В. Ломоносов лишь через 3 месяца передал заказы Гидроторфа,] ничего не было заказано и было упущено много драгоценного времени даже в тех случаях, когда дело было совершенно ясно, никаких сомнений не было, и все же заказы лежали без движения. Об этой совершенно неправильной постановке дела уже писал [зам торгпреда] В.В. Старков, а я доложу устно, вопрос слишком сложен, чтобы о нем можно было писать.

<...> Вчера я вернулся из поездки в Крефельд на Рейне, где я видел вполне удачное разрешение массового отжатия мокрого торфа по способу «Мадрук». <...> Мое предложение состоит в том, чтобы немедленно заказать такой завод <...>. Сегодня я получу точные условия заказа, цены, сроки и очень прошу Вас, Андрей Матвеевич, сообщить обо всем Владимиру Ильичу с тем, чтобы была ассигнована и переведена в определенный банк сумма, соответствующая стоимости заказа, причем 50% будет выдано фирме при заказе, а остальное при готовности к отправке.

Недостаточно просто ассигновать эту сумму и передать это дело здешней торговой делегации, а необходимо принять меры к тому, чтобы эта сумма фактически была переведена сюда. Я на собственном опыте убедился, что из простого ассигнования ничего не выходит, и если бы не активное содействие [Наркома внешней торговли] Л.Б. Красина в смысле обеспечения Гидроторфа необходимой наличностью, я не смог бы заказать ни одной машины.

<...> Общая сумма для завода «Мадрук» производительностью около 500 тонн (30 000 пудов) в сутки кирпичей в 60% влажности (требующих досушки для сжигания под котлами) около 15,5 миллионов германских марок. Стоимость завода для выработки торфяной пыли около 3,5 миллионов марок. Понадобятся еще сушильные барабаны, и я считаю, что общая стоимость завода составит около 21-22 миллионов германских марок. Очень прошу Вас, Андрей Матвеевич, сообщить по телеграфу, нужно ли заканчивать это дело или бросить.

Неизвестно, что ответил высокий чиновник А.М. Лежава Р.Э. Классону про «заканчивать это дело или бросить» (если ответил вообще). Но письмо-доклад все-таки попало на стол В.И. Ульянову-Ленину, правда, лишь 16 апреля.

В промежутке между двумя отмеченными датами, 11 апреля председатель Совнаркома недоуменно запрашивал Роберта Эдуардовича:

Тов. Классон! Удивлен, что от Вас нет отчета. Звонил к Радченке. Почему? В мае уже кампания, а от Вас ничего. Черкните, почему волокита? Что сделали?

Как мы теперь понимаем, волокита расцвела махровым цветом в совучреждениях Берлина и Москвы.

В.И. Ульянов-Ленин в тот же день, 16-го апреля пришпорил чиновников Главторфа:

Т. Радченко! Сейчас мне дал Лежава доклад Классона. <...> Обратите сугубое внимание и дайте мне отклик немедленно: когда Вы дадите окончательное формальное заключение? Надо спешить, чтобы успеть ответить до отъезда Классона из Германии.

Сопроводилровка И.И. Радченко к оперативно сделанному заключению была весьма скептической:

<...> Вместе с [сотрудником Главторфа Е.С.] Меншиковым обдумали и составили свое заключение, которое при этом и посылаю. Не знаю, – но я привык считать. За что давать 23 миллиона марок (это Классон говорит, – значит и все 30, а то и 40 миллионов), когда не знаешь ничего по существу <...>. Лучше было бы, если бы Классон привез побольше данных, и [тогда] здесь мы сможем разобраться и решить окончательно <...>. Вот мое мнение, считаясь с нашим золотым фондом и теми скудными данными, которые изложены в докладе Классона. (ф. 9455 РГАЭ)

12 мая собрался Совет Гидроторфа и под председательством Г.Б. Красина более чем вдвое ограничил «непомерные аппетиты» Р.Э. Классона:

Признать желательным заказать один ротационный пресс системы Мадрук со всеми принадлежностями, необходимыми для получения готового топлива (порошка) при условии добычи торфа-сырца гидравлическим способом. Необходимый кредит для заказа оборудования, его доставки и монтажа предвидеть в сумме до 8-9 миллионов германских марок.

Р.Э. Классон 20 мая, уже вернувшись в Москву, послал доклад председателю Совнаркома с такой преамбулой:

Многоуважаемый Владимир Ильич. <...> Я очень смягчил все свои отзывы о Берлинских советских учреждениях, но тем не менее картина получается столь удручающая, что может быть даже неудобно будет об этом говорить в большом собрании. Судить об этом я не могу и поэтому я решил послать доклад непосредственно Вам с тем, чтобы по вашему усмотрению он был отправлен в то или другое учреждение.

Между прочим, в «Берлинских советских учреждениях» служило несколько сотен человек (на конец 1923 года их численность достигнет 960 человек, в т.ч. в торгпредстве – 707-ми)! Что там творилось, Роберт Эдуардович, к сожалению, не зафиксировал в какой-либо записке, поскольку председатель Совнаркома, как мы увидим ниже, отказался его принять... Весь пространственный доклад воспроизведен в Приложении «Документы по добыче торфа и Гидроторфу», а здесь мы ограничимся лишь фрагментом о жутком бюрократизме и нецелевом использовании средств в советских загранучреждениях:

В Русской Торговой делегации меня ждало первое разочарование: оказалось, что кредиты, предоставленные мне Внешторгом для закупок по делам Гидроторфа, практически использовать нельзя, так как Торговой делегацией деньги были истрачены на другие надобности. Все дело заказов для Гидроторфа, которые 3 ноября п.г. было вручено проф. Ломоносову для предварительных запросов, было им в конце января месяца передано русской железнодорожной Комиссии в Берлине. Эта Комиссия очень добросовестно сделала все запросы, но к моему приезду ровно ничего не заказала по чисто бюрократическим соображениям. Никто не захотел взять на себя инициативу заказать материалы и машины даже тогда, когда никаких сомнений не было и когда вопрос был до последней степени ясен.

До каких бюрократических несообразностей доходит дело, видно хотя бы из того, что газовые трубы [диаметром] 6", которые нужны были в первую очередь, не были заказаны на том основании, что 6" соответствуют 152,4 мм. Все же немецкие трубы изготавливаются в метрической системе и потому трубы были [немцами] предложены 150 мм. Каждому [инженеру] ясно, что 6" и 150 мм – одно и то же, и маленькая разница в 2[,4] мм при условии, что соединительные части, вентили и пр. так же изготовлены в метрической системе, ровно никакого значения не имеет. Тем не менее, заказ не был выдан.

*Денежный вопрос вскоре разрешился тем, что через Берлин проезжал Л.Б. Красин, который, узнав о безвыходном положении Гидроторфа с заказами, ассигновал необходимые средства из тех сумм, которыми он располагает. Таким образом, вопрос о деньгах был урегулирован, и оставалось только заказывать оборудование.**

<...> Казалось бы, все складывается так, что можно в несколько дней выдать заказ, но на деле оказалось иначе. Вся постановка дела в Советских учреждениях за границей настолько бюрократична и настолько неподвижна, что никакой работы производить нельзя. <...> Мое предложение – немедленно заказать, во избежание дальнейшей потери времени, трубы, насосы и пр., встретило формальные возражения, так как по казенным правилам железнодорожной Комиссии надо было вновь сделать точные запросы целому ряду фирм и ждать предложений.

<...> Выписка заказов с необходимыми подписями отняла очень много времени, и в результате трубы были выписаны только в апреле, перед праздниками заграничной Пасхи. Времени было потеряно бесконечно много, но и после этого не удалось отправить труб, так как по правилам железнодорожной Комиссии всякий заказ, даже такой простой как на газовые трубы должен быть принят на заводе особой комиссией. На это опять ушло много времени, пока я наконец, потеряв терпение, не написал железнодорожной Комиссии, что я прошу все отправлять без испытания на заводах и что я принимаю на себя ответственность перед Советским правительством за несоблюдение в данном случае формальностей. И только после этого трубы были, наконец, со склада отправлены в Штеттин для дальнейшей отправки в Ревель и в Россию. Аналогичная история повторилась со всеми остальными заказами.

* Между прочим, находясь в Берлине, наркомвнешторг Л.Б. Красин устроил очередное «перетряхивание» в советском полпредстве, что отнюдь не способствовало конструктивной, спокойной работе его персонала. Вот что об этом писала местная эмигрантская газета «Руль» в Приложении к номеру от 8 марта 1921 г.:

В советском представительстве

<...> Из достоверного источника нам сообщают, что находившийся на прошлой неделе в Берлине Красин предпринял, на основании полученных им от центрального советского правительства директив, коренную реорганизацию берлинской советской миссии, выразившуюся, прежде всего, в удалении целого ряда служащих. В первую очередь Красиным был совершенно удален от дел бывший заместитель [полпреда] Коппа и главный секретарь берлинской миссии Илья Рейх. На его место назначен личный друг Красина болгарско-русский коммунист Стомуняк [(Стомоняков)], до войны работавший вместе с Красиным на берлинском заводе Сименс и Гальске. Вместе с [И.] Рейхом был отставлен еще целый ряд ответственных советских работников. В виду предстоящей на днях новой ревизии многие из служащих советского посольства начали сами покидать свои посты. Так, внезапно подал в отставку русско-немецкий коммунист Ради, занимавший до последнего времени пост главного комиссара по финансовой части. Кроме того, Красиным было отдано распоряжение, согласно которому Коппу безусловно воспрещено вмешиваться в какие-либо торговые сделки, заключаемые большевиками в Германии. Все торгово-промышленные дела перешли в ведение Стомуняка. Копп остается исключительно политическим представителем советской власти. Предстоят дальнейшие реформы.

<...> Кончилось тем, что я попросил Ю.В. Ломоносова перевести на меня и В.В. Старкова (через личный счет [торгпреда] Стомонякова) три миллиона германских марок с тем, чтобы мы могли непосредственно делать заказы, минуя бюрократический порядок как железнодорожной Комиссии, так и Торговой Делегации.* Последние заказы были выданы уже нами обоими непосредственно, и это по-видимому единственный реальный способ работы. Очень обидно сознавать, что мы в несколько дней после моего приезда могли бы выписать все заказы и давно имели бы все машины и аппараты, если бы не были связаны по рукам и по ногам порядками Берлинских Советских учреждений, в которых мы не могли распоряжаться и где нас терпели только из любезности.

<...> Так или иначе, все необходимые заказы для Гидроторфа были произведены в марте и апреле месяце и затем грузы были направлены через экспедиторов. К сожалению, постановка экспедиторского дела пока очень плоха, и только в Ревеле дело поставлено правильно и оттуда грузы будут идти быстро. Влиять же на приход грузов в Ревель приходится через ряд Советских учреждений, друг другу не подчиненных, не связанных и работающих врозь.

Неудивительно, что при таких условиях к моему проезду через Ревель ни один из давно отправленных грузов в Ревель еще не прибыл, и все машины, заказанные к этому сезону, запоздадут и придут, вероятно, только в середине сезона, если не позже, так что торфяная кампания совершенно зря будет подорвана.

* Понять, из каких источников Ю.В. Ломоносов мог с такой легкостью перебросить 3 млн. германских марок на нужды Гидроторфа, нам помогут следующие документы:

16 марта 1920 г. «для обеспечения возможности заказа за границей паровозов и запасных частей для ремонта железнодорожного транспорта Совнарком постановил: забронировать для вышеуказанной цели триста миллионов (300 миллионов) рублей золотом в виде слитков и золотой монеты, находящихся в кладовых Народного банка». РГАЭ. Ф. 413. Оп. 4. Д. 307. Л. 138

Постановление СНК:

28 октября 1928 г. [1920 г.! – МК] Утвердить договор, заключенный 21 октября 1920 года тов. Ломоносовым от имени Центросоюза с Северным Торговым Банком в Стокгольме и с паровозостроительным заводом «Нидквист и Гольм» в Трольгатене относительно перевозки, страховки, хранения и продажи шестидесяти тысяч (60 000) килограмм русского золота, а равно о выдаче названным банком полной гарантии платежей по заказу ста паровозов в Германии. РГАЭ. Ф. 4038. Оп. 1. Д. 18. Л. 33.

8 ноября 1920 г. Ломоносов сообщает, что в Ревеле им взято «четыреста тридцать два ящика, заключающих российской золотой монеты на двадцать пять миллионов девятьсот двадцать тысяч рублей». (РГАЭ. Ф. 4058 [Ф. 4038? – МК]. Оп. 1. Д. 64. Л. 1)

Письмо из Nordiska Handelsbanken Ю.В. Ломоносову:

22 января 1921 г. Настоящим подтверждаем получение <...> 432 и 316 ящиков золотых рублей весом двадцать тысяч четыре килограмма семьсот семьдесят два грамма чистого золота и десять тысяч три килограмма сто двадцать три грамма чистого золота. РГАЭ. Ф. 413. Оп. 4. Д. 307. Л. 154.

Летом 1921 г. Ломоносову было поручено организовать переплавку российского золота в Швеции с тем, чтобы после переплавки на слитках стояли штампы Шведского Монетного двора: такое золото, без удостоверения о его происхождении, принимали повсюду. Например, в Соединенных Штатах. (РГАЭ. Ф. 4038. Оп. 1. Д. 65. Л. 125)

Цитируются по статье А.А. Иголкина «Ленинский нарком: у истоков советской коррупции» (в ней имеются досадные опечатки). / «Новый исторический вестник». Избранное. 2000-2004. М., 2004 // «Новый исторический вестник», 2004, №1.

Юрий Владимирович Ломоносов, «благодетель Гидроторфа»

В пояснение к этому фрагменту доклада приведем расшифровки писем Р.Э. Классона своему сыну Ивану, сделанные последним и подшитые в делах Гидроторфа:

2 марта 1921 г. Дело обстоит неважно, запросы сделаны неверно, кто-то перестарался и написал, что насосы на 20 атмосфер должны быть построены для торфяной воды с примесью торфа 10-20%. Конечно, все крупные насосные фирмы отказались, и теперь время упущено. Я стараюсь найти готовые насосы, но везде требуют 4-6 недель срока, что [для них] очень мало, но для нас много. Трубы есть, и на днях будут их высылать в Ревель.

17 марта 1921 г. Заказы сделаны. <...> Сообщаю, что тут такая бестолковая организация, что очень трудно что-нибудь сделать, только мое личное знакомство с фирмами вывозит и удается поместить заказы, но все опоздает [к торфяной кампании 1921 года].

По поводу того, что «кто-то перестарался» насчет «торфяной воды» можем лишь предположить, что это произошло еще в Москве, в Наркомате внешней торговли, куда поступил заказ Гидроторфа от 6 ноября 1920 г.: «1. Насосы высокого давления, давлением 16-20 атм, производительностью около 300 куб. м в час, <...> 6 штук. 2. Газовые трубы [диаметром] 6 дюймов с муфтами или фланцами – 4500 м, на 3 дюйма – 450 м <...>».

Насчет перегрузки товаров в Ревеле много интересных сюжетов содержится в книге Г.А. Соломона «Среди красных вождей» (см. Приложение “«Революционная борьба» и ее последствия”). А вот какие впечатления вынес из обстановки в Ревельском порту корреспондент «Руля»:

Ревельский порт перегружен товаром для советской России. Не будь в распоряжении здешней советской миссии достаточного количества вагонов для спешной переправки в Россию выгруженного с судов товара, давно уже создалось бы катастрофическое положение в порту, не приспособленном для таких громадных транспортов. Совершенно иначе обстоит дело с его вывозом. В государственном масштабе советское правительство не может вывозить даже леса. <...> «Руль» (Берлин), 6 июля 1921 г.

Председатель Совнаркома 24 мая весьма резко откликнулся на доклад Роберта Эдуардовича:

<...> По существу: удивлен Вашим письмом. Такие жалобы обычны от рабочих, не умеющих бороться с волокитой. Ну, а Вы? А Старков? Почему же ни Вы, ни Старков не написали мне вовремя? Почему Старков, сидящий в Германии месяцы, не написал мне ни разу?? По моему, его за это надо подвергнуть взысканию. Почему и он, и Вы только «плакались», а не предложили точных изменений: пусть де СНК (или НКВТ, или кто иной) поставит так-то. (Не требовать от всех заводов и т.п.) <...>

Так и хочется ответить председателю Совнаркома – потому что кончается на «у»: вы же, большевики, создали громоздкую бюрократическую машину, где чиновник-«винтик» любого уровня не осмеливается принять самостоятельное решение и переправляет любой вопрос в комиссию или «наверх».

Р.Э. Классон грубо ответить, конечно же, не мог – был не так воспитан, поэтому он 29 мая написал вполне уважительно:

<...> Для того чтобы преодолеть сопротивление Главторфа, мне пришлось отступить от заказа двух прессов и ограничиться только одним прессом, в качестве опытного. Провести два пресса было бы невозможно, в виду сопротивления всех инстанций. <...> У нас остались разногласия с Главторфом лишь по поводу способа заказа. Я лично знаю, как делаются дела в наших заграничных учреждениях, и настаиваю на том, чтобы ехал знающий, толковый человек, который тут же, на месте все решил. Наиболее подходящим человеком я считаю В.Д. Кирпичникова. Главторф же предлагает послать нескольких чиновников из Главторфа, с чем я совершенно не могу согласиться, так как количество не заменит качества, и они побоятся решить вопросы, что, конечно, естественно, так как они с предметом незнакомы.

Далее, согласно публикации в Ленинском сборнике (т. XX, 1932 г.), следовал перечеркнутый председателем Совнаркома и потому не приводившийся текст. Эту неприятную для В.И. Ульянова-Ленина констатацию фундаментальной порочности «советской системы» мы можем наконец-то воспроизвести:

Что касается вопроса о виновности В.В. Старкова и меня в том, что мы в свое время не довели до Вашего сведения о беспорядках в заграничных учреждениях, то я надеюсь доказать Вам, что мы оба не так виноваты, как Вам кажется. Дело ведь не в людях, а в системе, а переменить систему по письму, конечно, невозможно.

Кроме того, в письме нельзя было всего написать, я и теперь свой доклад [от 20 мая] очень смягчил, так как не обо всем можно писать, письмо могло попасть в чужие руки за границей, а это было бы очень неприятно. В.В. Старков писал очень много, но, как и следует, писал «по начальству», то есть во Внешторг. <...> Я не решаюсь занимать больше Вашего времени и, когда Вы освободитесь, я Вам сделаю подробный доклад о положении вещей в заграничных учреждениях.

Поскольку В.И. Ульянов-Ленин выслушать «подробный доклад о положении вещей в заграничных учреждениях» не пожелал, то он и не попал в «анналы истории»...*

* В качестве некоей компенсации несостоявшегося устного доклада Р.Э. Классона председателю Совнаркома приведем два письма сведущих людей, присланные в берлинский «Руль» в 1926 году. За 5 лет практически ничего в системе внешней торговли и в самих торгпредствах не изменилось, разве что Москва стала спорадически «наводить экономию» в издержках на содержание последних и неотступно усиливать коммунистическую и чекистскую составляющие в их деятельности:

Берлинское торгпредство (письмо в редакцию)

Нам пишут из немецких кругов:

Сообщение в Вашей газете о происшествии в берлинском торгпредстве [(речь идет о скандале с поставками недоброкачественной бумаги, в котором оказался замешан зам заведующего техническим отделом торгпредства Маркус Самуилович Шухгалтер, подозревавшийся в систематическом получении от поставщиков бумаги «откатов» в размере 10-15%, отказавшийся затем вернуться в СССР и ставший невозвращенцем)] не удивило никого из тех, кто имел когда-либо случай заглянуть в царящие там порядки и ознакомиться с господствующим там духом.

В течение многих лет германская промышленность и германские коммерсанты покрывали преобладающую часть спроса на товары, ввозившиеся в Россию из заграницы. Они имели в России собственные отделения, собственных представителей или же коммивояжеров, посещавших Россию. Берлинское торгпредство при своем возникновении должно было лишь восстановить отношения со старыми, испытанными поставщиками. С германской стороны оно встретило бы при этом полную готовность возобновить торговлю с ними. Прежним представителям германских фирм было поручено восстановить работу, но при этом они натолкнулись на неожиданные затруднения. [Зав. импортным директоратом и член совета торгпредства Абрам Львович] Маковский запретил принимать этих представителей промышленности в торгпредстве. Он сообщил фабрикантам, что он желает работать с ними непосредственно. Многие из промышленников, проживающих за пределами Берлина, вынуждены были поэтому ограничиться перепиской.

*Это не только тормозило дело, но неизбежно должно было привести к «панаме». Вместо представителей германских фирм выступили родственники и приятели отдельных служащих торгпредства. Результатом указа Маковского явилось то, что посредничество перешло к людям, которые были удобны для всякого рода манипуляций. *Nunc illae lacrimae!* [(«Вот откуда эти слезы!»; в расширенном смысле – вот в чем подоплека)]!*

Это не было секретом. Даже в газетах появлялись иногда объявления о том, что «лица, поддерживающие хорошие отношения с торгпредством, желают получить представительство германских фирм». Они имели свободный доступ на Линденштрассе и заключали там крупные сделки. При таких порядках осложнения, подобные обнаруженным, неизбежны.

Е.Е.

«Руль», 20 мая 1926 г.

В торгпредстве (письмо в редакцию)

В газете «Руль» от 19-го с.м. [правильнее, от 20 мая – МК] помещено письмо госп. Е.Е., в котором совершенно правильно освещается, к чему привело желание торгпредства вступить в непосредственные сношения с немецкими фабрикантами. С одним только нельзя согласиться, что все бесчисленные злоупотребления являются результатом неудачного распоряжения одного лица. Беда в самой системе, которая неизбежно будет вызывать злоупотребления и задерживать восстановление хозяйственной жизни России.

В то время как в частной торговле, при свободной конкуренции, дело остается за наиболее знающими и энергичными руками, в торгпредствах главное внимание обращается на коммунистическое исповедание. Никогда нигде чиновник по назначению не делал успешно торгового дела, но когда к этому делу, весьма по существу своему практическому, примешиваются абстрактные соображения, то ничего лучшего не могут придумать, как каждого спеца, не объявившего себя коммунистом, взять под тройной контроль и шпионаж. Это, конечно, не значит, что коммунисты друг за дружкой не следят.

Даже сам [полпред] госп. Крестинский попал в статистику: ревнивые товарищи тщательно отмечают, сколько раз он пренебрежительно пропускал их собрания и сколько раз с истинным увлечением стремился на собрания немецких буржуев.

*Вот в этой атмосфере взаимного шпионажа и приходится работать. **Вовсе нет необходимости доказывать, что торгпредство состоит из сплошных преступников или невежд. Наоборот, там имеются и знающие, и приличные люди, но система такова, что люди эти не дают того, что они дали бы в нормально существующем учреждении.** И если кто-нибудь из них, несмотря на настойчивые приглашения, не хочет ехать в Россию, это еще не свидетельствует о преступности.*

Зато в эти самые анналы попали в начале 1930-х воспоминания все того же Г.А. Соломона, из которых мы приведем лишь некое резюме о «положении вещей в советском посольстве в Берлине», т.е. у соседей торгового представительства (в обоснование которых следовали совсем уж неудобные для «красных вождей конкретные факты и сюжеты):

Мое первоначальное ознакомление с состоянием дел посольства [летом 1918-го] произвело на меня весьма неблагоприятное впечатление. Всюду царила анархия, которая все резче и резче выступала на вид по мере того, как я входил в дела.

Отнюдь не желая вдаваться во все мелочи канцелярского быта, я все-таки должен остановиться на этом моменте, так как, по существу, это явление было и остается до сих пор типичным для советского строя и объясняет, почему повсюду во всех советских учреждениях и в России и за границей мы встречаем крайне разбухшие, совершенно не соответствующие истинной потребности, бюрократические аппараты: массы служащих, которые бестолково, не зная дела, суетятся и что-то работают, что-то путают, к ним в помощь для распутывания назначаются другие, которые тоже путают, и так до бесконечности...

Окончание примечания

У всех поголовно – страх перед ГПУ, и, конечно, страх этот имеет свои законнейшие основания. Учреждение такое, что сознаешься в чем угодно. А кроме того, припоминаются пять семей в квартире в 6 комнат и утреннее стояние в очередях перед уборной, обучение детей в советских учебных заведениях и целый ряд других «прелестей», как например советский брак в стиле мадам Коллонтай, и у отца подрастающей дочери сердце холодеет. Неудивительно, что большинство вместе с госп. Крестинским предпочитает буржуйский воздух коммунистическим ароматам.

Но, конечно, бывает и грех кое с кем, а чаще всего с теми, кто вопит о своем коммунизме, и, как бы зорко ни глядели деятели, сменившие секиру палача на жезл Меркурия [т.е. чекисты – МК], злоупотребления будут. Будут потому, что потребности России необъятны, и туда хлынул бы необходимый для оздоровления России капитал, если бы там были необходимые правовые условия и не было бы тех нелепых рогаток, которые представляют собой торгпредства. Будут потому, что объем немецкой индустрии прежний, а количество иностранных рынков не прежнее, и, понятно, каждый немецкий производитель, столкнувшись в тесной двери с своим конкурентом, старается вытеснить его всяческими мерами. Будут потому, что в торгпредствах от их коммунистической дипломатии несет запахом толкучки, а все бесчисленные приезжающие на гастроли комиссии с чисто хлестаковской развязностью трезвонят о многомиллионных заказах, а потом заказы эти оказываются совершенно ничтожными или их вовсе нет, а потому претенденту на заказы нужна во что бы то ни стало правильная информация. Будут еще и потому, что ни один из советских служащих не уверен в завтрашнем дне, что жены их должны прятать от нескромных взоров новую пару чулок, могущих навести на подозрение и являющихся достаточным поводом для перевода в Россию, перед ясные очи ГПУ.

А должность пока предоставляется человечку со связями или коммунистическим дипломом, делающего его обладателя пригодным на всякое амплуа. И неудивительно, что в торгпредство являются такие юркие джентльмены, которые по своей прежней деятельности ничего общего не имеют с теми товарищами, которые они пропихивают через созданные большевиками, для удобства своей партии и в бесконечный вред России, теснины.

Какие бы черные списки ни рассылали по своим учреждениям г.г. Бегге [Карл Микельевич Бегге в 1926 г. возглавлял берлинское торгпредство, имеются в виду он и подобные ему совчиновники, «верные слуги режима»] и как бы они ни выслеживали, с кем раскланивается тот или иной служащий, дело от этого не улучшится. Нужны не полицейские меры и не преследование, а нужно, чтобы та свобода, в которой так нуждается Россия, была осуществлена; чтобы были сняты цепи с частной инициативы, а за государственным учреждением, каким является торгпредство, осталось бы только право надзора, и, быть может, законодательной инициативы.

Тогда советские векселя не будут учитываться из 24 проц. годовых, как это делается сейчас, когда стало мало векселей, и из 36-ти, как это было недавно, когда векселей было побольше. Этот высокий учетный процент является невероятным, длительным преступлением перед Россией, и всем советским «генералам» в часы уединения не мешало бы проверить перед своей совестью, какая доля ответственности лежит на них за это преступление, в сравнении с которым история с бумагой является совсем пустяком. Преступление же это только одно из многих.

В.В.

«Руль», 8 июня 1926 г.

<...> И все эти сотрудники по большей части ничего не делали, получали большое жалованье, слонялись без дела, играя на биллиарде, стоящем в большом зале, в который выходила дверь кабинета Иоффе или подбирая разные песенки на великолепном «Бехштейне», стоящем в белом зале посольства... Но, конечно, все они стойко охраняли свои «классовые» интересы, и заставить их что-нибудь делать было нелегкой задачей.

Мы видели, что деньги, которые были в посольстве, расходовались совершенно произвольно, и для меня быстро выяснилось, что вся эта публика, считая себя истинными революционерами-победителями, смотрела на народное достояние, как на какую-то добычу, по праву принадлежащую им. И в результате каждый урывал себе что мог, перебивая друг у друга и стараясь обставить свое существование всеми доступными благами жизни.

<...> Упомяну также и о том, о чем я не говорил или очень мало говорил до сих пор, а именно, об неудержимом обжорстве моих сотрудников. Явившись по своему положению нуворишами, дорвавшись до момента, когда они получили возможность, никем и ничем несдерживаемые, «лопать» (да простит мне читатель это совсем нелитературное выражение) сколько угодно и что угодно, и даже как угодно, они не стеснялись и форменным образом обжирались.

И, помимо того, что приобреталось за большие деньги в Берлине, из голодной, уже истощенной России постоянно доставлялись дипломатическими курьерами разные русские деликатесы, как икра, балык, колбасы, масло, окорока, консервы...

О самом берлинском торгпредстве написал целую книгу работавший в нем заведующим правовым отделом Юрий Александрович Рапопорт – Советское торгпредство в Берлине. Из воспоминаний беспартийного спеца. Нью-Йорк, 1981. Мы ниже приведем выдержки из нее. Однако это был взгляд «человека изнутри», хотя и беспартийного. А взгляд «человека снаружи» мы уже приводили в примечании.

Примерно такие же тезисы, конечно, более приглаженные и более мягкие, Р.Э. Классон мог бы наговорить председателю Совнаркома, но, как мы уже писали, В.И. Ульянов-Ленин не пожелал его принять. Все-таки Роберту Эдуардовичу удалось донести до своего старшего знакомого некоторые тезисы о жутких деформациях в совучреждениях, вызванных политикой военного коммунизма, в своей записке «В ГОЭЛРО» (см. очерк «Под большевиками»). И ряд тезисов этого документа вполне распространялся на совучреждения за границей, которые хотя и действовали в «капиталистическом окружении», но были копиями совучреждений в России – даже со своими партийными ячейками, военными комиссиями, комиссиями по «чистке аппарата» и т.д. и т.п.

Ниже мы приведем свидетельство Ю.А. Рапопорта об одной из таких «чисток аппарата», случившихся в апреле 1925 года, после которой скорострительно скончался зампред торгпредства В.В. Старков...

Ну и о чем же свидетельствовал этот сотрудник совучреждения в эпоху его зарождения? К сожалению, его книга дает лишь намеки на сию эпоху. Дело в том, что Александр Юрьевич, став невозвращенцем и осев в конце концов в США, не занимался изданием своих воспоминаний.

Лишь после его смерти в 1973-м дочь, проживавшая в Нью-Йорке, занялась этим благородным делом, однако рукописи находились в Тульсе (штат Оклахома), и при их пересылке в Нью-Йорк первая половина (относящаяся к 1921-25 годам) безвозвратно пропала. Поэтому была издана лишь вторая половина воспоминаний (за 1926-30 годы). Но и она дает некоторое представление о «раннем» торгпредстве в Берлине.

Итак, Юрий Александрович Рапопорт по рекомендации Л.Б. Красина в 1921 году получил назначение в Берлин, в созданное там в то время торгпредство, так как знал в совершенстве немецкий язык. Вскоре он стал заведовать правовым отделом, и наверняка мог пересекаться с Р.Э. Классоном, но судьбе было угодно затерять большой фрагмент рукописи Ю.А. Рапопорта, где возможно содержались его впечатления от этой яркой личности.

Поэтому мы сможем дать фрагменты, лишь косвенно относящиеся к началу 1920-х. В разделе «Эпоха Бегге (1926-1929 гг.)» приводятся такие свидетельства и умозаключения:

Различные фазисы развития Берлинского торгпредства являлись в значительной мере отражением соответствующих фазисов политики большевиков в Советской России. В такой перспективе можно понять, почему первые годы деятельности торгпредства впоследствии стали казаться нам, старым его работникам, чем-то вроде «золотого века». До известной – во всяком случае очень условной – степени заря НЭПа и зенит его, падающие как раз на годы 1922-25, являют собой наиболее сносное время большевистского владычества в России. <...>

Легче всего было проводить новую политику [(НЭП)] в заграничных учреждениях. Над ними не довлел в такой мере коммунистический пресс, они стояли далеко от развращенных [большевистской] демагогией масс – и здесь был большой простор для организационного построения под знаком целесообразной необходимости. Это нашло свое отражение в работе торгпредства в период Стомонякова (первый торгпред в Берлине).

Чтобы не быть ложно понятым, должен подчеркнуть, что, говоря об этом «золотом веке», я оперирую относительными понятиями, ибо мы могли видеть, что бесплочны и нелепостей, как в отношении оперативного ведения дел, так и в плоскости организационной, было предостаточно и в эту пору. Но указанная основная черта, характерная для этой поры, а именно европеизация торгпредства, несомненно имела место.

Европеизация является антиподом советизации. И естественно поэтому, что когда с 1925 года НЭП стал склоняться к закату, одним из проявлений новой политики должна была явиться именно советизация заграничных учреждений. Под знаком этой советизации и проходил второй период жизни берлинского торгпредства, который я назову «эпохой Бегге». <...>

Пост торгпреда в Берлине после ухода Стомонякова оставался формально вакантным в течение года. Стомоняков выбыл из строя в мае 1924 года, и до апреля 1925 года торгпредством управлял его зам Старков, который и умер на этом посту. После Старкова в течение лета 1925 года обязанности торгпреда исполнял Аврамов. Бегге приехал [в сентябре 1925 г.], таким образом, как бы на пустое место. <...>

В разделе «Внутренние распоряжки торгпредства» Ю.А. Рапопорт приводит следующие детали:

Перехожу к изложению внутренних распоряжков торгпредства в описываемый период [(1926-1929 гг.)]. Это – вопросы организации торгпредства, штатов, взаимоотношений торгпредства с сотрудниками. Во всех этих областях повседневной жизни торгпредства больше всего отразился «новый дух», который я охарактеризовал в самом начале, как советизацию торгпредства, впоследствии вылившуюся в его полную геппеузацию.

<...> В ЦКК-РКИ, членом президиума которого он был, совмещая эту должность с членом президиума ГПУ, Ройзенман и получил в свой департамент внешнюю торговлю. Наиболее крупной из всех его ревизий была ревизия берлинского торгпредства. Она производилась два раза: впервые весной 1925 года в виде краткого налета по партийной линии, и затем в течение всего лета 1926 года – уже в полном объеме.

Когда шла партийная чистка, я находился в Москве в делегации по торговым переговорам [с Германией]. Приехав на несколько дней на Пасху 1925 г. [(отмечалась 19 апреля по н. ст.)] в Берлин, я застал там картину полного смятения среди всех сотрудников. Работа Ройзенмана на этот раз, правда, касалась только партийцев, но через их головы она была рикошетом по всей массе сотрудников [(числом около семи сотен)].

Хорошо помню свой разговор по этому поводу с покойным Старковым, исполнявшим тогда должность торгпреда. Этот закаленный старый интеллигент, когда я, как получилась телеграмма буквально следующее:

“Скажите Борису Спиридоновичу, что я больше не могу. То, что творит здесь Ройзенман, невыносимо. Можете себе представить, что он в [партийной] ячейке вынес решение, в котором содержится приказание мне снять заведующих отделами. Когда я заявляю, что мне нечем их заменить и что прежде чем снять их, пусть Ройзенман даст мне других, – он отвечает: «Это уж ваше дело. Замещайте, как хотите. Ответственность несете вы, а я не позволю оставаться тем заведующим, которых нахожу неподходящими». Я так больше работать не могу. Пусть Борис Спиридонович пришлет кого-нибудь. Я не в состоянии дальше вести работу.”

Едва я успел приехать в Москву, как получилась телеграмма о том, что Старкова хватил удар, и через два дня [(26 апреля)] его не стало. Это была первая жертва Ройзенмановской работы в Берлине. Развернулась же она вовсю через год, уже при Бегге.

Достаточно тривиальные сюжеты содержатся в разделе «Структура торгпредства»:

Структура торгпредства, сама по себе, могла бы быть очень простой. По аналогии с частными коммерческими предприятиями этого типа, торгпредство возглавлялось генеральным директором – торгпредом и двумя оперативными директорами – заместителями торгпреда. Схема отделов определялась характером работы торгпредства и его природой, как правительственного коммерческого учреждения. В соответствии с этим существовало несколько отделов импортных, приносивших к основным отраслям импортной деятельности, и, точно так же, несколько экспортных отделов по основным группам экспорта. Для технического обслуживания предприятия при нормальных условиях должен был существовать небольшой хозяйственный отдел. И это было бы все, что нужно. Для придания работе некоторой иерархической стройности торгпредство было разделено на два основных управления: на так называемую комиссариатскую часть, объединяемую управлением регулирования, и коммерческую часть, руководившую оперативной работой. Это положение было закреплено в законодательном порядке и, в сущности, не было никаких поводов его менять.

Ревизия Ройзенмана [(в 1926 году)], отражавшая реорганизационные пароксизмы советской власти, сочла необходимым ломать установленную схему. <...>

Достаточно интересные сюжеты приведены в разделе «Советизация торгпредства», причем они прекрасно корреспондируются с московскими впечатлениями Г.А. Соломона:

Советизация торгпредства шла в разных направлениях и мало-помалу опутывала густой большевистской паутиной весь аппарат.

Основной тон новому духу времени давала так называемая «советская общественность». Известно, что эти словечки стали входить в большевистский обиход как раз тогда, когда от какой бы то ни было общественности, хотя бы и кургузо-коммунистической, давно уже не осталось следа.

В торгпредстве советская общественность выразилась, по образцу Советской России, в ряде институтов: [партийная] ячейка, клуб, исполком, профсоюз, ИТЭС (инженерно-техническо-экономическая секция), экономсовещания. Каждый из этих институтов и в Советской России давно уже утратил свой первоначальный смысл и значение, сделавшись казенным флагом для прикрытия беспросветной диктатуры и системы потовыжимания.

Если в первые годы коммунистической власти партийные ячейки имели значение хотя бы более или менее свободной политической говорильни, то теперь они обратились частью в склочный сток, куда стекается мутная грязь коммунистического мещанства, частью – в аппарат, через который проводятся приказы начальства.

Если клубы первоначально действительно ставили себе целью просвещать, хотя бы односторонне, советские массы, то теперь они сделались центром нажима администрации и танцующей высшего ранга. Если исполкомы служащих, как и фабзавкомы на предприятиях, когда-то, в пору завоевания демагогическими способами симпатий масс, являлись суррогатами пролетарского самоуправления, то теперь им придавали значение привеска к административному аппарату. А все эти ИТЭСы и экономкомиссии [(экономсовещания)] были созданы ad hoc [«по месту»], для уловления беспартийных специалистов и для усиленной эксплуатации работающей публики. Так «вся советская общественность» стала грубой фальсификацией, как и другие обветшалые коммунистические лозунги и словечки.

Начну с [партийной] ячейки. Самое понятие коммунистической «ячейки» в условиях генеральной линии [ВКП(б)] является чистейшим абсурдом. Поскольку ни в одном предприятии или учреждении никакие объединения, кроме коммунистических, не допускаются – эти коммунистические объединения не могут называть себя ячейками, ибо они не являются ими.

В первые годы существования торгпредства о ячейке мало что было слышно. Всем, разумеется, было известно, что таковая существует, что она имеет свои «среды» [(день недели)] – так называемый партийный день, что там собираются коммунисты и о чем-то разговаривают. Но никакого влияния на ход работы в аппарате ячейка не имела. Интересно отметить, что коммунисты как бы с некоторой конфузливостью старались законспирировать ячейку от беспартийной публики. Это было еще то время, когда пытались соблюсти аппарансы [(наружный вид, правдоподобие)] и строго отделять советский аппарат от партийного, вызывая вовне впечатление, что ячейка является чисто партийным органом, ничего общего с учреждением или предприятием как таковым не имеющим.

В течение первых 5-ти лет существования торгпредства секретари ячейки «выбирались» из среды сотрудников самого торгпредства. Выборы были, разумеется, липовыми, как и всякие советские выборы. Секретаря фактически намечало оргбюро центрального комитета партии, и притом – из лиц, сугубо заслуженных перед центральным комитетом. Но тем не менее эти секретари не являлись в чистом виде аппаратчиками, и секретарство в ячейке не было их единственным занятием.

Так, в течение 2-х или 3-х лет несменяемым секретарем ячейки берлинского торгпредства был упоминавшийся мною Фридрихсон [(который затем получил высокое значение в Москву)]. Его сменил тоже названный мною выше председатель Центросоюза Шеин [(который занимался экспортом яиц и птицы, главным образом гусей)]. Фридрихсон был тупым чекистом, Шеин – хитрым мужичком. Оба они, конечно, исполняли волю партийного начальства. Но оба вели оперативную работу [т.е. повседневную – МК], а Шеин даже и довольно большую и сложную. В ячейке они были более или менее техническими секретарями.

Тон в ней задавали почетные коммунисты Берлина, главным образом [полпред] Крестьянский. Так, в первые 5 лет ячейка еще не существовала как государство в государстве, как направляющий орган аппарата торгпредства. Все это изменилось со вступлением в управление торгпредством Бегге, правильнее сказать, после ревизии Ройзенмана. <...>

Исполком – в расшифрованном виде исполнительный комитет служащих, впоследствии переименованный в обком, то есть объединенный комитет служащих советских учреждений в Берлине, – имеет свою историю, в известной степени аналогичную с историей ячейки. Как и в ячейке, здесь старались сохранять первое время видимость общественности. Это выражалось в том, что иногда устраивались выборы исполкома. В члены последнего попадали рядовые служащие – разумеется, почти исключительно коммунисты, – но из состава работников торгпредства. Члены исполкома и председатель его несли свои обычные служебные обязанности и, таким образом, не превращались в исполкомовских чиновников.

В этот первый период исполком не вел никакой работы и вовне себя почти ничем не проявлял. Существовали, впрочем, с самого начала два исполкома: русский и немецкий. Последний играл в первые годы гораздо более активную роль, осуществляя служебную связь между торгпредством и немецкой коммунистической партией. По существу немецкий исполком являлся органом для вербовки в торгпредство наиболее испытанных немецких коммунистов и для надзора за этими коммунистами. Таким образом, для немецких коммунистов – сотрудников торгпредства их исполком являлся партийным начальством. Председатель исполкома и вел себя соответственно, являя собой очень распространенный в Германии тип немецких коммунистических содержанцев советской казны. <...>

С русским исполкомом церемониться вообще было нечего. Пока торгпредством управлял Стомоняков, исполком был чистойшей декорацией. Ни он никого не касался, ни сотрудники им не интересовались. Все это изменилось с приходом Бегге, особенно после ревизии Ройзенмана. Началось с того, что были сняты фиговые листки, и председатель исполкома стал назначаться из Москвы. <...>

В разделе «ГПУ и советские хозяйственные органы» Ю.А. Рапопорт рассматривает процесс «гепеузации» торгпредства в Берлине, мы дадим здесь лишь небольшой фрагмент, опустив сюжеты с нахальным поведением не шибко грамотных чекистов:

Обволакивание советских хозяйственных органов чекистами получило широкое распространение с того времени как в 1924 году [председатель ОГПУ] Дзержинский был поставлен во главе ВСНХ, оставив за собой вместе с тем руководство ГПУ. Не избегло этой участи и берлинское торгпредство. Мало-помалу стали вкрапливать чекистов во все оперативные и другие отделы, и они начали заирать власть. <...> В первые годы мы почти не чувствовали в торгпредстве этой публики, да ее, вероятно, и было очень мало. Густой массой чекист пошел опять-таки после ревизии Ройзенмана. <...>

Раздел «Советизация и положение сотрудников» достаточно обширен, но мы приведем фрагмент из него в очерке «Классонята» (поскольку в торгпредстве служила стенографисткой со знанием иностранных языков первая жена И.Р. Классона Марья Ивановна Лисовская), опустив в том числе такой увлекательный сюжет как финансовое обеспечение коммунистов, с одной стороны ограниченных партмаксимумом, но с другой – привозивших жен и устраивавших их всеми правдами и неправдами на службу.

Понятно, что в советских заграничных учреждениях все 1920-е была куча самых разнообразных обстоятельств для неправильного их функционирования, с точки зрения честных деловых людей. Но все же попробуем зайти еще с одной стороны, тем более что в Интернете доступны экземпляры берлинской эмигрантской газеты «Руль» (zefys.staatsbibliothek-berlin.de/list/title/zdb/27230028/).

Заметку от 8 марта 1921 года «В советском представительстве» – про шухер, который там устроил проездом через Берлин наркомвнешторга Л.Б. Красин, мы уже приводили.

А вот следующая заметка, от 13 марта того же года:

В берлинском советском представительстве в четверг [10 марта] началась подготавливаемая уже долго ревизия. В ревизии принимают участие ряд комиссаров, приехавших на этой неделе в Берлин из Москвы. Некоторые уволенные служащие пока продолжают оставаться на местах. Бывш. помощник Коппа Рейх сдает дела своему преемнику – Стомуняку. В советском представительстве ощущается недостаток в средствах. Временно торговые представительства воздерживаются от новых крупных закупок и производят лишь уплаты по старым счетам.

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что в Штеттине скопилось большое количество товаров, подлежащих отправке в Советскую Россию [(переговоры между делегатами Германии, Латвии, Эстонии и Литвы об урегулировании железнодорожного движения между этими странами, в т.ч. об условиях сообщения между Берлином и Ревелем, только-только закончились)]. В последнюю неделю никаких погрузок не производилось. С другой стороны Стомуняком образовано несколько новых торговых-технических комиссий, которые в ближайшем будущем выезжают на различные заводы для осмотра предлагаемых большевикам товаров.

Предположим, что тов. Копп и Рейх были отстранены Л.Б. Красиным не только за неумелое ведение торговых и финансовых дел, но и за какие-то более существенные прегрешения. Например, за нецелевое использование средств, выделенных Совнаркомом под нужды Гидроторфа. Доказательство этого требует отдельного трудоемкого исследования.

Например, такое исследование выполнил сотрудник Нижегородского университета В.Л. Черноперов в своей работе «Неудачи внешнеторговой деятельности миссии В.Л. Коппа в Германии (1919-1920)» (www.vestnik.unn.ru/nomera?jnum=33). Упомянув о некоем документе Р.Э. Классона по поводу непрофессионализма аппарата торгпредств, появившемся в 1923 году, он тем не менее ни словом не обмолвился о подоплеке отставки В.Л. Коппа и его помощника И. Рейха:

Стремление большевистских властей улучшить работу торгпредства за счет новых сотрудников-коммунистов без учета их профессиональных знаний особых результатов не давало. В 1923 г. известный инженер Р.Э. Классон на основе собственных наблюдений сделал вывод о слабой профессиональной подготовке персонала зарубежных торговых миссий СССР.

Красин знал об этом и, желая внести коррективы в кадровую политику, в том же году принял участие в обсуждении инициированного В.И. Лениным вопроса о реорганизации госаппарата. Со страниц «Правды» он, в частности, заявил: «...Уголь добывать, или выращивать хлопок, или восстановить производство паровоза... мы умеем... весьма плохо и никогда не будем уметь хорошо, пока не выбросим из головы несуразную мысль: будто бы надо заниматься политикой, а не хозяйством, или будто бы к любому производству можно подойти и любую фабрику наладить, если послать туда десяток коммунистов, прекрасно воспитанных политически, но не имеющих никакой выучки в данном ремесле или в данной отрасли промышленности».

Более подробно сего сюжета тот же В.Л. Черноперов коснулся в другой статье – «Дело В.Л. Коппа (1921-1922 гг.)»

(www.rusgermhist.ru/documents/isledovateli/chernoperov):

Имя Виктора Леонтьевича Коппа – революционера с дореволюционным стажем, агента «Искры» и одного из первых советских дипломатов лишь в последние годы привлекало внимание исследователей.

Однако многие моменты его жизни остаются не изученными. Среди них – обстоятельства следственного «дела В.Л. Коппа» 1921-1922 гг. Восполнить обозначенный пробел и призвано настоящее сообщение. Его источниковую базу составили материалы Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ).

В.Л. Копп с осени 1919 г. находился в Веймарской республике. Формально он занимался делами военнопленных первой мировой войны, а с осени 1920 г. и интернированными красноармейцами, однако фактически исполнял роль полпреда и торгпреда советского государства в Германии. Его внешнеэкономическая деятельность протекала не всегда удачно. Подчас она вызывала нарекания руководителей наркомата внешней торговли и вела к значительным материальным потерям. Ситуацию усугубляло то обстоятельство, что большая часть операций В.Л. Коппа проходила через советское представительство в Ревеле (Таллине), о котором со второй половины 1920 г. говорили как некомпетентном и «не чистом на руку». Глава тамошней миссии И.Э. Гуковский все обвинения отвергал и требовал судебного разбирательства. Выполняя его желание, политбюро ЦК РКП(б) 5 февраля 1921 г. создало специальную комиссию «с поручением рассмотреть все материалы дела». На основании ее работы в мае того же года «дело Гуковского» было передано в Верховный трибунал ВЦИК.

Пока шло следствие по ревельскому представительству, В.Л. Копп 6 мая 1921 г. добился подписания советско-германского временного торгово-политического соглашения о военнопленных, на основе которого торгпредство РСФСР в Берлине получило официальное признание немецких властей. Еще до заключения договора руководителем торговой миссии по протекции главы наркомвнешторга Л.Б. Красина стал Б.С. Стомоныков. Казалось, его приезд в Берлин должен был способствовать сосредоточению Коппа на дипломатических и военно-технических вопросах советско-германских отношений. Однако действительность оказалась иной.

«Дело Гуковского» повлекло проверку торговых структур РСФСР за рубежом, связанных с Ревелем. В Берлин для ревизии прибыла комиссия во главе с Ю.Х. Лутовиновым – рабочим-металлистом, активистом «рабочей оппозиции» и членом президиума ВЦИК. Вскоре у него с Коппом начались «трения». По словам В.И. Ленина, Ю.Х. Лутовинова направили в Германию не только для проверки, но и для лечения, в надежде, что он избавится от настроения «недовольства», которое у него было в Советской России.

Этот ревизор, обнаружив в берлинской миссии Коппа «ряд „наглеjších подлецов и воров“», начал с ними борьбу, в которой получил всемерную поддержку большевистского руководства. 6 апреля 1921 г. политбюро, основываясь на решении оргбюро ЦК РКП(б), постановило отозвать Коппа из Берлина, а двумя неделями позже включило Лутовинова в коллегию НКВД. Новоявленный дипломат, считая себя, «исполняющим обязанности полпреда», стал явочным порядком перехватывать дела и обязанности Коппа, который выехал в Москву в конце апреля 1921 г.

Несмотря на решение политбюро, Виктор Леонтьевич сохранил ключевые позиции в советско-германских отношениях. Кремль быстро понял, что у него не так много людей, завоевавших такие же обширные связи в политической, экономической и военной элите Веймарской республики. Последнее обстоятельство наглядно проявилось при посещении РСФСР представителями рейхсвера в мае 1921 г.

В результате по предложению Ленина политбюро ЦК РКП(б) 8 июня санкционировало возвращение Коппа в Германию, что вызвало протесты Лутовина и Стомонякова. Тогда политбюро потребовало конкретных обвинительных материалов.

Незадолго до этого решения Ленин направил Лутовину письмо, в котором обвинял адресата в распространении сплетен. Еще более жесткое противостояние обозначилось между Лутовиновым и руководством НКВД. Показательны следующие строки из письма этого рабочего-металлиста заместителю наркома иностранных дел М.М. Литвинову от 22 июня 1921 г. (копии Г.В. Чичерину, В.И. Ленину и В.М. Молотову): ««Предвидя, что я, серый мужик, очутившись в компании высококвалифицированных дипломатов, могу своим неловким движением нечаянно въехать кому-нибудь в скулу и вывернуть ее, получив приказ принять дело от Коппа, ...долго не соглашался... Я пришел не ко двору Вам...» В заключение Лутовинов предупреждал М.М. Литвинова: «Если Вы думаете назначить Коппа полпредом, рекомендую решение этого вопроса отложить до нашего приезда со Стомоняковым в Москву, ибо мы ни в коем случае не примиримся с его назначением и вновь поднимем вопрос. От этого ничего хорошего не произойдет».

Действительно, заместитель наркома иностранных дел, высоко оценивая Коппа, ходатайствовал об его официальном утверждении полпредом, и 25 июня 1921 г. политбюро приняло такое решение. В его постановлении говорилось: «Ввиду того, что в ответ на запрос ЦК т. Лутовинов не предъявил никаких серьезных данных, могущих послужить к отводу т. Коппа, назначить т. Коппа временно полномочным политическим представителем в Берлине, с выделением торговой части и передачи ее т. Стомонякову».

Стомоняков и Лутовинов встретили это известие «в штыки». Они приехали в Москву и 2 июля 1921 г. предъявили политбюро документы против Коппа. Протокольная запись не говорит об их содержании. Суть претензий определена в других документах. Во-первых, Коппа обвинили, в протезировании своему заместителю по берлинскому представительству Рейху, который якобы при заключении сделок имел корыстный интерес. Во-вторых, в подписании контрактов, повлекших большие казенные потери. Например, при покупке обмундирования и обуви для военнопленных и интернированных красноармейцев, которые оказались низкого качества, но были приняты в Ревеле.

Результатом обсуждения 2 июля 1921 г. стало постановление политбюро о создании комиссии в составе наркома юстиции Д.И. Курского, члена ЦКК РКП(б) А.А. Сольца и председателя Центросоюза Л.М. Хинчука, которой поручалось изучить предъявленные обвинения. Впоследствии конфликт получил название «Об инциденте Копп – Стомоняков» и обсуждался в политбюро 7, 9 и 15 июля 22. В итоге проблемы передавалось в ЦКК РКП(б).

Начавшееся расследование повлияло на положение Коппа. Полпредом РСФСР в Берлине стал Н.Н. Крестинский, а он – представителем Красного Креста, совмещая эту работу с решением вопросов военного сотрудничества. Со временем позиции Коппа ослабли еще более. Этому способствовали новые факты недостатков в берлинской миссии в период его руководства, решение о партийной чистке и новые выступления Красина в защиту Стомонякова и Лутовинова.

С начала 1922 г. политбюро стало добиваться возвращения Виктора Леонтьевича в Советскую Россию. Тот оттягивал отъезд, но, в конце концов, подчинился, выдвинув, правда, два условия. Во-первых, он настаивал на всестороннем выяснении обстоятельств инкриминируемых ему проступков. Требовал допроса «на месте, в Берлине» указанных им лиц и желал очных ставок, которые могли раскрыть «роль свидетелей», привлеченных ревизионной комиссией.

При этом он хотел, чтобы лица, давшие клеветнические сведения, «были привлечены к суду». Во-вторых, Копп настаивал на разграничении ответственности между ним и руководителями, «которым он подчинялся в 1919-1921 гг.»

Т.о., Виктор Леонтьевич хотел, «чтобы инкриминируемые ему... поступки, поскольку они в свое время были санкционированы соответствующими учреждениями, влекли за собой ответственность для этих учреждений и лиц». Фактически Копп ставил «под удар» руководителей НКВТ, НКВД, других наркоматов, а также членов политбюро.

Большевистский ареопаг рассмотрел «дело Коппа» 1 марта 1922 г и подтвердил «необходимость судебного следствия». Правда, политбюро решило выполнить требования Коппа и не возражало против его «технического использования» в НКВД.

Мы возможно неоправданно много места уделили характеристике торгпредства в Берлине и его руководителей, но через это заграничное учреждение проходили важные заказы для Гидроторфа по поставке оборудования, которые периодически срывались, запаздывали и тому подобное...

В том же мае 1921 г. Р.Э. Класону, который продолжал уделять внимание поставкам из Германии труб, электродвигателей и насосов, пришлось заниматься и лошадьми! Да-да, руководитель крупного госпредприятия 13 мая отправил в «надлежащие инстанции» письмо по такому, казалось бы, мелкому поводу:

Управление по делам Гидроторфа, крайне нуждаясь в конном обозе для своих хозяйств, в начале марта возбудило ходатайство перед Гуконом о разрешении купить 20 лошадей. Гукон дал разрешение на покупку 20 лошадей, годных для армии, по твердой цене в Нижегородской губернии и 8 лошадей племенных.*

Сейчас же по получении означенного разрешения Управлением было командировано несколько рабочих с агентом Управления Богдановым во главе в Нижегородскую губернию для означенной покупки. В Нижегородском Губвоенкоме дали по этому разрешению второе разрешение на два уездных Военкома: Лукояновский и Сергачевский.

По прибытии в г. Лукоянов агенту Богданову было оказано со стороны Военкомата всяческое содействие вплоть до приискания лошадей, но Военкомат не мог заставить крестьян продавать лошадей по твердой цене. Твердая цена на лошадей в Нижегородской губернии – 231 000 руб., крестьяне же дешевле 2½ миллионов рублей лошадей обозного типа продавать не желают. В Лукояновском Военкоме объяснили Богданову, что в их распоряжении нет других средств принудить крестьян продавать лошадей по твердой цене кроме мобилизации или реквизиции, но за реквизицию лошадей на Лукояновском конном базаре незадолго перед этим был объявлен выговор Военкому и приказано немедленно возвратить реквизируемых лошадей. В Сергачевском уезде тоже не было возможности приобрести лошадей по твердой цене, так как сейчас лошади нужны крестьянам, а реквизиция отменена. Наши посланные после этого возвратились обратно.

На ст. Балахна (15 верст до разработок) для Сормовских разработок Гидроторфа скопилось несколько вагонов машин и продовольствия. Все это не может быть доставлено на места из-за отсутствия своих лошадей у Гидроторфа. Крестьяне пашут и ни за какие деньги не берутся перевезти грузы Гидроторфа. Местные власти <...> не могут оказать Гидроторфу никакого содействия в переброске означенных грузов на места разработок. На разработках рабочие съехались и благодаря отсутствию транспорта сидят голодные и без работы. Мясо и рыба начинают портиться на станции.

* Гукон – Главное Управление конезаводства.

Кроме того, благодаря безводной весне уже теперь почти ежедневно горят вокруг разработок болота и леса. При деревянных постройках это большая опасность, а при отсутствии своих лошадей, могущих подвезти инструмент и людей, – это двойная опасность. Лошадей необходимо приобрести теперь же.

По двум распоряжениям Гукона Гидроторфу было разрешено приобрести 28 лошадей, и на покупку означенных лошадей Управление просило РКИ в своем отношении от 11 апреля за №1527 отпустить аванс в размере 80 миллионов рублей в срочном порядке, отнеся этот расход на счет непредусмотренных расходов, которых утверждено по смете Гидроторфа на 1921 г. всего 150 миллионов рублей, впредь до представления дополнительной сметы на эту статью.

Но Продовольственная Инспекция РКИ в отпуске означенного аванса, из расчета 2-3 миллиона рублей за лошадь, отказала, а разрешила, согласно установленным твердым цен Осценкома, платить за лошадь не более 500 000 рублей. 23/IV Управление обратилось в Гукон с просьбой отпустить ему лошадей в какой-нибудь местности натурой, но на это получен отказ: у Гукона нет наличного запаса лошадей*.

27 апреля Управление Гидроторфа обратилось в Главторф с просьбой оказать содействие в приобретении лошадей. Председатель Главторфа [И.И. Радченко] принял все меры, желая достать для Гидроторфа лошадей в натуре, но лошадей ниоткуда получить не удалось. Между тем время идет, цены на лошадей за эти 5 недель хлопот, хождения по учреждениям увеличились на 30%** . Закупку необходимо произвести срочно по имеющимся разрешениям Гукона.

Принимая во внимание, что подготовительные работы могут быть уже начаты, ввиду теплой погоды, Управление по делам Гидроторфа, дабы не задерживать начало этих работ, просит срочного разрешения СТО на покупку 20-25 лошадей по вольным ценам и отпуска на это 80 000 000 рублей. В противном случае Управление не может нести ответственность за аккуратное выполнение возложенных на него работ.

Более того, этой фигней занимались и Главторф, и Совнарком (центральное хозяйственное учреждение в России)!!!

Сначала свою резолюцию на этом письме Р.Э. Классона в тот же день наложил И.И. Радченко: «Главторф считает необходимым удовлетворить Гидроторф десятью (10) лошадьми. Все усилия выдать лошадей Главторфом не привели ни к чему».

К письму был приложен проект постановления Совета Труда и Оборона: «Ввиду исключительного значения для государства успешного проведения Гидроторфом торфяной кампании 1921 г. и краткости оставшегося до нее срока СТО постановляет: 1) Предложить в недельный срок Главному Управлению Конезаводства предоставить Гидроторфу 25 лошадей*** для хозяйственных надобностей. 2) В случае полной невозможности в предоставлении означенного количества лошадей разрешить Гидроторфу купить лошадей по вольным ценам по нарядам Гукона».

* Резолюция сего госучреждения выглядела так: «В настоящий момент у Гукона нет наличного запаса лошадей для распределения между сов. учреждениями. 22/IV-21 г.» (sic!)

Из публикации ««Мирные» приготовления большевиков» в берлинском «Руле» от 16 января 1921 г.:

Бывший офицер австро-венгерского генштаба, возвратившись из России, где он информировался о ближайших намерениях большевиков, передает, что большевики, вопреки всем уверениям о своей готовности к миру, весьма деятельно готовятся к новым операциям. В Харьковской и Полтавской губ. советская власть организует в данный момент новую кавалерийскую армию численностью в 300 000 человек и реквизирует для нее лошадей по всей России.

** Точнее, настолько подешевели «денежные знаки».

*** Цифра «25» была исправлена И.И. Радченко или его сотрудником на «10».

Параллельно И.И. Радченко 14 мая послал запрос в Нижегородский Губторф: «Тов. Козлов. Очень прошу Вас проверить, действительно ли такая нужда в лошадях и вообще в каком положении работы Гидроторфа».

Ну и, наконец, «важный вопрос» добрался до самого Совнаркома:

Совет Народных Комиссаров в заседании от 30 мая 1921 г., рассмотрев вопрос о предоставлении Гидроторфу лошадей для хозяйственных надобностей, постановил:

Разрешить Гидроторфу приобрести 10 лошадей для хозяйственных надобностей.

Правда, про искомые 80 млн. рублей в этом постановлении не было не сказано ни слова.

Из письма Гидроторфа в Совет Труда и Оборона (через Президиум ВСНХ и Главторф) от 23 августа 1921 г. можно было понять, что проблему с лошадьми удалось наконец-то хотя бы частично урегулировать: «В настоящее время лошади эти уже приобретены и пущены в работу, но целый ряд производимых Гидроторфом работ настоятельно требует немедленного увеличения собственного обоза Гидроторфа. <...> Ввиду всего изложенного <...> Управление по делам Гидроторфа просит СТО о предоставлении ему права вновь произвести закупку 60 лошадей для хозяйственных надобностей по вольным ценам».

А здесь мы вернемся к визе Гукона на письме Гидроторфа: «В настоящий момент у Гукона нет наличного запаса лошадей для распределения между сов. учреждениями. 22/IV-21 г.». Эта виза выглядит сейчас вовсе уже скандально, если вспомнить, что в конце мая – начале июня 1923 года на скамью подсудимых сели 15 человек, в основном служащих Гукона. Мы здесь приведем лишь предварительную публикацию из берлинского «Руля» от 5 июня 1923 года:

«Помощь голодающим»

В Верховном трибунале началось слушаться дело «гуконовской панамы». Согласно обвинительному акту в 1921-22 г.г., когда все Поволжье опустошалось голодом, в тылу компания ухитрилась превратить для себя этот голод в источники безудержного обогащения. При ЦК Помгол была выделена особая секция по спасению животноводства, для эвакуации из голодающих мест 40 000 голов племенного скота [и лошадей]. Секция должна была озаботиться закупкой фуража для снабжения скота. В качестве руководителей секции стали Позигун и Топильский. Подобрали они штат сотрудников, и началось «спасение».

В результате вместо 40 000 голов было эвакуировано 4 702 головы и вместо 100 000 [пуд.] фуража было заготовлено около 70 000. А было отпущено в распоряжение сотрудников: Лаврухину – около 19 млрд. руб., Теплову – свыше 16, Ширяеву – около 30, Лукьяненко – свыше 12 и Тимашкевичу – около 9 млрд. руб. О Топильском обвинительное заключение дает справку: закупалась иностранная валюта, скупались золотые вещи, было приобретено 62 художественные картины. В январе 1922 г. Топильский покупает имение бывш. помещицы Сипягиной и уплачивает 100 млн. Приобретает и дома в Москве: один – на Мясницкой, другой – по Земскому проезду, уплачивая «владельцам» по 1 000 фунтов стерлингов.

В апреле 1922 г. открылись бега, и «спасатели» поволжского животноводства выступили на них уже со своими конюшнями. Установлен был значительный процент частновладельческих лошадей, записываемых на бегах. Национализированные лошади очутились вновь в руках частных владельцев.

Вот такой уродливой была советская экономика, уже при НЭПе... Все же необходимо здесь уточнить: преступные дела воришек из Гукона по умыканию нескольких десятков племенных лошадей не идут ни в какое сравнение с «государственной деятельностью» председателя Реввоенсовета Л.Д. Бронштейна-Троцкого и его заместителя Э.М. Склянско-го по реквизиции 300-350 тыс. лошадей по всей стране для нужд новой кавалерийской армии на Украине (если бывший офицер австро-венгерского генштаба не приврал).

30 мая 1921 г. было утверждено временное положение о Главном управлении по топливу (ГУТ), которое создавалось на основе Главного топливного комитета (Главтопа), в его составе было образовано Центральное управление по добыче торфа (Цуторф). Для Гидроторфа по сути ничего не изменилось – был под Главторфом, стал под Цуторфом во главе с теми же его недоброжелателями (т.т. Радченко, Меншиков, Морозов, Цейтлин и др.)

5 июня В.И. Ульянов-Ленин запросил Р.Э. Классона:

Прошу Вас сообщить мне <...> точные предложения о помощи Гидроторфу. Немного виноваты и Вы в том, что упущен 1921 год. Смотрите, не пропустите 1922-го. Почему Вы в Германии не дали премии 10-50 тыс. руб. золотом за изобретение способа обезвоживания? Ведь мы до Вашего отъезда говорили об этом! Потому ли, что не было денег (надо заранее внести в СТО)? Или потому, что на премии такого рода надо очень много? Сколько? Или по иной причине? Нельзя ли теперь нотариально в Германии и в Канаде и в Америке обещать такие и подобные премии?

Ответственный Руководитель Гидроторфа 10 июня ответил по всем пунктам запроса, а заодно опять привел примеры «отдельных недостатков» советской системы:

<...> Химиков в Германии я не пригласил потому, что именно это дело у нас поставлено хорошо. В Москве при Гидроторфе работают два химика – профессор Стадников и доктор химии Берков (рекомендация тов. Сосновского). Оба знающие и добросовестные люди и поставили дело на должную высоту. Их работа дала уже определенные результаты, особенно в связи с теми данными, которые я им сообщил о заводе «Мадрук». Я не думаю, чтобы можно было сделать «сдельно» за границей поручение открыть способ обезвоживания. Над открытием способа можно проработать много времени и не получить результатов. Значит, пришлось бы платить просто ежемесячно за то, чтобы люди работали над данным вопросом.

<...> Сезон 1921 г. упущен только количественно, так как важно было окончательно выработать типы машин и все детали производства. <...> Новые машины, которые должны быть испытаны в этом году, были почти закончены уже в конце апреля, но настала пасха, а за ней продовольственный кризис, и вот уже полтора месяца заводы не работают. И мы не можем закончить машин, и только три дня тому назад удалось отправить первые две новые машины на болото. Через месяц будет готов сормовский кран, который изготовлялся два года, его постоянно отодвигали из-за спешных военных заказов. Заводы не работают потому, что нет продовольствия, и против этого мы бессильны, так и работа стоит за отсутствием продовольствия.

<...> На «Электропередачу» в конце мая пришло 2 400 человек рабочих для подготовки наших площадей, но в самый момент их прихода нам пришлось отпустить из них 1 100 человек за недостатком хлеба. Сейчас мы на «Электропередаче» работаем только двумя машинами, а не тремя, которые имеются, так как для подготовки площадей нет хлеба.

Для успешного проведения кампании 1922 года нам нужно получать в течение лета и осени этого года достаточно продовольствия для ведения подготовительных работ на болотах всего для 6 000 человек (сейчас мы получаем только треть); получить хорошие машины, заказать их в августе за границей; нам нужен один завод в полное наше распоряжение как ремонтная мастерская и база при Гидроторфе. Таким заводом мы намеряем завод «Русская машина» в Москве.*

<...> Нам нужно иметь завод «Русская машина» в полном нашем распоряжении, так как только тогда мы сумеем организовать на нем производство. Сейчас уже настало время, когда работать на заводах можно при условии, что в работу не вмешиваются центральные учреждения и союзы. Поясню примером: в последние дни на заводе «Русская машина» доканчивались перед его закрытием наши работы. Работало всего несколько человек, в том числе токарь, который стал работать на двух станках сразу.

Казалось бы, это надо приветствовать. Если ткач работает на четырех станках, почему токарю не работать на двух. Но оказалось, что он при этом заработал около 2 500 рублей в день (меньше стоимости одного фунта хлеба), и за это Гомомезой**, как за нарушение тарифа металлистов, был оштрафован управляющий завода. Ясно, что работа прекратилась.

<...> Откровенно говоря, я надеялся после того, как послал из Берлина доклад о «Мадруке», что туда будет переведена непосредственно необходимая сумма денег и тогда бы я поехал на несколько дней на Рейн и заказал бы во всех деталях завод. К сожалению, этот вопрос был передан в разные комиссии, и комиссии затратили на это уже около двух месяцев. На получение паспорта для нашего инженера [В.Д. Кирпичникова] уйдет еще месяца два, и к сезону 1922 г. завод вряд ли успеет. А это очень жаль, так как, если окажется, что завод в комбинации с гидроторфом даст непосредственно топливо, горящее в котлах, на что мы твердо надеемся, то задача упрощается и совсем отпадает дорогостоящая подготовка полей сушки и все сводится к заводской работе в любом масштабе. <...>.

Как вспоминал И.И. Радченко, «обратился к Владимиру Ильичу с письменным докладом и просьбой командировать его за границу инженер Кирпичников, сотрудник т. Классона по Гидроторфу. В.И. дал мне его доклад на заключение. Я ответил ему, что на мой взгляд командировка Кирпичникова не нужна, так как за границей по тому же делу находится Классон; что нам следует сберечь наш золотой фонд, а не растрачивать его по капризам Кирпичникова и прочих гидроторфистов» (Ленин – вождь на хозяйственном фронте // сб. «Ленин на хозяйственном фронте», 1934).

Однако 5 июня В.И. Ульянов-Ленин решительно посоветовал И.И. Радченко:

Не придирайтесь к Гидроторфу. Это дело законом признано имеющим исключительную важность. Закон этот Гидроторф обязан проводить не за страх, а за совесть. Изобретение великое. С изобретателями, даже если немного капризничают, надо уметь вести дело. А я не вижу пока каприза. Кирпичников – изобретатель. Его надо пустить и послать. Возражения могут быть только от политики: если имеете их, сообщите мне секретно. Если нет, обязательно пошлите Кирпичникова. <...>.

И вот тут начинается нечто загадочное. И.И. Радченко: «После более подробного моего письменного обоснования своей позиции я уже 7 июня получил новое письмо [Владимира Ильича]». По некоторым признакам, начальник Цуторфа подозревал Р.Э. Классона и В.Д. Кирпичникова в рвачестве!!

* Бывший завод Михельсона, с 1922-го – завод имени Владимира Ильича (ЗВИ).

** Гомомеза, или Мосмет – Московское отделение Государственного объединения металлургических заводов.

Из письма С.Н. Мотовиловой И.Р. Классону:

Вы прочтите в конце 3-го издания Ленина несколько писем его к Классону, по-моему, они так подобраны, что будто бы именно хотят изобразить недоброжелательное, ироническое отношение Ленина к Роберту Эдуардовичу как к «беспартийному специалисту». <...> Еще есть <...> подлое письмо Радченко, которого я не знаю, их, кажется, было три? где он пишет Владимиру Ильичу, чтоб тот не доверял Классону.

Однако «подлое письмо» И.И. Радченко опубликовано не было, ни в «Ленинских сборниках», ни в воспоминаниях первого об «отеческой заботе» В.И. Ульянова-Ленина по развитию гидроторфа. Зато нашелся его весьма ветхий черновик от 6-7 июня 1921 года в фонде Радченко:

<...> Глубоко тронут Вашим письмом и в то же время опечален. Я «придираюсь!» «Закон этот Главторф обязан проводить не за страх, а за совесть». Неужели я подал повод думать, что мы проводим его иначе. Да мы с этими господами, возглавляемыми Кирпичниковым, ухаживали и против своей совести, и в прямой ущерб непосредственным интересам Республики, ради ее грядущих интересов. Правда, я стал настороже после возвращения Классона из-за границы, когда этот поэт-инженер с упоением рассказывал, что за границей уже гидроторф пущен в ход Ульманом (бывш. Директор Электрического об-ва 86 года в Петрограде, бежавший из России вкупе с другими белогвардейскими акулами грюндерства).

Я вспомнил как осенью в прошлом году в заседании с т. Ломовым Классон добивался разрешения ему продать свое изобретение за границей. Даже Ломову показалось это циничным, и мы сторговались с ними, что Республика покупает у них за 100 тысяч золотом, тогда как они просили 200 тысяч за изобретение, сделанное, выверенное на советской спине и на советские денежки. Сто тысяч тогда не прошло, и вот за границей уже Об-во. Я очень опасаясь, чтобы и в России это дело не свелось к одному грюндерству, тогда как оно все же кое-что может дать. В заботах получить это «кое-что» я и высказываюсь против поездки [за границу] именно Кирпичникова, который равнодушен ко всему на свете кроме наживы и спорта. Я не высказывался против поездки Классона, наоборот все делалось для того, чтобы поездка его осуществилась. Кирпичников – не изобретатель, изобретатель – Классон. Кирпичников – рядовой исполнитель и компаньон. Доверия к нему ни технического, ни политического у меня нет, поэтому я и не мог подать голос за его поездку.

РГАЭ, ф. 9455

Здесь стоит пояснить, что грюндерством, от немецкого Gründer (основатель), обозначали массовое учредительство акционерных обществ, сопровождаемое обширной эмиссией ценных бумаг, биржевыми спекуляциями, созданием временных, фиктивных фирм, мошенничеством. Что касается замечания И.И. Радченко об увлечении В.Д. Кирпичникова спортом, то он действительно играл в теннис, хоккей с мячом, волейбол, настольный теннис, бильярд, шахматы, занимался стрельбой и одно время даже увлекался боксом, собирая у себя на квартире любителей-боксеров.

В тот же день, 7 июня В.И. Ульянов-Ленин ответил И.И. Радченко:

Я вполне понимаю, что Вам больно видеть, как несоветские люди – даже может быть, частью враги советской власти – использовали свое изобретение в целях наживы. Очень верю Вам, что таков Кирпичников. Конечно, и Классон не сторонник наш. Но в том-то и суть, что, как ни законно Ваше чувство возмущения, надо не сделать ошибки, не поддаваться ему.

Изобретатели – чужие люди, но мы должны использовать их. Лучше дать им перехватить, нажать, цапнуть, – но двинуть и для нас дело, имеющее исключительную важность для РСФСР. <...>

Выходит, «рвачество» Р.Э. Классона и В.Д. Кирпичникова было связано с вполне законным требованием вознаградить их за изобретательство, начатое еще в 1914-м, а не только «проделанное, выверенное на советской спине и на советские денежки».

Весьма живописен отклик С.Н. Мотовиловой: «*Благодарю за перепечатку о Классоне. Страшно возмущена. Мерзавец Радченко! Ну и что же Ленин думает, что Классон жулик? Изобретателем торфа оказывается какой-то Кирпичников? Кто это? Напишите. К двум знающим людям нужно поставить в виде охраны от «злыдней» двух ничего не понимающих болванов?!*» (из письма И.Р. Классону)

Последнее замечание относилось к предложению В.И. Ульянова-Ленина приставить к В.Д. Кирпичникову при его поездке за границу двух-трех «надежных политически людей».

И, в продолжение темы, ценное замечание С.Н. Мотовиловой:

В фотокопии письма [Ленина] меня поразила фраза что-то вроде «пускай себе хапают». Что же он думал, что Классон нечестен? Коробко про Классона говорил, что если ему дать [бюджетные] миллионы, он ни копейки не возьмет себе.

Еще 1 июня 1921 года СТО принял постановление:

1. *Заказать фирме «Мадрук» один ротационный пресс для обезвоживания торфа со всеми принадлежностями, необходимыми для получения готового топлива – порошка.*
2. *Ассигновать для заказа вышеупомянутого оборудования, его доставки и монтажа 9 000 000 германских марок (270 000 руб. золотом) <...>.*

В своем докладе В.И. Ульянову-Ленину от 2 августа 1921 г. Р.Э. Классон сообщал об итогах торфяного сезона и о ближайших задачах Гидроторфа. Приостановка работы машиностроительных заводов в мае и июне из-за «продовольственного кризиса» тяжело отразилась на Гидроторфе. Так, гусеничный кран Сормовского завода (для торфососа) только в конце июля прибыл на «Электропередачу» и мог быть собран и испытан лишь в августе 1921-го. Забавно, что еще в мае 1920-го срочное его изготовление «проталкивал» сам В.И. Ульянов-Ленин! В телеграмме заводу-управлению Сормовского завода от имени Совета труда и обороны и ВСНХ он требовал принять к безусловному исполнению заказ Главторфа. И указывал на то, что, несмотря на загруженность завода военными заказами, необходимо упомянутый заказ исполнить в кратчайший срок, а об исполнении – донести телеграфно! И что же изготовил Сормовский завод? Из июльского письма Р.Э. Классона Н.И. Зауэру (старый его знакомый еще в 1917-м эмигрировал за границу, где тоже занялся гидроторфом): «*Мы собираемся заказать краны за границу, так как здесь их изготовить совершенно невозможно. Сормово два года делало кран на гусеничном ходу, теперь этот кран пришел, и мы его будем собирать. Но едва ли с ним можно будет работать, так как благодаря отсутствию [прочного] железа завод брал то, что было под рукой, главным образом тяжелые сорта, и кран весит, кажется, более 2 000 пудов. Вероятно, Вы видели проект крана, составленный Германом Красиным, он удивительно изящен и легок, и по этому образцу надо строить все краны*».

В приложении (докладе) к письму В.И. Ульянову-Ленину от 20 мая 1921 года Роберт Эдуардович отмечал: «*Так или иначе, все необходимые заказы для Гидроторфа были произведены в марте и апреле месяце и затем грузы были направлены через экспедиторов. К сожалению, постановка экспедиторского дела пока очень плоха, и только в Ревеле дело поставлено правильно, и оттуда грузы будут идти быстро. Влиять же на приход грузов в Ревель приходится через ряд Советских учреждений, друг другу не подчиненных, не связанных и работающих врозь. Неудивительно, что при таких условиях к моему проезду через Ревель ни один из давно отправленных грузов в Ревель еще не прибыл, и все машины, заказанные к этому сезону, запоздают и придут, вероятно, только в середине сезона, если не позже, так что торфяная кампания совершенно зря будет подорвана*».

Итак, «только в Ревеле дело поставлено правильно, и оттуда грузы будут идти быстро». Речь шла о заказанных в Германии трубах, насосах и электромоторах к ним и другом оборудовании. Однако в более позднем письме Р.Э. Классона (от 21 июня) Зав. Транспортным Отделом Представительства Наркомата Внешней Торговли РСФСР в Ревеле Иосифу Иосифовичу Феникеви вырисовывалась несколько иная картина:

Ваши телеграммы меня ужасно огорчили, потому что я из них увидел, что грузы лежат в Ревеле без движения, а Вы запрашиваете, куда их отправить – Внешторгу или Гидроторфу в Москву. Ведь на каждом ящике было написано «Москва – Гидроторфу», но если бы Вы даже их отправили Внешторгу, мы, узнав об этом, получили их рано или поздно. Первые два вагона уже прибыли, но об остальных нет никаких известий. Пожалуйста, не спрашивайте ничего, а посылайте в Москву. Ваша телеграмма лежала девять дней во Внешторге, и потому неудивительно, что я на нее не ответил Вам сразу. Я прихожу в совершенное отчаяние из-за заграничного груза. Половина сезона уже прошла, а до сих пор мы еще ничего не имеем.

Некоторый итог поступлению иностранных грузов подводился в письме заместителю торгпреда в Берлине В.В. Старкову от 5 июля того же года:

Мы получили уже целый ряд вагонов, все пришло в полной исправности, но шло фантастически долго – с апреля по июнь. К сожалению, не пришли еще транспортеры фирмы Ширм, и пока нет о них известий. Очень обидно, что вагоны приходят вслепую, совершенно без всякой спецификации, на них [(т.е. на ящиках)] просто написано – насосы или моторы. И поэтому приходится все вскрывать и портить упаковку вместо того, чтобы посылать их прямо на место. Благодаря отсутствию спецификации не знаешь, все ли получено или что еще впоследствии придет.

Так что же происходило в Ревеле – «дело поставлено правильно, и оттуда грузы будут идти быстро» или же – «грузы лежат без движения»? Мы можем только догадываться, поскольку трудоемкое изучение в архивах документов о продвижении товаров в Ревельском порту и разных «сторонних обстоятельствах» потребовало бы, по крайней мере, год! Все же И.И. Феникеви был старательным исполнителем, вот как характеризовал его тогдашний полпред НКВТ РСФСР в Эстонии Георгий Александрович Соломон (в своих воспоминаниях «Среди красных вождей»):

*Среди сотрудников [прежнего полпреда НКВТ РСФСР] Гуковского был некто инженер И.И. Фенькеви. По национальности он был венгр. Призванный на войну в качестве офицера в австрийскую армию, он попал в плен в Сибирь, где познакомился с Г.М. Кржижановским, старым другом и товарищем Ленина. Фенькеви, если не ошибаюсь, по убеждениям был социалист, но он не примкнул к большевикам и остался – по крайней мере, пока я его знал – беспартийным. Благодаря Кржижановскому он и был командирован в Ревель. <...> Познакомившись с ним [в августе 1920 года], я включил его в мой штат и сделал его заведующим транспортным отделом. И он оказался очень полезным в этой роли, поставив дело транспорта на надлежащую высоту.**

* Дополнительные данные об этом знакомом Р.Э. Классона приведены в книге Владимира Гениса «Неверные слуги режима» (раздел «Аннотированный указатель имен»):

Фенкеви (Феникеви) Иосиф Иосифович – офицер австро-венгерской армии, попал в плен и содержался в лагере в Красноярске (1915-17); заведовал технической частью электрической и водопроводной станций (1917-20); позже – зав. электротехническим отд. Торгпредства РСФСР в Эстонии (1920-21), отд. силовых установок и электротехники торгпредства СССР в Германии (1922?-29); директор-распорядитель акционерного общества «Электроимпорт» (с 1930).

Мы приведем здесь лишь один сюжет насчет «сторонних обстоятельств» в Ревельском порту, с участием того же «начальника транспортного цеха» И.И. Феникеви, которые (и сюжет, и Иосиф Иосифович) помогут представить возможные препоны для доставки «срочных грузов» Гидроторфа. Хотя сюжет сей и относится к 1920 году, когда Гидроторфа, как советской организации, еще не было в природе, но примерно похожее могло происходить и в 1921-м, и во все последующие годы.

Из книги Г.А Соломона «Среди красных вождей»:

Назначив меня в Ревель, советское правительство возложило на меня обязанность снабжать актуальной валютой все наши заграничные организации, возглавляемые Красиным в Лондоне, Коппом в Берлине, Литвиновым в Копенгагене и разными, специально командированными в ту или иную страну, лицами (как, например, Бронштейн, брат Троцкого) для определенных закупок, а также и многочисленные тайные отделения Коминтерна, пожирившие массу денег... <...> Мою работу по поднятию курса рубля очень тормозили постоянные требования, предъявляемые лицами, которых я должен был питать валютой и которые осаждали меня, не давая мне возможности выждать, что при правильном ведении валютных операций было необходимо.

Мешал и досаждал мне также и [удержавшийся на определенных позициях в Ревеле] Гуковский, при котором состоял некто (не ручаюсь за точность его фамилии) Дивеловский, титуловавший себя «полномочным представителем Коминтерна». Личность совершенно бесцветная, он по распоряжению Коминтерна, которому был открыт беспредельный кредит, постоянно обращался ко мне с требованиями перевести в такой-то и такой-то валюте столько-то и столько-то за счет Коминтерна по таким-то и таким-то адресам: это были условные адреса на имя разных нейтральных лиц.

Причем требования эти скреплялись подписью Гуковского. Я к Коминтерну не имел никакого отношения и являлся лишь его «банкиром» причем в моих книгах велся точный учет всем переведенным за его счет суммам. Могу сказать только одно, что денег за счет Коминтерна переводилось много... Будущий историк сможет, если книги эти не будут уничтожены, точно установить суммы выброшенных на дело «мировой революции» народных сбережений, которые я с таким трудом превращал в актуальную валюту. Я сказал: «на дело мировой революции». Приведу из этой сферы один эпизод, из которого читатель увидит, как расширительно толковался этот термин и его потребности. Я опишу этот эпизод подробно, чтобы читателю были ясны все его детали. Мне подают полученную по прямому проводу шифрованную телеграмму. Она подписана «самим» Зиновьевым. Вот примерный ее текст:

«Прошу выдать для надобностей Коминтерна имеющему прибыть в Ревель курьеру Коминтерна товарищу Сливкину двести тысяч германских золотых марок и оказать ему всяческое содействие в осуществлении им возложенного на него поручения по покупкам в Берлине для надобностей Коминтерна товаров. Зиновьев»

И вслед за тем ко мне является без доклада и даже не постучав, и сам «курьер» Коминтерна. <...> И он объяснил, что явился получить ассигнованные ему двести тысяч германских марок золотом и что, так как он едет с «ответственным» поручением самого товарища Зиновьева, то и позволил себе войти ко мне без доклада и даже не постучав. Он предъявил мне соответствующее удостоверение, из которого я узнал, что «он командирован в Берлин для разного рода закупок по спискам Коминтерна, находящимся лично у него, закупки он будет производить лично и совершенно самостоятельно, лично будет сопровождать закупленные товары», что я «должен ему оказывать полное и всемерное содействие, по его требованию предоставлять в его распоряжение необходимых сотрудников...» и что «отчет в израсходовании двухсот тысяч марок Сливкин представит лично Коминтерну».

<...> Недели через три я получаю от него телеграмму из Берлина, в которой он сообщает, что прибудет с «ответственным грузом» такого-то числа с таким-то пароходом и требовал, чтобы к пароходной пристани по пристанской ветке были поданы два вагона для перегрузки товара и для немедленной отправки его в Петербург.

Между тем, у нас в это время шла спешная отправка, чуть не по два маршрутных поезда в день, разных очень срочных товаров. И поэтому мой заведующий транспортным отделом, инженер Фенькеви, никак не мог устроить так, чтобы к прибытию парохода затребованные Сливкиным вагоны ждали его. Линия была занята составом, продвинутым к другому пароходу, с которого перегружался спешный груз...

Словом, коротко говоря, по техническим условиям было совершенно невозможно немедленно удовлетворить требование Сливкина. И поэтому у Сливкина тотчас же по прибытии начались всевозможные недоразумения с Фенькеви. А Фенькеви был мужчина серьезный и никому не позволял наступать себе на ногу. Сливкин скандалил, кричал, что его «груз специального назначения», по «требованию Коминтерна», и что «это саботаж». Фенькеви возражал ему серьезными и убедительными доводами... Наконец, Сливкин пришел ко мне с жалобой на Фенькеви. Я вызвал его к себе: в чем дело?..

– Прежде всего – ответил Фенькеви – линия занята маршрутным составом (40 вагонов), линия одна, спятить маршрутный поезд мы не можем, не задержав на два дня срочных грузов – земледельческие орудия, а затем...

– А, понимаю – сказал я. – Когда же вы можете подать два вагона?..

– Завтра в шесть утра. Сегодня к вечеру мы закончим нагрузку, спятим груженный состав ночью, и он тотчас же пойдет по расписанию в Москву. И тотчас же будет подан на пристань новый состав в 40 вагонов же и из них два вагона в хвосте поезда останутся у парохода для тов. Сливкина...

– Нет, я должен спешить! К чорту орудия, пусть подождут, ведь мои грузы по личному распоряжению тов. Зиновьева... я буду жаловаться, пошлю телеграмму – кричал Сливкин.*

– Ладно, – ответил я, – делайте, что хотите, я не могу отменить срочных грузов...

Сливкин, разумеется, посылал телеграммы... В ответ получались резкие ответы, запросы. Я не отвечал. Но тут вышло еще недоразумение. Сливкин настаивал на том, чтобы оба его товарные вагоны были завтра прицеплены к пассажирскому поезду. Железнодорожная администрация, конечно, наотрез отказала в этом. Хлопотал Маковецкий, Фенькеви – администрация стояла на своем: только министр может разрешить это.

И я должен был обратиться лично к министру, который, в конце концов, и разрешил это, лишь для меня... Все мы были измучены этим грузом «для надобности Коминтерна». Все сбились с ног, бегали, писались бумаги, посылались телеграммы... И дорогое время нескольких человек тратилось в угоду Зиновьева... его брюха... Фенькеви лично руководил перегрузкой. Когда все было, наконец, окончено, он явился дать мне отчет. Он был мрачен и раздражен.

* Сливкин Альберт Моисеевич. Род.1886, г. Двинск (Латвия); еврей, член ВКП(б), обр. низшее, помощник начальника Главного Управления Кинопромышленности СССР, прож. в Москве: Брюсовский пер., д.7, кв.71. Арест. 3.08.1937. Приговорен ВКВС СССР 15.03.1938 по обв. в провокаторской деятельности в РСДРП. Расстрелян 15.03.1938. Реабилитирован 19.11.1959. (www.memo.ru/memory/communarka/list7.htm)

– А что это за груз? – спросил я вскользь.

– Извините, Георгий Александрович, – я не могу спокойно об этом говорить... Столько всяких передраг, столько гадостей, жалоб, кляуз... и из-за чего?.. Противно, тьфу, такая гадость!.. Все это предметы для стола и тела «товарища» Зиновьева, – с озлоблением произнес он это имя. – «Ответственный груз», ха-ха-ха!.. Всех подняли на ноги, вас, всю администрацию железной дороги, министра, мы все скакали, все дела забросили... Как же, помилуйте! У Зиновьева, у этого паршивого Гришки, царскому повару (Зиновьев по слухам, принял к себе на службу бывшего царского повара) не хватает разных деликатесов, трюфелей и, черт знает, чего еще, для стола его барина... Ананасы, мандарины, бананы, разные фрукты в сахар, сардинки... А там народ голодает, обовшивел... армия в рогожевых шинелях... А мы должны ублажать толстое брюхо ожиревшего на советских хлебах Зиновьева... Гадость!.. Извините, не могу сдержаться... А потом еще драгоценное белье для [второй жены Златы Ионовны] Лилиной и всяких других «содкомок» [(«содержанок комиссаров»)], духи, мыла, всякие инструменты для маникюра кружева и черт его знает, что... Ха, «ответственный груз», – передразнил он Сливкина и отплюнулся. – Народные деньги, куда они идут! Поверите, мне было стыдно, когда грузили эти товары, сгореть хотелось! Не знаю, откуда, но все знали, какие это грузы... Обыватели, простые обыватели смеялись... зло смеялись, – люди говорили не стесняясь: «смотрите, куда советские тратят деньги голодных крестьян и рабочих... ха, ха, ха, небось, Гришка Зиновьев их лопают да на своих девок тратит»...

Все было уложено. Сливкин ушел со своим «специальным грузом для надобностей Коминтерна». <...>

Сливкин приезжал еще раз или два и все с «ответственными» поручениями для Коминтерна, правда, не столь обильными. А вскоре прибыл и сам Зиновьев. Я просто не узнал его. Я помнил его встречаясь с ним несколько раз в редакции «Правды» еще до большевицкого переворота: это был худощавый юркий парень... По подлой обязанности службы (вспоминаю об этом с отвращением) я должен был выехать на вокзал на встречу ему. Он ехал в Берлин. Ехал с целой свитой... Теперь это был растолстевший малый с жирным противным лицом, обрамленным густыми, курчавыми волосами и с громадным брюхом...

<...> На обратном пути в Петербург Зиновьев снова остановился в Ревеле. Он вез с собою какое-то колоссальное количество «ответственного» груза «для надобностей Коминтерна». Я не помню точно, но у меня осталось в памяти, что груз состоял из 75-ти громадных ящиков, в которых находились апельсины, мандарины, бананы, консервы, мыла, духи... но я не бакалейный и не галантерейный торговец, чтобы помнить всю спецификацию этого награбленного у русского мужика товара... Мои сотрудники снова должны были хлопотать чтобы нагрузить и отправить весь этот груз... для брюха Зиновьева и его «содкомок»...

Это мерзкое использование народных денег для личных нужд одного из «красных вождей» мы комментировать здесь не будем – в воспоминаниях Г.А. Соломона все четко обрисовано.

Кстати Георгий Александрович как минимум один раз контактировал с Робертом Эдуардовичем – в том же Ревеле:

Выдающийся инженер, Р.Э. Классон, большой друг Красина, как-то в свою бытность в Ревеле характеризовал Гуковского, которого он знал еще по Баку, где тот был главным бухгалтером Городской Управы, как шантажиста и просто мошенника и нравственное ничтожество.

Отметим лишь, что в 1920-м «срочными грузами» в Ревельском порту были сельскохозяйственные орудия (которые как будто бы не могли изготавливать порушенные Гражданской войной отечественные заводы, да и уголь и сталь наши предприятия тоже вроде бы не в состоянии были производить)*.

В 1921 году таковыми «срочными грузами» стало импортное оборудование для Гидроторфа (по тем же причинам), а в 1922-м его пришлось «отодвинуть» из-за более предпочтительных грузов продовольствия и семян. Из письма Р.Э. Классона в Управление делами Совнаркома от 11 мая 1922 года:

К сожалению, перевоз грузов чрезвычайно затянулся и до сих пор еще не закончен, благодаря следующим причинам:

1) небывалое за последние десятилетия замерзание штеттинского и гамбургского портов, вследствие чего пароходы в течение нескольких недель не могли выйти из гавани;

* Кстати, в тех же воспоминаниях Г.А. Соломона «Среди красных вождей» приводился сюжет с поставкой (в 1920-м?) низкокачественных кос и плугов из Германии (закупленных на золото, которое было конвертировано в Ревеле в германские марки) тогдашним полпредом НКВТ в Берлине Виктором Леонтьевичем Коппом:

Но вот выступает стильная в своем род советская фигура. Мой старый знакомый и «крестник», которого я, как я упоминал выше, принимал от советской купели – вельможа Копп.

Он находится в Берлине в качестве не аккредитованного перед германским правительством, но по существу, советского торгпреда, и в качестве такового он, по заданиям из центра, закупает и отправляет из Германии в Ревель для переотправки в Россию на пароходах всевозможные товары, главным образом, сельскохозяйственные машины и инструменты. Боже, что это за товары!... Я мечтаю о том, чтобы бывший мой сотрудник, инженер Фенькеви, сказал свое честное и правдивое слово по поводу того, что представляли собою эти товары, на которые шли миллионы и миллионы народных денег. Пусть он выступит с опровержением меня, пусть укажет мои ошибки. Ведь он в качестве заведующего транспортным отделом принимал и перегружал эти товары. Ведь он приходил ко мне, часто чуть не плача, и просил меня съездить с ним на пароходы осмотреть прибывшие грузы... Неужели он промолчит? Не верю, не хочу верить!..

Вот прибывает большой пароход, весь нагруженный косами... Фенькеви осматривает груз вместе со своим помощником, латышом агрономом, по фамилии, кажется, Скульпе. Он летит ко мне, он привез «для обозрения» пять штук этих кос, которые должны пойти мужику для сенокосения. Он влетает ко мне. Он весь одно возмущение. Не русский, а венгр, он весь один гнев... Гневом дышит и честный Скульпе...

– Смотрите, Георгий Александрович, – говорит он на своем странном русском языке, – смотрите, вот чем должен косить русский мужик!.. Это косы, целый пароход кос, пришедший от Коппа...

И он, и его помощник берут одну за другой все пять кос и легко сгибают их. Косы перегибаются пополам и не выпрямляются – это простая жесть! Ясно, что они не для работы. Я отказываюсь их принять, отказываюсь расхотеть на пересылку их в Россию. Шлю телеграмму Коппу. Он нагло отвечает мне и требует, чтобы я принял эти «косы» и переслал их в Россию. Я отказываюсь. Но он успел уже телеграфно пожаловаться в центр. Он исказил истину, и я получаю строгий запрос, почему я отказываюсь. Отвечаю и объясняю, в чем дело. Идет обмен телеграммами, получаю ряд угроз. Стою на своем. Не принимаю бутафорских «кос», и в конце концов пароход уходит с «ценным грузом» обратно.

Снова пароход от Коппа. Он полон плугов. Фенькеви и Скульпе снова летят ко мне. Они умоляют меня съездить с ними на пристань и посмотреть на плуги. Едем. Громадный пароход набит, и на палубе, и в трюме, плугами. Неупакованные плуги на палубе все проржавели. Отодвигают люк трюма. Я гляжу в него и от изумления отскакиваю назад. Вместо стройного ряда плугов я вижу какую-то фантастическую картину. Сброшенные кое-как в трюм, плуги эти от морской качки сбились в какую-то плужную смесь, в которой лемехи, резцы, рога и колеса сцепились в хаотическом беспорядке, поломав друг друга... Не менее, если не более, пятидесяти процентов товара приведено в полную негодность, а остальные плуги могут быть использованы лишь после капитального, дорогостоящего ремонта... Снова я отказываюсь принять такой товар... Снова телеграммы, жалобы, угрозы... Снова [зам наркома внешней торговли] Лежава, указывая на близость начала полевых работ, требует, чтобы я выслал хоть ту часть, которая годится для работы. Но капитан отказывается отпустить часть груза, – и он по-своему прав – он требует, чтобы я принял или весь груз, или отказался бы от всего груза...

2) когда эти порты оттаяли, замерз Ревель и больше недели пароходы не могли войти в Ревель;

3) чрезвычайное скопление семенных и продовольственных грузов, которым, естественно, отдавалось предпочтение перед грузами Гидроторфа; <...>

В 1921-м Гидроторфу пришлось заниматься также весьма важным для него «квартирным вопросом». В июле он получил следующее грозное письмо:

Центральное отделение учета и распределения помещений Жилищного отдела Московского Коммунального Хозяйства сообщает ввиду того что срок Вашего выселения из занимаемого помещения наступил, предлагает немедленно перейти в отведенное Вам быв. торговое помещение «Монополь» на Лубянке д. №22. В случае неисполнения будете выселены Милицией.

В чем тут дело? Ведь аппарат и подсобные помещения Гидроторфа худо или бедно размещались в помещениях 1-й МГЭС на Раушской набережной и Садовнической улице.

В своем письме В.А. Смольянинову (Управление Делами СНК) Р.Э. Классон в августе общал об «очередных препонах»:

Наше положение осложняется еще тем, что нас выселяют с Московской государственной электрической станции и как раз нами получено прилагаемое при сем распоряжение жилищного отдела.

Правда, все это выселение мотивируется какими-то неизвестными соображениями, так как предполагается, что то помещение, которое мы освободим, будет пустовать, но все же вопрос о выселении висит над нами и мешает спокойно работать. Переехать на Лубянку в две комнаты, которые нам предлагают, конечно, было бы нелепостью. Нам нужен завод и склад, а не две комнаты.

<...> Вообще приходится сказать, что от всех тех привилегий, которые нам были даны постановлением СНК от 30-го октября п/г., сейчас осталась только возможность получать материалы. Все же остальные привилегии, главным образом продовольственные, уже с февраля месяца аннулированы, и мы работаем в таких же неблагоприятных условиях, в каких работает огромное большинство советских предприятий. Если положение вещей не изменится к лучшему в этом году, широкая постановка гидроторфа и переход на заводский масштаб и в будущем 1922 году окажутся невозможными.

В чем же была причина (или повод) для выселения Гидроторфа с 1-й МГЭС? Она становится известна из письма В.Д. Кирпичникова в Госплан в связи с развернувшейся борьбой Гидроторфа и Бронеотдела Военного ведомства за один и тот же завод, называвшийся до октябрьского переворота 1917-го «Русской машиной», а затем Государственным Машиностроительно-снарядным заводом №1:

По требованию некоторых политических организаций и Центрального правления ОГЭС Гидроторф выселяется с [1-й] МГЭС, и срок выселения наступил уже 1 августа с/г. Как мотив для выселения указывается необходимость улучшить соотношение на территории МГЭС между числом работников физического труда и числом служащих, что до некоторой степени достигается уходом 150 служащих Гидроторфа.

Таким образом, передача Гидроторфу завода «Русская Машина» дает возможность в кратчайший срок урегулировать этот вопрос.

Ясно, что коммунисты электростанции и ОГЭС (бюрократическая надстройка над ней) повод к выселению Гидроторфа высосали из пальца, но они, похоже, нашли наконец-то предлог отомстить последнему за «баснословные» пайки его сотрудников.

И тут как раз стоит изложить драматическую историю того, как Гидроторф тягался с военными за бывш. «Русскую Машину». Из письма Р.Э. Классона В.А. Смольянинову в конце июля:

<...> Позвольте к Вам обратиться по чрезвычайно спешному и неотложному делу с просьбой доложить об этом Владимиру Ильичу. Дело вот в чем. Мы просили предоставить нам, как техническую базу для Гидроторфа, завод «Русская Машина», на который мы должны были переехать со всеми складами, конторой и мастерскими. После многих месяцев ходатайства мы получили разрешение и завтра должны были переезжать на зав. «Русская Машина».

Это один из старейших московских заводов, лежит на рельсовых путях, что для нас безусловно необходимо, имеет большие склады, что так же очень важно, и мы можем на нем изготовлять все, что нам нужно и что можно делать в России. Словом, завод во всех отношениях подходящ для нас.

Но как раз сегодня произошло столкновение интересов: Авто-Броня – другой претендент на завод «Русская Машина», который получил прежний снарядный корпус, огромное помещение, вполне для него достаточное, не удовлетворился этим и сегодня заявил, что ему нужен почти весь завод. В частности, ему нужны все склады, литейная (целиком), кузнечная (90%) и половина механических мастерских. Кроме того Авто-Броня требует, чтобы мы вне очереди исполняли все ее заказы. Организация же всего завода и ремонт завода, пополнение штата и все прочее лежит на нас.

При таких условиях, выходит, что мы все свои силы уьем на подготовительные работы для Авто-Брони, пустим завод, от которого нам не будет никакой пользы. <...>.

10 августа вышел документ СТО:

В целях наиболее правильной постановки ремонта танков и бронемашин Бронезаводского отдела, с одной стороны, и рациональной постановки работы Гидроторфа, с другой, Совет Труда и Оборона постановляет:

1. Предложить Президиуму ВСНХ отвести для создания ремонтной базы для Бронезаводского отдела в распоряжение Бронезаводского отдела автомобильный завод б. Русско-Балтийского О-ва в Филях, приняв меры к постепенной ликвидации работ по ремонту автомобилей и авиационных двигателей, производящихся на этом заводе на основе особого договора, заключаемого между Президиумом ВСНХ и Военным ведомством в недельный срок.

2. Предложить Президиуму ВСНХ отвести для исполнения заданий Гидроторфа, а также ремонтных потребностей Электрических станций завод «Русская Машина» с временным предоставлением для срочных работ Бронезаводского отдела части помещений этого завода (старая литейная, свободная часть механической мастерской и соответствующие складские помещения). <...>.

Однако нахрапистые военные этим решением не удовлетворились и еще долго продолжали воевать за «Русскую Машину». Здесь стоит пояснить, что у Красной армии на тот момент имелось около двух десятков танков, скопированных на Сорновском заводе с французских «Рено», пара которых была отбита у Добровольческой армии в 1919 году.

В августе 1921-го проявило себя еще одно «чисто советское образование» (действовавшее в то время параллельно с ВЧК), что становится видно из письма Гидроторфа в Госплан:

Препровождая при сем копию отношения Управления по делам Гидроторфа от 11 июля с/г. за №3191 на имя следователя Московского Ревтрибунала тов. Масальского с ходатайством об освобождении из-под стражи на поруки Управления сотрудника Гидроторфа Д.С. Свенчанского, Управление Гидроторфа, имея в виду обращение к Вам по поводу Д.С. Свенчанского Заводоуправления МГЭС, с своей стороны считает необходимым отметить исключительные организационные способности и трудоспособность Д.С. Свенчанского, организовавшего склады Гидроторфа и руководившего до своего ареста их работой. <...> Зная Д.С. Свенчанского как безупречно честного человека, Управление Гидроторфа обращается к Вам с просьбой оказать свое содействие в деле удовлетворения ходатайства Гидроторфа об освобождении Д.С. Свенчанского из-под стражи на поруки Управления Гидроторфа.

Ревтрибуналы были созданы в соответствии с Декретом о суде №1 от 22 ноября 1917 г. «для борьбы против контрреволюционных сил в видах принятия мер ограждения от них революции и ее завоеваний, а равно для решения дел о борьбе с мародерством и хищничеством, саботажем и прочими злоупотреблениями торговцев, промышленников, чиновников и прочих лиц».

А 4 мая 1918 г. Совнарком принял декрет «О революционных трибуналах», который сузил их полномочия – «решение дел по борьбе с погромами, взяточничеством, подлогами, неправомерным использованием советских документов, хулиганством и шпионажем».

Сын Данилы Самойловича Семен был женат на дочери Р.Э. Классона Татьяне, но Роберт Эдуардович с соратниками хлопотал перед судебным органом не столько за своего свата, сколько за сотрудника Гидроторфа. Делал он это бесстрашно и ранее, будет делать это с таким же бесстрашием и в дальнейшем. И Д.С. Свенчанский был-таки освобожден!

В уже цитированном письме Р.Э. Классона от 2 августа 1921 года в Управление делами С.Н.К., тов. В. Смольянинову содержалось поразительное признание (и это при живом-то «вожде»!):

*<...> С сегодняшнего дня весь наш персонал на «Электропередаче» хотят перевести на половинный паек. Ясно, что при таких условиях нельзя будет продолжать работ по подготовке [площадей для добычи и сушки торфа], ни строить завод для отжатия. Вообще приходится сказать, что от всех тех привилегий, которые нам были даны постановлением СНК от 30-го октября п/г., сейчас осталась только возможность получать материалы.**

* Стоит отметить, что в 1921 г. в Советской России разразился жуткий голод:

В.Ц.И.К. выпустил следующее воззвание к населению:

«В обширном районе засуха этого года свела на нет урожай и травы. Бедствие охватило Астраханскую, Царицынскую, Саратовскую, Самарскую, Симбирскую, Уфимскую губернии, Немецкую коммуны Поволжья, Татарскую республику, Чувашскую область и 4 южных уезда Вятской губернии. В этом районе не менее 10 млн. населения не могут просуществовать до следующего урожая без поддержки от государства. Население голодает. Все крестьянское хозяйство поставлено в критическое положение: не хватает зерна на обсеменение, нет корма для скота. Это бедствие, при получившемся сокращении продовольственного фонда, при острой хозяйственной разрухе, грозит надорвать надолго хозяйство целого хлебодородного района и тем самым превращается в бедствие всенародное.

Миллионы человеческих глаз из пострадавшего района смотрят на каждого и ждут от государства своего спасения.

Рабочие! Теснее сплывайтесь в своих организациях для точного выполнения производственных заданий, для увеличения количества продуктов [широкого потребления], в обмен на которые получатся новые хлебные маршруты. Лучшие из вас пойдут на места для борьбы с горем народным.

Все же остальные привилегии, главным образом продовольственные, уже с февраля месяца [1921 года] аннулированы, и мы работаем в таких же неблагоприятных условиях, в каких работает огромное большинство советских предприятий. Если положение вещей не изменится к лучшему в этом году, широкая постанковка гидроторфа и переход на заводский масштаб и в будущем 1922 году окажутся невозможными.

31 августа 1921 года Ответственный Руководитель Гидроторфа написал председателю Совнаркома об инновационном прорыве, а заодно опять «об отмене привилегий»:

<...> С большим удовлетворением я могу сообщить, что вопрос об обезвоживании торфа заводским путем нами за последнее время разрешен совершенно бесспорно, притом простейшими средствами (нам нужны только гипс и старые железные стружки). И теперь необходимо перейти от лабораторной установки к промышленной, то есть построить завод.

Одновременно нам удалось разрешить также вопрос сушки торфа во время летнего сезона, так же путем химического воздействия на гидравлический торф, с таким результатом, что время сушки уменьшается приблизительно вдвое, по сравнению с прежним, и торф перестал бояться дождя.

<...> Для того чтобы практически использовать все эти достижения, нам нужно продовольствие и деньги. Продовольствие достать трудно, и я его не прошу, но если Вы дадите нам денег – денежные знаки в России для закупки продовольствия и оплаты рабочих, с одной стороны, и известную сумму иностранной валюты для закупки за границей тех машин, которые мы изготовить не можем, – то я берусь к сезону будущего года построить на «Электропередаче» первый опытный завод для обезвоживания торфа, испытать его в течение сезона и тогда с будущей осени мы в состоянии будем поставить для 1923 года торфодобычу в любом масштабе, соответственно предоставленным средствам.

<...> Я потому решаюсь обратиться к Вам непосредственно, что все те права, которые в свое время были Вами и Советом Народных Комиссаров нам предоставлены, давно уже отменены, и самые спешные работы у нас стоят за невозможностью купить продовольствие – нет денег.

При наличности денег мы сможем купить сколько угодно продовольствия, совершенно не беспокоя Наркомпрод, и исполнить все необходимые работы.

В тот же день В.И. Ульянов-Ленин ответил Р.Э. Классону:

<...> Если сообщаемое Вами известие о том, что вопрос об обезвоживании торфа заводским путем Вами разрешен совершенно бесспорно, вполне соответствует действительности, то оно имеет громадную важность. Необходимо немедленно произвести проверку или техническую экспертизу и тогда решать вопрос об ассигновании Вам просимого продовольствия и иностранной валюты. Вы должны сообщить, сколько именно продовольствия и иностранной валюты Вы просите. Ваше сообщение, что права, предоставленные Вам СНК, давно отменены, меня удивляет, ибо отменить их никто не мог <...>.

Окончание примечания

Крестьяне! Ваши обездоленные братья ждут, что вы быстрым выполнением государственной повинностей (продовольственный налог, трудовые повинности) укрепите государство и дадите ему силу вывести их из бедственного положения. Вы поддержите крестьянское хозяйство пострадавших губерний, вы протянете руку помощи пострадавшим, чтобы они помогли вам в предстоящие годы общими силами крепко поставить все народное хозяйство.

Все органы советской власти и все прочие организации, в центре и на местах, должны всегда при своей работе иметь в виду задачи, выдвинутые бедственным положением Поволжья, и напрячь свои силы для своевременного разрешения этих задач.

«Последние Новости» (Париж), 23 июля 1921 г.

В письме Л.Б. Красину от 1 сентября 1921 г. Роберт Эдуардович скорректировал свое прежнее решительное утверждение:

В моем письме к Владимиру Ильичу я пропустил одно слово, а именно: надо было написать «фактически отменены», а не просто «отменены», так как, конечно, постановления СНК никем не могут быть отменены, но фактически они не исполнялись, и последнее время мы находились в таком же положении, в котором находились и все остальные учреждения – без денег и без продовольствия.

Совет труда и обороны выделил искомые деньги (виртуально), после того как совещание (комиссия по вопросам Гидроторфа) под председательством Л.Б. Красина, созванное 7 сентября по настоятельной просьбе В.И. Ульянова-Ленина, признало способ коагуляции гидромассы слабым коллоидальным раствором окиси железа заслуживающим разработки в заводском масштабе. Комиссия сформулировала соответствующие выводы и предложения, которые мы здесь приводить не будем. Отметим лишь, что это было вполне системное и деловое постановление (если бы оно было реализовано в полном объеме и в сжатые сроки, чего, как мы увидим ниже, не случилось).

В итоге Гидроторф добыл в сезоне 1921-го всего 1,1 млн пудов торфа (при запланированных 3 миллионах). Роберт Эдуардович, конечно, сожалел об этом, но еще в разгар торфяной кампании он уже заглядывал в следующий, 1922 год (см. выше его письмо Ульянову-Ленину от 10 июня).

13 сентября Р.Э. Классон отправил письмо Заместителю Управляющего делами Совнаркома тов. В.А. Смольянинову (и как стало ясно днем позже, очень вовремя):

Многоуважаемый Вадим Александрович. Я еще не ответил Вам официально на Вашу телефонограмму и смогу ответить только через несколько дней. Пока же хотел Вам сообщить частным образом, как обстоит дело.

П. 1 «Золото». Несомненно, нам надо провести нашу заявку через СТО, и это указано совершенно определенно в протоколе Основной комиссии Л.Б. Красина. Я не сомневаюсь, что нам дадут деньги для завода [Мадрук] в размере 150 000 рублей, но очень боюсь, что слишком сократят основную заявку Гидроторфа в 1 миллион рублей золотом. Если сократят немного, то это не беда, но если очень сильно сократят, то мы не в состоянии будем купить зарубежных кранов, а значит, добыча опять будет идти кустарным способом, на кустарных кранах. Мы уже сами сократили свою заявку, но может быть придется еще сократить, это всецело будет зависеть от того, как будет работать завод «Русская Машина» – если мы будем иметь деньги и хлеб, то он может работать очень хорошо, и тогда заграничная заявка сведется к минимуму.

П. 2 «Продовольствие». Мы получили от Главторфа 4 000 пайков на два месяца, 7 000 мы не получили. Что будет через два месяца – неизвестно, вероятно дадут очень мало. Вообще меня этот пункт беспокоит, так как я обещаниям не верю.

П. 3 «Деньги». Деньги обещает Главторф, но пока их еще нет.

П.4 «Покупка продовольствия на рынках». Этому вопросу я придаю очень большое значение, так как деньги мы так или иначе достанем, и сейчас можем купить сколько угодно продовольствия. Право покупать продовольствие на деньги уже предоставлено целому ряду учреждений, в частности Наркомздраву и Наркомпросу, следовательно могут предоставить и нам. <...>.

И 14 сентября Малый Совнарком принял важное для Гидроторфа постановление:

Открыть кредит Наркомвнешторгу по смете ВСНХ для оплаты заграничных заказов Гидроторфа в сумме одного миллиона ста пятидесяти тысяч рублей золотом, причем один миллион рублей ассигновать по смете 1922 года и 150 000 рублей по смете 1921 года дополнительно, сверх открытых 31 мая 1921 года кредитов.

Для выдачи заграничных заказов Гидроторфа была сформирована временная берлинская комиссия под председательством В.В. Старкова (заместителя торгпреда в Германии), в составе Б.С. Стомонякова (торгпреда в Германии) и Р.Э. Классона. В.И. Ульянов-Ленин, подписывая в качестве председателя Совета труда и обороны инструкцию этой комиссии, закончил ее так: «*Не прозевать, как прозевывали уже не раз в этом деле*».

Несмотря на столь благожелательное отношение высших инстанций к динамичному развитию Гидроторфа последний постоянно вяз в «бюрократическом болоте» наркоматов и более мелких инстанций, в борьбе ведомств. Так в письме к Управделами Совнаркома Н.П. Горбунову от 27 сентября Р.Э. Классон отмечал:

Продовольствие на первые два месяца частью получено, частью получается, но не на 7 000 едоков, а всего на 4 000, больше мы не получим. Прав покупки продовольствия на вольном рынке нам до сих пор не предоставлено, между тем этому праву мы придаем очень большое значение, так как предвидим, что через два месяца нам продовольствия не дадут, и тогда все налаженные работы остановятся или, по крайней мере, очень сильно задержатся, пока мы вновь будем возбуждать ходатайство.

В выдержке из приложения к протоколу Совета Гидроторфа, подписанного Р.Э. Классоном 29 сентября, опять затрагивался «машиностроительный сюжет», переросший уже в «наступление-оборону»:

К сожалению Бронеотдел, которому предоставлено право ремонтировать танки на заводе, пригнал на днях несколько танков и хочет поставить их в большой литейной. Мы его пока не пускаем, так как там уже заформованы и отливаются наши машины. <...> Каждый день успешной работы завода уменьшает размеры заграничных заказов и сберегает золотой фонд. Мы надеялись, что Бронеотдел сам откажется от технически невозможной задачи ремонтировать танки в здании литейной, и на это рассчитывал и Мосмет. Но ни мы, ни Мосмет не можем бороться с Военным ведомством и потому просим защиты Председателя Совнаркома.

Из письма Роберта Эдуардовича в Наркомвнешторг от 5 октября:

Я не могу выехать [за границу] вследствие того, что мой паспорт задерживается в Отделе виз Инотдела, насколько я могу судить, без всякого к тому основания: так, мой паспорт три дня подряд не посылался в Германское Консульство, несмотря на все мои убеждения его туда отправить; теперь, когда он лежит в Германском Консульстве готовый и его надо только взять, курьер Инотдела за ним не приходит, и я рискую опять завтра пропустить поезд, как уже пропустил один раз на этой неделе.

В конце октября республиканские инстанции наконец-то отдали московский завод Гидроторфу полностью:

Президиум ВСНХ <...> постановил: <...>

1) отвести для исполнения заданий Гидроторфа завод бывш. «Русская Машина» целиком, обязав Управление Гидроторфа выполнять заказы по изготовлению частей для ремонтных потребностей электрических станций Московского района;

2) обязать Харьковский Паровозостроительный завод производить различный ремонт танков от 15-ти до 20-ти штук одновременно и изготовлять запасные части к ним по заказам Военного ведомства.

Здесь стоит затронуть такую актуальную тему как поднятие из руин завода «Русская Машина». Из письма Р.Э. Классона в Совет труда и обороны от 16 августа 1921 года:

При составлении заграничной заявки мы имеем в виду заказывать за границей только то, чего в России изготовить нельзя вовсе или нельзя изготовить в достаточном количестве. Благодаря постановлению СТО от 10 августа нам предоставлен, как техническая база, завод «Русская Машина», и мы предполагаем развить в нем возможно большое производство.

Из приложения к протоколу совета Гидроторфа от 29 сентября 1921 г., подписанного Р.Э. Классоном:

Завод «Русская машина», переданный в августе Гидроторфу, спешно нами ремонтируется и на нем уже восстановлено производство во всех цехах. Сейчас работает уже 150 человек и ежедневно возвращаются старые рабочие завода, так что через полтора-два месяца завод будет работать полным ходом и обслуживать Гидроторф и все электрические станции Московского района. <...> Каждый день успешной работы завода уменьшает размеры заграничных заказов и сберегает золотой фонд.

Из письма В.Д. Кирпичникова Замуправделами Совнаркома тов. В.А. Смольянинову от 2 января 1922 г.:

Постановлением СТО от 10-го августа 1921 года был отведен для выполнения заказов Гидроторфа завод бывш. «Русская Машина» с оставлением его в ведении Мосмета. Зная, что только интенсивная помощь Гидроторфа даст возможность развить должный масштаб производства на этом уже давно неработающем заводе, Управление по делам Гидроторфа подошло вплотную к производственной жизни завода и помогло ему во всех сторонах его деятельности.

По предложению Гидроторфа главным инженером завода был назначен Мосметом служащий Гидроторфа А.Г. Штумпф, являющийся одним из лучших производственников.

Для первоначального развертывания завода Гидроторфу пришлось принять на себя с августа по ноябрь 1921 года дополнительную оплату персонала и снабжение его продовольствием. Только благодаря этой помощи удалось поставить на ноги завод. Помещения завода находились в очень печальном состоянии, поэтому для развития нормального производства необходимо было проделать на заводе крупные ремонтные работы. Эти работы организованы Гидроторфом и выполнены к настоящему моменту более чем наполовину. Снабжения Мосметом завода топливом далеко не хватает для отогревания его помещений и работы литейной.

Гидроторфу приходится организовать своими силами дополнительное снабжение завода дровами, торфом. Гидроторф заботился также о снабжении завода сырьем и полуфабрикатами, нужными для изготовления оборудования, и в результате этой деятельности в настоящее время можно развернуть производство завода в нужном Гидроторфу масштабе.

Почти все, что изготавливается заводом, делается по чертежам, разработанным техническим бюро Управления по делам Гидроторфа. Технические органы Гидроторфа осуществляют надзор за правильным изготовлением оборудования, для чего им пришлось тесно войти в заводскую жизнь. Словом, в настоящий момент Управление по делам Гидроторфа для поддержания правильной работы завода принуждено обслуживать завод, как один из своих отделов, снабжая его всем необходимым и вникая во все его нужды.

К этому необходимо добавить, что весь громадный аппарат Управления по делам Гидроторфа (300 чел. служащих) помещается на территории завода, имея там свои конторские помещения, склады, гараж, химическую и техническую лаборатории, так что в настоящее время на территории завода имеется юридически два хозяина, фактически же всем распоряжается Гидроторф.

Результаты этой деятельности Гидроторфа совместно с заводоуправлением завода чрезвычайно благоприятны: завод, не имевший прошлой зимой почти никакого выпуска [продукции] и стоявший с апреля по август месяц 1921 года, со времени вмешательства в его жизнь Гидроторфа работает без перебоев и с каждым месяцем увеличивает свой выпуск, выполняя непрерывно растущую производственную программу свыше 100%. В прилагаемой диаграмме даны основные цифры, характеризующие работу завода за последний год*.

Необходимо указать, что только при сохранении возрастающего темпа развития завода можно выполнить все то оборудование, которое необходимо Гидроторфу для осуществления намеченной высшими органами государства программы.

Если изготовление оборудования к сезону 1922 года возможно было поделить между русскими и немецкими заводами, то совсем иначе будет обстоять дело подготовки к сезону 1923 года, когда, в целях экономии валютного фонда, придется все механическое оборудование изготавливать на русских заводах.

Завод «Русская Машина» по своему размеру и оборудованию дает возможность развернуть изготовление машин в нужном масштабе (20 000 пудов в месяц). Он может вместить на своей территории 100 чел. рабочих с увеличением выпуска в несколько раз против лучшей цифры прилагаемого отчета. Но здесь мы сталкиваемся с невозможностью для Мосмета выделить один завод из ряда других заводов и снабжать его топливом, материалами и денежными средствами в значительно большем проценте, чем другие свои заводы. Поэтому Мосмет сознательно ограничивает производственную программу завода и не в состоянии допустить чрезмерную перевыработку завода сверх программы.

Все эти соображения заставляют Управление по делам Гидроторфа настоятельно ходатайствовать о передаче завода целиком в ведение Управления по делам Гидроторфа, с тем чтобы все снабжение завода материалами, топливом, денежными средствами, продовольствием производилось Гидроторфом из предоставленных ему ресурсов. Такое положение дел не будет обременительным для Гидроторфа, так как все равно 90% изделий этого завода выполняется им для Гидроторфа, и при новой экономической политике, в особенности при ожидаемом переводе завода на бюджет, все эти изделия Гидроторфу придется полностью оплачивать продовольствием, деньгами, топливом и проч.

Несомненно, непосредственные расходы Гидроторфа на своем заводе будут меньше того, что возьмет завод с Гидроторфа при расчете за изготовленное оборудование, особенно если принять во внимание, что, имея в своих руках завод и управляя им, Гидроторф будет всячески стремиться вести производство с минимальной затратой материальных и денежных ресурсов. При этом освободится для производственной работы ценный персонал, ныне занимающийся двойной отчетностью – Мосмету и Гидроторфу и обременительными отношениями между заводом и этими двумя учреждениями.

* Из приложенной диаграммы следует, что в январе 1921 г. «Русская Машина» (при численности персонала в 346 чел.) выпустила 345 пудов продукции, в феврале (348 чел.) – 700 пуд., в марте (332 чел.) – 785 пуд., в апреле (336 чел.) – 872 пуда, в мае-сентябре завод простаивал (в мае-августе численность персонала снизилась до 191 чел.), в августе начался новый организационный период и ремонт (с сентября – с участием Гидроторфа, поэтому в этом месяце численность персонала возросла до 283 чел.), в октябре завод (339 чел.) выпустил 3 115 пуд. продукции на нужды Гидроторфа, в ноябре (379 чел.) – 3 567 пуд., в декабре 1921 г. (402 чел.) – 3 756 пудов. Последние цифры по штату – по-видимому, с учетом отмеченной численности служащих Гидроторфа (300 чел.).

Предлагаем профессиональным историкам-экономистам исследовать сию актуальную для Советской России тему – насколько массовым было восстановление силами главков, синдикатов, трестов и прочих соворганизаций порушенных за годы гражданской войны крупных дореволюционных отечественных предприятий? У автора этих строк перелистывание, например, берлинской газеты «Руль» создало впечатление, что здесь удастся найти не более пары-тройки уникальных примеров.*

Но мы несколько отвлеклись от основной темы – гидроторфа и Гидроторфа.

3 ноября 1921 г. «Начальник Цуторфа» М.В. Морозов (И.И. Радченко перешел в ВСНХ?) отправил в ЦК Всероссийского союза горнорабочих такую отписку:

Цуторф сообщает, что в его распоряжении не имеется проз- и спецодежды, которой необходимо снабдить Гидроторф. Кроме того, Цуторфу известно, что Гидроторф не имеет на своих работах по подготовке болот такого количества рабочих, как указывается в [его] письме в Союз №4852, и неизвестно, где в хозяйствах Гидроторфа производится рубка строевого леса и куда он транспортируется.

В ноябре Л.С. Сосновский опубликовал в «Правде» статью «Юбилей»:

<...> До сих пор изобретатели нового способа торфодобыывания – инженеры Классон и Кирпичников – работали, главным образом, над первой половиной задачи: как добыть механическим (гидравлическим) способом торф, не прибегая к помощи тяжелого труда торфяника. В основном с этой задачей Гидроторф справился. <...>

Оставался неразрешенным второй вопрос: как применить искусственную сушку торфа? <...> Нужно химически воздействовать на торф так, чтобы он влагу выпустил. Вот эту задачу и разрешили группа работников-химиков – профессор Стадников, Берков и другие. Им удалось найти способ такого химического воздействия на торф, при котором вода может быть отжата особыми прессами.

Такие прессы [«Мадрук»] изготавливаются сейчас в Германии под наблюдением командированного туда инж. Р.Э. Классона. К июлю 1922 года, по заданию Совнаркома, первые машины должны быть установлены на Электропередаче.

<...> Итак, в области торфодобыывания Россия делает сейчас гигантские успехи, которыми мы можем гордиться. И тут мы, по-видимому, опередили и Европу. Теперь все зависит от того, с какой быстротой мы будем применять новое изобретение.<...>

Здесь стоит поправить Л.С. Сосновского: прессы «Мадрук» изготавливались под наблюдением В.Д. Кирпичникова (несмотря на противодействие Главторфа-Цуторфа получившего командировку в Германию и уже вернувшегося к моменту написания статьи).

* Из первополосной статьи «Советские секреты» в «Руле» за 4 марта 1924 г.:

За три последних года [(согласно публикации в «Экономической Жизни»)] ввоз металлоизделий составляет сорок миллионов пудов чугуна на сумму 190 миллионов довоенных рублей. За то же время внутри страны произведено изделий на 35 миллионов пудов чугуна, причем лозунг металлической промышленности заключается в постоянном торможении ее и получении дотаций из казны. В текущем году сокращение внутреннего производства продолжается и притом в размерах довольно существенных, а именно на 25 процентов против прошлого года.

Эта общая картина становится еще более внушительной, если всмотреться в ее частности. Больше всего ввезено было паровозов, вагонов и цистерн. «А что стало, – спрашивает газета, – с нашими паровозо- и вагоностроительными заводами?» Ведь проклятый свергнутый режим успел понастроить «гиганты-заводы». Теперь, при советском режиме, неминуемо «встает вопрос о закрытии Путиловского, Брянского, Харьковского и других заводов». Убогая программа прошлого года закончена, новых паровозов и вагонов не требуется, загрузить эти заводы чем-либо другим не так-то просто, да и нечем, ибо и в других областях металлическая интервенция делает свое дело еще успешнее. Так, например, ввозятся косы и другие сельскохозяйственные орудия, в то время как, по удостоверению «Экономической Жизни», «на наших косных заводах лежат сотни тысяч кос», и тресты ломаются от запасов, точно так же как и склады посредников.

А находившийся в это время в Берлине Р.Э. Классон заказывал другое оборудование – торфососы, растиратели, краны, формующие автомобили, тракторные почвенные фрезеры для полировки болот и т.д. Мы и далее будем отслеживать, как Гидроторфу какое-то время удавалось «опережать Европу». 23 декабря 1921-го В.И. Ульянов-Ленин выступил с отчетом на IX Всероссийском съезде Советов и вот какую хрень он там произнес:

Два слова еще об одном успехе – о нашем успехе в деле работы по торфу. Добыча торфа у нас в 1920 г. достигла 93 млн. пудов, в 1921 г. – 139 млн. пудов – единственная, пожалуй, область, где мы довоенную норму далеко обогнали. В области торфа у нас богатства необъятные, как ни в одной стране в мире.

Но здесь гигантские трудности были и отчасти остаются и сейчас в том отношении, что эта работа, вообще тяжелая, страшно тяжела была именно в России. Изобретение гидравлического способа добычи торфа, над чем работали в Главторфе тт. Радченко, Меншиков и Морозов, облегчает эту работу. В этом отношении достигнут успех громадный. В 1921 г. работало всего 2 торфососа – аппараты для гидравлического добывания торфа, избавляющие рабочих от каторжного труда, который до сих пор связан с добычей торфа. Теперь заказано в Германии и обеспечено к 1922 г. 20 аппаратов. Содружество с передовой европейской страной началось. И перед нами сейчас открывается возможность развития этого дела, мимо которого пройти невозможно. Обилие болот и запас торфа в России велик, как нигде, и превратить этот труд из каторжного, на который шло и могло идти только небольшое число рабочих, в более нормальный теперь представляется возможным.

Практическое содружество с современным передовым государством – с Германией – достигнуто, поскольку там уже вырабатывают на заводах приборы, облегчающие этот труд, приборы, имеющие быть, наверняка, пущенными в 1922 году. На это обстоятельство нам надо обратить внимание. В этой области мы можем сделать очень и очень много, если все будем знать и все будем распространять ту мысль, что при напряжении усилий, при механизации труда выйти из экономического кризиса в России мы имеем бдльшую возможность, чем какое бы то ни было другое государство.

Т.е. над изобретением гидравлического способа добычи торфа, оказывается, работали коммунисты Радченко, Меншиков и Морозов, а не беспартийные Классон и Кирпичников со товарищи?! Как первые товарищи, со стороны Главторфа, «работали», т.е. ставили палки в колеса Гидроторфу, мы уже иллюстрировали и еще не один раз проиллюстрируем. Объективности ради стоит указать на то, что в плане доклада Ленина, опубликованном в XXIII «Ленинском сборнике» за 1933 г., значилось следующее:

<i>Гидроторф:</i>	<i>1921 – 2½ торфососа – 1,1 милл. пуд. торфа</i>
<i>Радченко</i>	<i>1922 – 20 торфососов – до 10 милл. пуд. (10 заказано в Германии)</i>
<i>Морозов</i>	<i>сделано Гидроторфом изобретение: найден способ</i>
<i>Меншиков</i>	<i>искусственно обезвоживать торф в течение нескольких часов. <...></i>
<i>Классон, Кирпичников</i>	

Выходит, «вождь», произнося свою речь, в перечне товарищей, работавших над гидроторфом, попросту похерил двух закоперщиков этого дела – беспартийных Р.Э. Классона и В.Д. Кирпичникова!!! Как мы уже отмечали, в письме к И.И. Радченко от 7 июня 1921 г. «вождь» отводил им такое место: «Я вполне понимаю, что Вам больно видеть, как несоветские люди – даже может быть, частью враги советской власти – использовали свое изобретение в целях наживы. Очень верю Вам, что таков Кирпичников. Конечно, и Классон не сторонник наш. Но в том-то и суть, что, как ни законно Ваше чувство возмущения, надо не сделать ошибки, не поддаваться ему. Изобретатели – чужие люди, но мы должны использовать их. Лучше дать им перехватить, нажать, цапнуть, – но двинуть и для нас дело, имеющее исключительную важность для РСФСР».

В январе 1922-го Управделами Гидроторфа В.И. Богомолов, возможно по совету своего шефа, вышел в Наркомвнешторг с такими «революционными предложениями»:

<...> Практика доставки в Москву весенних [1921 г.] заказов Гидроторфа из-за границы заставляет нас очень опасаться (см. приложение), что при обычном порядке транспортирования грузов мы их получим уже после окончания торфяного сезона или их получит кто-либо другой, как Вы это можете усмотреть из тех же приложений.

Все выше упомянутое заставляет Управление по делам Гидроторфа предложить проект организации транспортировки заграничных заказов для Гидроторфа в Россию, подробно изложенной в особом приложении. Этот проект предусматривает:

1) постоянную связь отправленного с места изготовления заказа как с Москвой, так и с заграничными представителями Гидроторфа с момента его отправки до момента получения в Москве или месте разработки, что даст возможность в одних случаях подтолкнуть груз, в других разыскать;

2) сопровождение грузов особыми проводниками и

3) сортировку грузов в Балтийских портах.

Конечно, нет надобности посылать из России за границу целый штат агентов и проводников. Необходима посылка из России только двух-трех представителей Гидроторфа, хорошо знакомых с самим производством и стоящих в курсе дела всех произведенных заказов, причем главным образом в Ревель и Ригу, где должна производиться сортировка всех заказов и где присутствие специалиста-инженера обязательно. <...> Затрата на дополнительные расходы, во всяком случае, будет меньше тех потерь, которые получают при настоящей постановке дела <...>.

В более позднем документе «затрата на дополнительные расходы» была обозначена в 26 тыс. червонных рублей для двух агентов Гидроторфа – в Риге и Ревеле. А из прилагаемой к письму В.И. Богомолова справки следовало, что время транспортировки грузов в 1921-м составляло из Штеттина до Москвы от двух до восьми месяцев, кроме того некоторые грузы в Москве засылались не Гидроторфу, а сторонним организациям – еще 1-2 месяца терялись. Гидроторф, намучившись с советскими внешнеторговыми организациями в Берлине и родным Наркоматом путей сообщения, сильно опасался в 1922-м за это «слабое звено». И оно проявило себя, как мы далее увидим, во всей своей «организационной и технической немощи».

В начале 1922-го Р.Э. Классон вынужден был снова обратиться к В.И. Ульянову-Ленину. Из его письма от 9 февраля:

Возвратившись из заграничной командировки, я ознакомился с положением вещей здесь в Москве и вижу, что положение Гидроторфа в данный момент очень неблагоприятно. Возможно, что все те ценные машины, которые я купил за границей, мы не в состоянии будем применить в этом году, если не будет изменено общее положение Гидроторфа, который в противоречие с декретами Совнаркома и Совета Труда и Обороны, сведен теперь к положению третьестепенного советского учреждения.

<...> Мы представили на утверждение смету в сумме приблизительно около 4 миллионов рублей золотом и просим предоставить в наше распоряжение эту сумму с тем, чтобы Гидроторф больше не требовал никаких ассигнований ни на опыты, ни на новые оборудования, а мог стать самокупающимся предприятием.

<...> Мы просим совершенно отделить нас от Цуторфа и перевести, в качестве учреждения, находящегося в строительном периоде, или в Главное управление по топливу, или в другое учреждение, по усмотрению Совета Народных Комиссаров, где мы могли бы получить необходимые нам строительные средства до осени, когда Гидроторф станет на ноги и будет в состоянии конкурировать со всеми другими организациями, вырабатывающими топливо.

На следующий же день В.И. Ульянов-Ленин отправил записку управделами Совнаркома Н.П. Горбунову:

Обратите серьезнейшее внимание. По-моему, надо дать все просимое, т.е. 4 миллиона рублей [золотом] x 0,2 [миллиона] = 800 миллиардов [бумажных рублей]. Это первое. Второе. От Цуторфа не отделять. Зачем отделять? Надо дать автономию, внутри Цуторфа. Определить ее точно, письменно, закрепить через СТО. Третье. Ведь есть ряд постановлений СТО об ударности Гидроторфа и прочее и прочее. Явно, они «забыты». Это безобразие! Надо найти виновных в «забвении» и отдать их под суд. Непременно! (Скажите мне итог, что сделали).

Из этой «миллиардной арифметики» получалось, что 1 золотой рубль стоил тогда 0,2 миллиона бумажных! Дело в том, что государственный бюджет еще в 1921 г. «сводился» с дефицитом в 98%! Т.е. Гознаку приходилось печатать миллионы совбумажек!!

9 и 11 февраля 1922 года в «Правде» появился «донос» Михаила Морозова под хлестким заголовком «Караул!..»:

На распределении денежных средств в ГУТе торфу отвалили «львиную» долю из 20 миллионов [руб.] условного золота на все топливные Главки – дали 3 миллиона на 150 миллионов пудов [планируемой добычи] торфа <...>. Эта цифра особенно красноречива, когда ее сопоставить с 3-мя же миллионами золотом, отпущенными Гидроторфу против испрашиваемых 4-х на работы, которые вот уже четвертый год все еще не выходят из стадии невыясненного и непроверенного опыта, хотя и ведутся в широком промышленном масштабе.

Однако на «донос» недоброжелателя Гидроторфа инстанции, похоже, уже не обратили внимание: чиновники получили нагоняй от председателя Совнаркома – найти виновных в «забвении», и бюрократическая советская машина заворочалась с небывалой интенсивностью. В ф. 130 ГАРФ и ф. 758 РГАЭ имеется весьма любопытная переписка. Из письма Управделами СТО В.А. Смольянинова от 20 февраля в Наркомфин РСФСР, заместителю наркома тов. Краснощекову:

Тов. Ленин категорически требует обеспечить работы Гидроторфа денежными знаками, в общей сумме, на сезон 1922 года, около 3 миллионов руб. золотом. В настоящее время Гидроторфу для его неотложных работ (январь-март) потребна сумма в 1 306 550 руб. золотом. Надо эту сумму безусловно обеспечить за Гидроторфом.

Считаю своим долгом сообщить Вам, что для оборудования Гидроторфа отпущена солидная сумма в золоте для заграничных закупок; за срочное исполнение заказов выданы, по распоряжению Владимира Ильича, специальные премии. Отказ в выдаче денег здесь, в России, сорвет все работы.

А.М. Краснощеков так ответил В.А. Смольянинову:

<...> Будут приняты все меры к своевременному обеспечению Гидроторфа потребным количеством денежных знаков. С этой целью, между прочим, при финансировании ВСНХ, Гидроторф предполагается выделить в самостоятельную единицу для снабжения его кредитами и денежными знаками отдельно и независимо от ВСНХ. В настоящее время на неотложные работы Гидроторфа его представителю немедленно будут выданы денежные знаки в сумме 10 миллиардов [бумажных] рублей.

А замуправделами СТО Б.Г. Закс, пересылая 24 февраля В.И. Ульянову-Ленину письма М.В. Морозова и Г.Л. Пятакова, добавил пару слов и от себя:

Ввиду тяжелого финансового положения Главтопа обеспечить Гидроторф средствами можно только путем оказания давления на Наркомфин. Пока Гидроторфом получено 25 миллиардов [бумажных рублей], из которых 11 – им перехвачено у Цуторфа взаимобразно.

Вопрос автономии Гидроторфа немного отодвинулся в сторону из-за остроты финансового вопроса. Как только последний будет урегулирован, можно будет заняться определением положения Гидроторфа.

А вот и личный «донос» старого большевика и советского чиновника М.В. Морозова от 22 февраля:

Дорогой Владимир Ильич. Мною получено от Вашего имени распоряжение обеспечить Гидроторф достаточным количеством дензнаков. Ваша воля мною и Иваном Ивановичем [Радченко] свято исполняется, невзирая на наше тяжелое, даже безвыходное финансовое положение, из наших средств, т.к. Гидроторф еще не провел своих смет, добиваясь сепаратного их утверждения.

<...> Необходимо установить в какой мере оправдываются они действительной нуждой и возможностью реальных выполнений намечаемых заданий во избежание преждевременных или напрасных расходов в момент острого недостатка денежных знаков. А между тем все наши попытки расшифровать представленную Гидроторфом смету в 12 миллиардов [бумажных руб.] не привели ни к чему, и эта сумма по моему крайнему убеждению отпущена нами, т.е. Цуторфом, в той мере, в какой наш глаз над ними, – вслепую.

Ваше благожелательное отношение к делу Гидроторфа они использовали с явным уклонением от порядка, ничего общего не имеющим с интересами дела. Так, пользуясь своими связями, а может быть и содействием «консультантов», каковые у них имеются во всех учреждениях, с которыми им приходится иметь дело (пробовали взять в консультанты и нашего Начальника Финансово-Счетного Отдела) – они из наших же кредитов получили помимо и без ведома распорядителя кредитов И.И. Радченко (он же – их Председатель) 12 миллиардов за Январь и Февраль и в то же время, скрывая это от нас, настаивали, чтобы мы из отпущенных нам на Январь и Февраль для Цуторфа 36 миллиардов выдали им 12 миллиардов, потом спустились до 8-ми и фактически получили 4 миллиарда, а всего 16 миллиардов в то время, как не доказана потребность их и в 12-ти, и когда Цуторф не выплачивает рабочим третий месяц, а местами и четвертый за недостатком дензнаков, отчего происходят забастовки, аресты рабочими Заведующих разработками, а работы приостанавливаются, и таким образом [торфяная] кампания 1922 года приостанавливается.

<...> Владимир Ильич, у нас Центральное Управление состоит из 150 человек при [ежегодной добыче Цуторфом] 150 миллионов пудов торфа, а у них при 1 миллионе пудов торфа Центральное Управление состоит из 350 человек, из которых прямое отношение к технике имеет лишь ничтожная часть. Миллиарды, отпускаемые им, в добрую четверть могли бы быть сокращены без всякого ущерба делу. Они это и сами хорошо знают. <...>

Временно исполнявший тогда дела начальника ГУТ, зампред Госплана Г.Л. Пятаков так обреченно ответил председателю Совнаркома:

Я абсолютно не в состоянии уделить что-либо Гидроторфу. <...> Вся топливная промышленность находится в совершенно безвыходном положении, ибо продукция железнодорогами не перевозится, и я не могу поэтому продавать нефтепродукты и уголь в мало-мальски сносных количествах.

Топливная промышленность переживает острейший финансовый кризис, [а] требуемая Гидроторфом сумма составляет больше 1/5 всего того, что я могу ожидать от Наркомфина для всей топливной промышленности. Это значит, что без денег останутся предприятия, уже дающие топливо.

Ввиду этого прошу Вас удовлетворить Гидроторф сверх тех ничтожнейших ассигнований, которые получает вся топливная промышленность, либо разрешить сократить деятельность Гидроторфа за отсутствием средств. Прошу Вас верить, что у меня нет желания прижать Гидроторф или же урвать для него сумму сверх сумм, отпускаемых ГУТу: настоящее письмо продиктовано ясным пониманием мною действительной финансовой катастрофы ГУТа, каковая мною отнюдь не преувеличивается.

В итоге виновниками «забвения» постановлений Совета Труда и Оборона по Гидроторфу были назначены следующие «стрелочники»: врид руководителя ГУТ ВСНХ Г.Л. Пятаков, М.В. Морозов от Цуторфа, Б.Г. Закс из управления делами Совнаркома и управделами СНК Н.П. Горбунов. А не жутко бюрократическая машина и вообще вся командно-административная система большевиков, чего В.И. Ульянов-Ленин естественно признать не мог.

Всем «стрелочникам» 27 февраля 1922 года влетело от председателя Совнаркома и Совета Труда и Оборона:

Объявляю выговор за неисполнение своего служебного долга и за проявленный бюрократизм по делу о Гидроторфе т. Пятакову, т. Морозову, т.т. Заксу и Горбунову. Т. Пятаков, вриднач ГУТа, должен был не «просить меня верить» (его бумага от 22/II) и не «просить меня либо удовлетворить Гидроторф сверх сметы, либо разрешить сократить его деятельность» – такая «просьба» ко мне есть непонимание азбуки государственных отношений, а должен был подумать, как выполнить постановление СНКома (а не мое) о Гидроторфе от 30.X.1920 г.

Если Пятаков не знал его, надо посадить под арест тех многочисленных спецов ГУТа и чиновников, кои обязаны знать, справиться и напомнить Пятакову. Не сажать таких мерзавцев под арест значит поощрять бюрократизм, который нас душит.

<...> Т. Морозов обязан был срочно ходатайствовать о созыве такого совещания (и жаловаться на его малейшую просрочку), а не писать чисто склочной бумажонки от 22/II, в которой автор хныкает неприлично вместо деловых предложений.

Т.т. Закс и Горбунов, если бы понимали свой долг, как членов управления делами, а не были управляемы духом обмена пустейших бумажек, обязаны были найти постановление СНК от 30.X. 1920 и сами вычитать из него единственно правильный, единственно законный путь: немедленного созыва совещания Наркоматов. <...> Если будет проявлена еще раз такая неряшливость, я удалю и Закса, и Горбунова со службы.

Прошу Вас, т. Цюрюпа, <...> предписать Наркомам ВСНХ, НКФин и РаКРИ тотчас, по возможности, во вторник 28/II, и никак не позже среды 1/III рано утром собрать совещание с участием Наркомов лично <...>. Задача совещания: выполнить не букву только, а смысл решения СНК от 30.X.1920 г. и постараться удовлетворить Гидроторф максимально (если нельзя 100%, то обязательно все же так, чтобы главная часть его работ 1922 года была выполнена до конца).

В.И. Ульянов-Ленин отправил зам Председателя Совета Труда и Оборона А.Д. Цюрупы и такую сопроводилку:

Посылаю Вам образец нашей поганой волокиты и тупоумия! А это лучшие наши люди, Пятаков, Морозов и др.! Задушили бы дело, кабы не кнут. <...> Дать Гидроторфу, если не 100%, то 90%.

Срочно созванное совещание под председательством А.Д. Цюрупы 28 февраля постановило:

а) Поручить НКФ выдать Гидроторфу немедленно в счет сметы из резервного фонда СНК сумму в 1 200 000 довоенных рублей с зачетом полученных уже Гидроторфом в 1922 году средств.

Предложить Бюджетному Совещению в трехдневный срок рассмотреть смету Гидроторфа, не сокращая утвержденной ВСНХ производственной программы.

<...> в) Поручить тов. Пятакову в двухнедельный срок внести в СТО новое положение о Гидроторфе, которым Гидроторф до окончания опытов гидравлического добывания торфа был бы подчинен непосредственно ГУТу и финансировался по особой от Главторфа схеме.

В тот же день это решение было оформлено постановлением Совнаркома.

2 марта В.И. Ульянов-Ленин написал «товарищам, работающим в Гидроторфе»:

Благодаря моей помощи, Вы теперь получили то, что необходимо для Ваших работ. При всей нашей бедности и убожестве, Вам сверх ранее выданных сумм, ассигнованы еще крупные суммы. Строжайше озаботиться:

*1) чтобы не сделать чего-нибудь зря,
2) чтобы не размахнуться больше, чем это позволяют отпущенные средства,
3) чтобы опыты, Вами произведенные, получили максимальную степень доказательности и дали бы окончательные ответы о практической и хозяйственной пригодности нового способа добывания торфа,*

4) обратить сугубое внимание на то, чтобы велась отчетность в израсходовании отпущенных Вам сумм. Отчетность должна быть поставлена так, чтобы можно было судить о стоимости добываемого торфа.

В свою очередь Р.Э. Классон 6 марта издал циркуляр:

Прошу всех сотрудников Гидроторфа руководиться и всегда помнить о письме Председателя Совета Народных Комиссаров от 2 марта. Это письмо я прошу вывесить в кабинетах руководителей с тем, чтобы оно всегда служило им напоминанием и никогда не упускалось из вида. Нам очень много дано, и поэтому с нас много взыщется. Мы обязаны оправдать оказываемое нам доверие и проявить максимум энергии и инициативы, поставив главной и единственной задачей добычу торфа в 1922 году. Никаких непроизводительных затрат, не вызванных безусловной необходимостью сезона этого года, делаться не должно и надлежит руководствоваться исключительно интересами производства.

Отметим здесь попутно, что выделенные Гидроторфу деньги (пока виртуально), были все же несопоставимы со средствами, необходимыми, например, для восстановления прежней добычи нефти в Баку и Грозном (порушенной из-за вооруженной борьбы большевиков, начиная с 1900-х с царскими властями и кончая войной с белыми).

Из доклада Л.Б. Красина, написанного по просьбе В.И. Ульянова-Ленина в феврале 1921-го:

В Грозном оборудование сильно пострадало от гражданской войны, и восстановление его потребует расхода в 20-30 миллионов золотых рублей. Стоимость материалов необходимых для текущей эксплуатации определяется для Грозного в такую же сумму. Для Баку, где больших разрушений нет, материалов для правильной эксплуатации потребовалось бы на 250-300 миллионов золотых рублей.

В то время на бакинских нефтепромыслах работала только треть имевшихся скважин. Так что властям было выгоднее получить за значительно менее существенные деньги механизацию добычи и сушки торфа в Центральном районе.

13 февраля 1922 года Р.Э. Классон получил от В.А. Смольянинова письмо, в котором содержалось и такое предложение:

По поручению Владимира Ильича передаю Вам следующее. «<...> Совершенно необходимо разработать и точно очертить, закрепив постановлением СТО, организационное положение Гидроторфа и его взаимоотношения с Цуторфом. Соответствующий проект постановления прошу разработать и внести в кратчайший срок в СТО. Ответ сообщите Управделами СТО».

И Р.Э. Классон в своем ответе развивал тему организационной и хозяйственной автономии Гидроторфа (в то же время доброжелательно отозвавшись об И.И. Радченко):

По зрелом обсуждении мы считаем, что полное отделение Гидроторфа от Цуторфа все же неизбежно и несомненно в интересах дела. Так или иначе Гидроторф является конкурентным предприятием Цуторфу, добывающему торф прежним, ручным способом. Поэтому, при всем благожелательном отношении начальника Цуторфа И.И. Радченко, все же у всех остальных деятелей Цуторфа естественно и неизбежно проявляется недоброжелательное и даже явно враждебное отношение к нам, как к конкуренту, грозящему их давно установившимся условиям работы. Ожидать плодотворной работы при таких условиях нельзя, и это подтвердил опыт последних лет: при всех усилиях руководящих лиц совместную работу наладить не удалось. <...>

Одновременно с этим мы приступаем к выработке нового положения о Гидроторфе как о самодовлеющем предприятии, проект какового положения представим Вам на днях.

Следом был прислан и сам проект:

<...> По первому варианту Гидроторф переводится на начала хозяйственного расчета и существует в качестве чисто государственного автономного предприятия при Главном Управлении по топливу.

Для того чтобы Гидроторф мог существовать в дальнейшем без государственного снабжения, необходимо при самом переводе его на начала хозяйственного расчета дать ему в качестве основного и оборотного капитала 4 миллиона золотых рублей, а в дальнейшем для соответствующего потребностям темпа развития его деятельности Гидроторфу необходимо будет ассигновывать на новые сооружения самому Гидроторфу или предприятиям, нуждающимся в топливе, дополнительные денежные средства.

Второй вариант – создание смешанного (государственно-капиталистического) акционерного общества – сокращает денежные ассигнования Государства на 2 миллиона золотых рублей и совершенно освобождает от ассигнования средств на дальнейшее расширение Гидроторфа. Государство, передавая акционерному обществу теперешнее имущество Гидроторфа и внося 2 миллиона золотых рублей, становится собственником большей половины акционерного капитала и остается фактическим хозяином дела, делясь дивидендами с другими акционерами.

Топливный кризис, сравнительная экономичность добычи торфа гидравлическим способом, монопольное право эксплуатации этого способа в России, большое имущество, передаваемое Гидроторфу, участие Правительства, право выпуска гарантированных облигаций обеспечивает возможность привлечения частных капиталов. <...>

В проекте постановления СТО содержалось такое, совсем не приемлемое для властей, предложение (по второму варианту): «Преобразовать ныне существующее Управление по делам Гидроторфа в Акционерное Общество с акционерным капиталом в 12 миллионов довоенных рублей и с участием государства в размере не менее 51%».

Ведь под остальные 49% акций предполагалось привлечь частный капитал, т.е. возродить элементы капиталистической экономики!

Постановлением Совета Труда и Оборона от 22 марта 1922 г. Управление по делам Гидроторфа перевели из Цуторфа в автономное предприятие «на началах хозрасчета» с одновременным снятием с госснабжения и под наблюдением Главного управления по топливу. Поэтому ни о каком опережающем финансировании, а тем более о создании смешанного, государственно-капиталистического общества речи уже быть не могло. С другой стороны, Гидроторф выскользнул из-под удушающей опеки Цуторфа, но не надолго: в начале 1925-го «коня и трепетную лань» слили в Госторф, а через год последний и вовсе ликвидировали...

16 марта 1922 года СНК утвердил смету Гидроторфа на текущий год в объеме 3 млн золотых рублей. Однако за их получение Р.Э. Классону и его сотрудникам пришлось воевать не один месяц. Кроме того, в Гидроторфе не было никакой ясности о том, по какому курсу разменивалось золото, на так называемую «актуальную валюту», которой непосредственно оплачивались заказы оборудования за границей еще в прошлые годы. Это становится понятным из письма Р.Э. Классона в Наркомат внешней торговли от 21 марта:

В настоящее время выданы, приблизительно, последние заказы по Гидроторфу, и необходимо подвести итоги как по заказам, так и по транспорту всех грузов Гидроторфа. Для этого необходимо знать, по какому курсу разменено было золото, ассигнованное по четырем нарядам Гидроторфа, а именно:

- 1) №29 (21 г.) на 178 000 рублей,*
- 2) №234 (21 г.) на 270 000 рублей,*
- 3) на 1 000 000 рублей на закупку машин Гидроторфа и*
- 4) на 150 000 рублей на покупку оборудования завода по обезвоживанию (сентябрь 21 г.).*

Мы пытались это сделать в Берлине, но там никаких сведений по этому вопросу найти нельзя было, и мы покорнейше просим сделать распоряжение о выяснении этого вопроса здесь. В связи с этим мы составим отчет об использовании кредитов и выясним, исчерпаны ли они или же имеются еще свободные суммы в нашем распоряжении.

31 марта Финансово-Счетное Управление НКВТ сообщило Гидроторфу, что по кредитам, выделенным Гидроторфу в общей сумме 1 420 000 золотых рублей, было переведено, с удержанием в Ревеле 10% на организационные и по реализации золота расходы, по сообщению Берлинского Представительства НКВТ, 243 000 золотых рублей и, по данным Ревельского представительства, 15 525 000 германских марок (за 135 000 золотых рублей), в Прагу чешских крон 2 500 000 (за 52 810 золотых рублей) и в Берлин американских долларов 50 000 (за 100 000 золотых рублей), всего на сумму в 530 810 золотых рублей.

А 3 апреля 1922 года в Гидроторф пришла дополнительная информация – всего в Берлин было переведено 257 000 американских долларов. Лишь 23 мая Гидроторф получил итоговый ответ: всего было потрачено 702 000 золотых рублей (без учета 10% накладных расходов и комиссионных НКВТ).

Однако «великого экономиста» (его собственное выражение из 1917-го, в адрес инженера Ф.А. Рязанова) Роберта Эдуардовича эти данные не совсем удовлетворили, поэтому он 12 апреля надиктовал такое письмо в Финансово-счетное управление НКВТ:

В ответ на Ваше письмо от 31-го марта с/г. за 3107444, полученное нами только 11-го апреля, мы сообщаем, что Ваш ответ нас совершенно не удовлетворил, так как не дает нам возможность подсчитать, какими средствами мы располагаем от предоставленных кредитов за произведением расходов. Нами истрачено было в Берлине около 75 миллионов германских марок, и все зависит от того, по какому курсу было разменено в свое время золото. Если золото было разменено в ноябре [1921 г.], то у нас еще должно остаться несколько десятков миллионов марок на наши расходы. Если же размен произошел в октябре, то сумма будет меньше.

Так как мы обязаны отчетностью, то мы должны иметь сведения именно в германских марках, а не в золоте. Насколько это важно, видно из следующего примера: в письме указано, что 7-го ноября переведено 15 525 000 германских марок, которые приравнены к 135 000 золотых рублей. Это соответствует курсу доллара, равному 230 германских марок. Между тем 7-го ноября курс доллара в Берлине был свыше 300 марок. Таким образом, при этом расчете мы теряем 70 марок на доллар, или 35 марок на золотой рубль.

По нашему расчету 15 525 000 германских марок составляют только 104 000 золотых рублей, то есть на 31 000 рублей меньше. Это очень крупная сумма, и если остальные переводы сделаны по такому же курсу, то вся финансовая операция представится для нас чрезвычайно невыгодной и, кроме 10%, удержанных в Ревеле, окажется еще столько же или больше процентов потери на *[невыгодном]* курсе.

Мы просим Вас не отказать снестись с Берлинской Делегацией для того, чтобы точно установить, сколько денег израсходовано, по какому курсу и когда деньги были разменены и какой получился остаток в нашем распоряжении. Мы обязаны отчетностью перед Советом Народных Комиссаров и никак не можем удовлетвориться присланными данными.

Дальнейшую переписку между Гидроторфом и НКВТ в фонде 758 РГАЭ отследить не удалось... Насчет выгоды или невыгоды валютных операций, проводившихся в Ревеле, некоторое представление дают следующие воспоминания Г.А. Соломона в его уже упоминавшейся книге «Среди красных вождей» (речь идет о 1920 годе):

Читателю, хоть сколько-нибудь следившему за развитием советской власти с самого ее появления на исторической арене, известно, конечно, что правительства всех стран, до Америки включительно, наложили в свое время между прочим бойкот на русское золото, которое, таким образом, легально не котировалось на западноевропейских биржах. Между тем, у советского правительства для его закупок, не считая небольших запасов иностранной золотой валюты, оставшихся от царских времен, не было иных ресурсов, кроме золотых полуимпериалов *[и каких-то запасов в золотых слитках? – МК]*.

До моего приезда *[прежний торгпред]* Гуковский, как я уже отметил, ведший большой обмен валюты лично, по произвольному ему одному ведомому курсу, прямо из своего письменного стола, а в крупном масштабе при посредстве такого банкира как упомянутый выше Сакович, все время терял на этом обмене. Этому понижению курса нашего золота, помимо бойкота, способствовало еще и то, что, заключая договоры с разного рода поставщиками на товары, он в виде авансов, открывал им аккредитивы, внося наше русское золото, которое уже сами поставщики должны были обменивать на ходовую, обычно шведскую, германскую и изредка английскую, валюту.

Поставщики пользовались угнетенным положением русского золота на западноевропейской бирже, а кроме того, входя с Гуковским в «полюбовные» сделки, лимитировали наше золото в иностранной валюте по самому низкому курсу. У нас же в Москве, плохо разбираясь в валютных операциях и переоценивая удельный вес бойкота русского золота, одобряли те курсы, о которых им сообщал Гуковский в своих реляциях, как о высших «достижениях».

Назначив меня в Ревель, советское правительство возложило на меня обязанность снабжать актуальной валютой все наши заграничные организации, возглавляемые Красиным в Лондоне, Коппом в Берлине, Литвиновым в Копенгагене и разными, специально командированными в ту или иную страну, лицами (как, например, Бронштейн, брат Троцкого) для определенных закупок, а также и многочисленные тайные отделения Коминтерна, пожиравшие массу денег...

Задача эта при современной ситуации была очень нелегкая. Я имел возможность продавать золото только в Стокгольме. Конечно, стокгольмская биржа была лишь промежуточным этапом для нашего золота и в свою очередь перепродавала его (иногда, как мне говорили, для обезличивания нашего золота в интересах сокрытия его происхождения, его перетапливали в слитки «свинки») на крупных биржах, как берлинская, например. Разумеется, мы теряли от этой перепродажи, но ничего в то время нельзя было поделаться...

Когда я приехал в Ревель, наше золото продавалось Гуковским на стокгольмской бирже по (если не ошибаюсь) 1,83 шведских кроны на золотой рубль. Это было, разумеется, очень мало. Прежде всего я устранил, конечно, «банкира» Саковича и вошел в непосредственные сношения с банком «Шелл и К°» и стал производить мои валютные операции через его посредство, что мне гарантировало известную устойчивость и добросовестность, и избавляло от необходимости уплачивать еще и этому ненужному посреднику известную комиссию. Само собою, устранение Саковича не обошлось без сцены со стороны Гуковского. Через банк «Шелл» я вел и аккредитивные операции, устанавливая в договорах твердо тот курс, по которому я отдавал поставщику золото. Но биржа в Стокгольме была мала и, понятно, я не мог выбрасывать на нее, не рискуя понизить цену, большие количества золота.

Приходилось действовать с выдержкой. Тем более, что первое время «Шелл» был один, и у него не было конкурента. Как раз в это время мне написал стокгольмский банкир [Олоф Ашберг](#), о котором я уже упоминал в «Введении» этих воспоминаний. Он предлагал мне свои услуги как банкир, говоря, что по первому моему требованию он прибудет в Ревель. Я немедленно выписал его. Таким образом, я устроил конкуренцию «Шеллу». Насколько я успел узнать Ашберга, работая с ним, это был умный и опытный и даже талантливый банкир, и он очень помог мне в Ревеле в моих банковых делах.

Между прочим, он предложил мне сделать попытку продавать золото в Америке. Дело это было трудное, так как русское золото можно было провезти в Америку только контрабандой. Но Ашберг взял на себя всю эту неприятную сторону сделки. Я ему дал для пробы 500.000 зол. руб. и, спустя известное время он продал его в Нью-Йорке по небывало высокому курсу, около 2,35 шведских крон за золотой рубль. Но это был единственный случай, и повторять его было нельзя из-за трудностей перевозки золота в Америку. Развивая постепенно, шаг за шагом, мои операции по обмену золота, я путем упорной работы, все повышая и повышая курс золотого рубля, довел его до 2,19 шведских крон на стокгольмской бирже.

Должен отдать справедливость и Шеллю [(«Шелл»)] и Ашбергу, которые, конечно, зарабатывая сами, все время давали мне необходимые советы, чем и помогли мне в сравнительно короткий промежуток времени довести курс золотого рубля до указанного уровня.*

* Из книги Ольги Грейг «Черчилль-Мальборо. Гнездо шпионов»: (romanbook.ru/book/download/9562922/)

<...> Какие же операции прокручивала Клэр Шеридан, будучи любовницей Льва Каменева? [Из ее дневника за сентябрь 1920 г.:] «Солнце ослепительно сияло, когда мы, наконец, вышли в открытое море. В это время у меня завязался очень интересный разговор с господином Ашбергом (Aschberg), шведским банкиром». Потрясающая компания спешит в оккупированную большевиками Россию! Но кто такой этот Ашберг? [Улоф Ашберг](#) (Олаф, 1877-1960) – шведский банкир еврейского происхождения, глава стокгольмского банка «Ниа Банкен» (Nya Banken). В молодости Улоф был известен своими симпатиями социалистам; стал главой собственного банка (1912 год). Впоследствии Ашберг сблизился с видными большевиками (в частности с Л.Б. Красиным) и принимал участие в крупных финансовых махинациях.

Как мы видим, операции Ревеля на стокгольмской бирже при Гуковском и Соломоне различались примерно на 20% по курсу рубль/крона. Учитывая, какие масштабы принял вывоз золота за границу, это были огромные средства, которых хватило бы не одному десятку таких организаций как Гидроторф, но их сильно съедали «неотложные нужды Коминтерна» (эпизод с «вождем из Петрограда» Зиновьевым, который без зазрения совести пользовался этим идеологическим прикрытием, мы уже приводили).

А вот каковы были масштабы вывоза золота, можно увидеть в Интернете:

[\(communitarian.ru/publikacii/istoriya_rossii/bnay_brit_i_proekt_internatsional_ch_iii_iskuss tvo_strich_kupony_s_russkogo_bunta_bessmyslennogo_i_b/\)](http://communitarian.ru/publikacii/istoriya_rossii/bnay_brit_i_proekt_internatsional_ch_iii_iskuss tvo_strich_kupony_s_russkogo_bunta_bessmyslennogo_i_b/)

В марте-апреле 1920 года из Нижнего Новгорода (где хранилась часть золотого запаса России) в Ревель и Вильно было отправлено восемь «золотых посылок» из 2200 ящичков с золотой монетой царской чеканки и 665 слитками чистого золота.

Документ из РГАЭ. Ф. 413. Оп. 4. Д. 307. Л. 4:*

Отпущено по 18 октября 1920 г.

Золота:

*Соломону (Ревель) – 75 000 000 рублей + 30 000 000 руб. + 7004 кило, Гуковскому – 80 715 509 р. 93 к., Красину – 3 пуда в слитках, Ганецкому – 3 пуда в слитках, Аксельроду – 1 000 000 руб., Шейнману – 1 000 000 руб., **Коппу** – 2 000 000 руб. депозит в обеспечение кредита на 30 000 000 марок, Бибикову (Баку) – 1 333 р. 50 коп. русской золотой монетой и 129,5 турецк. зол. лир, Туркестан – 24 000 соверенов золотых.*

Драгоценные камни:

*Красину – на 51 866 000 р., Соломону – на 10 000 000 руб., **Коппу** – на 2 439 900 руб., Гуковскому – на 149 885 франков довоенной оценки.*

По подсчетам царского финансиста В. Новицкого, только через эстонскую границу в 1920-22 годах большевики вывезли 350 тонн золота на сумму в 451 миллион золотых рублей. Всего же через страны Балтии в указанный период было вывезено не менее 500 тонн золота на гигантскую сумму около 700 миллионов золотых рублей.

В марте на Гидроторф начала наваливаться и масса заказанных за границей грузов. Вот первые признаки этого «стихийного бедствия», в письме Роберта Эдуардовича в Наркомвнешторг от 3 марта:

Мы получили телеграфное извещение из Берлина, что главнейшие машины для Гидроторфа, а именно 10 торфососов и 10 растирателей готовы и приняты Приемной Комиссией Русской [Торговой] Делегации. Кроме того, в пути находится несколько десятков тысяч пудов грузов, которые направляются на Ревель, Либаву и Виндаву. <...>

Окончание примечания

Так, «Ниа Банкен» совместно с «Шелл и К°» и некоторыми другими шведскими банками участвовал в выводе финансов и золота за границу. Участвовал Ашберг и в других финансовых операциях, наибольшую известность из которых получила «паровозная афера». 18 августа 1922 года Улоф Ашберг при содействии советского правительства организовал «Российский коммерческий банк». Улоф Ашберг был также известен собирательством русских икон, коллекцию которых он впоследствии вывез из Советского Союза при посредничестве Красина и в 1933 году передал ее Шведскому национальному музею. Коллекция составляла около 250 икон.

* Сей документ перепечатан из уже упоминавшейся статьи А.А. Иголкина «Ленинский нарком: у истоков советской коррупции» с повторением опечатки – «**Копн**» вместо «**Копп**» (тогдашний торгпред в Берлине).

Сейчас вся задача сводится к транспорту, и в этом отношении, как мы уже писали раньше, дело обстоит очень плохо: свободных вагонов ни в Риге, ни в Ревеле не хватает, и мы принимаем все меры к тому, чтобы своими средствами отремонтировать около 200 вагонов и составить из них маршруты, т.к. надежды на своевременную подачу вагонов со стороны НКПС по-видимому мало.

Только сегодня мы получили разрешение отправить агентов в Ревель и Ригу, где уже скопились грузы. К сожалению, мы получили отказ ВЧК на отправку агента в Берлин для сортировки грузов прямо на заводах с назначением на определенный адрес, и потому мы вынуждены будем разбирать все грузы в Москве и переотправлять их на места разработки торфа, что конечно сопряжено с потерей времени.

Отправить агентом в Берлин предполагалось старшего техника Гидроторфа И.Р. Классона. Однако лишь 18 марта 1922 г. В.И. Ульянов-Ленин сообщил зампреду ГПУ-ВЧК И.С. Уншлихту о снятии запрета на заграничные командировки сына Р.Э. Классона. И последний смог уехать в Берлин лишь осенью этого года и только на учебу (см. очерк «Под большевиками»).

Отметим, что Наркомат путей сообщения с апреля 1921 года возглавлял Ф.Э. Дзержинский (заменив «временного наркома» Л.Д. Бронштейна-Троцкого), который так и не смог навести «железный порядок» в этой важной отрасли народного хозяйства.*

* На этом рокировке не закончились:

«Times» передает сообщение из Москвы, согласно которому Троцкий временно вступил в управление народным комиссариатом путей сообщения для того, чтобы дать возможность Дзержинскому посвятить себя всецело Г.П.У. – «Руль» (Берлин), 7 декабря 1922 г.

В той же газете 10 декабря 1922 г. приводились жуткие цифры масштабов хищений в ведомстве «железного наркома» Ф.Э. Дзержинского:

За два последних месяца на советских железных дорогах произведено 63 789 краж. Расхищено 420 000 пудов продовольствия, 518 голов скота, 12 000 пудов картофеля, 813 кусков сукна и т.д. Воры – большей частью милиционеры, сыщики уголовной полиции, чекисты и железнодорожники.

Правда, сам Феликс Эдмундович сваливал все неурядицы на железных дорогах на «происки внутренних врагов» и даже на «новый хозяйственный курс», т.е. нэп:

Когда я был назначен на пост Комиссара путей сообщения, который я совмещал с постом Комиссара внутренних дел, большинство избранных работников ЧК перешло во вновь подчиненный мне комиссариат и доказало своей деятельностью, что идеальность, партийная чистота и сознательное исполнение своего долга значат гораздо больше, чем смелые проекты высоких специалистов и горы резолюций, принимаемых лояльными партийными организациями. Если транспорт еще действует, то это происходит только благодаря энергии, небывалой способности и самоотверженности его новых сотрудников. Одновременно продолжалась как в партии, так и в прочих комиссариатах деморализация советских служащих, а также и членов партии. Она исходила, главным образом, от саботирующих специалистов и остатков буржуазии и направлена против меня и руководимой мною Всероссийской Комиссии.

<...> Расхождение во взглядах, которое создалось в заседании Совнаркома 23 января с.г., привело меня к убеждению, что пропасть между Наркомами прежних лет и Наркомами «нового хозяйственного курса» глубже, чем то могла себе представить самая пылкая фантазия. Оппозиция, которая возникла в Совнаркоме по отношению моих действий и распоряжений в Омском ж.-д. узле и которая компрометировала не только лично меня, но и Советскую власть в глазах ж.-д. администрации и граждан советской федерации, убедила меня в том, что бывшие и ранее разногласия дошли теперь до предела, исключаящего возможность моей дальнейшей работы совместно с теперешним составом Совнаркома.

Как я, так и мои ближайшие сотрудники, стоим на точке зрения того, что при разрешении конфликтов мы, безусловно, должны подчиняться приказам центра. Такое подчинение обозначает подчинение интересов партийных интересам обще-государственным. Однако борьба за транспорт – не эпизод и не мелочь обыденной государственной жизни, но есть борьба за разрешение жгучего для промышленного развития страны вопроса. Я предполагал, что никакие перегруппировки в Совнаркоме не могут и не должны иметь влияние на методы, диктуемые мне моей революционной совестью.

Повторим фразу из письма Г.Л. Пятакова В.И. Ульянову-Ленину: «*Вся топливная промышленность находится в совершенно безвыходном положении, ибо [ее] продукция железнодорогами не перевозится*». Однако, как видно из полемики двух ведомств на страницах «Экономической жизни» (см. обширное примечание в очерке «Под большевиками» по поводу топливного кризиса), это была далеко не вся правда...

В очерке «Под большевиками» мы приведем и такой факт, как реквизиция (читай, грабеж одного госпредприятия другим госпредприятием) железными дорогами топлива, предназначенного для МОГЭС. И все это происходило той же весной 1922-го.

Здесь же, как мы видим, ведомство Ф.Э. Дзержинского – НКПС не подавало вагоны под перевозку важных грузов Гидроторфа. Другое же ведомство Ф.Э. Дзержинского – ГПУ-ВЧК ставило палки в колеса, запрещая командировку старшего техника Гидроторфа И.Р. Класона в Берлин.

Предоставляем будущим историкам оценить, в какой ущерб для народного хозяйства вылилась «контрреволюционная» деятельность Ф.Э. Дзержинского на обоих постах. Ведь он, в принципе, имел возможность направить своих бойких чекистов (которые просиживали казенные галифе в многочисленных помещениях ГПУ-ВЧК и клепали фальшивые дела о мифических заговорах), чтобы сколотить на узловых железнодорожных станциях бригады по ремонту подвижного состава (правда, материалы для этого самого ремонта были в дефиците, но уж лесоматериалы-то можно было добыть и обработать «хозспособом»). И, кроме того, проталкивать маршруты с ценными и срочными грузами из-за границы до места их назначения.

Окончание примечания

Если я решился вступить на путь чрезвычайных мероприятий, то это означает, что изучение всех обстоятельств на местах побудило меня к этому. Корректуры, внесенные в мои административные распоряжения из Москвы, исключают надежду на успех моей дальнейшей борьбы за восстановление транспорта, связывают мне и моим ближайшим сотрудникам руки и заставляют нас категорически заявить, что мы не в состоянии при таких обстоятельствах разрешить превосходящие наши силы задачи.

(Записка Дзержинского, Наркома внутренних дел и путей сообщения от 17 февраля 1922 г. с мотивированным прошением об отставке, отклоненной в пленарном заседании Совнаркома 20 февраля 1922 г. // «Руль», 16 мая 1922 г.)

В декабре 1921 г. Наркомпути Ф.Э. Дзержинский еще сохранял определенный оптимизм в отношении возможностей совершенствования своего нового, полуразрушенного хозяйства:

По словам Дзержинского, из 63 тыс. верст ж.-д. пути Сов. России 40 тыс. находятся в состоянии непригодности для движения. По мнению Дзержинского, в этом виноваты белые, оставившие пути под напором красной армии. На весь транспорт целиком сов. республика в состоянии отпустить только 1 150 000 пайков. Вследствие этого число железнодорожников должно быть сокращено на 340 000 человек, а возникнов [возниц] – на 65 000. На сов. дорогах, несмотря на огромный недостаток всякого рода материалов, отсутствует какая бы то ни было экономия. Для примера Дзержинский указал, что в то время как раньше на известные перевозки уходил 1 куб дров, теперь выходит 1,8 куба [речь идет о кубических саженьях – МК]. <...> Зло, разъедающее транспорт – массовое хищение ж.-д. грузов. На одной Казанской ж.д. за один месяц похищено более 24 тыс. пудов.

Несмотря на всю разруху Дзержинский уверен в том, что «большевики выполняют все боевые задачи и т.д. В этом нас поддержат международный пролетариат, как он нас поддерживал в течение 4-х лет». («Руль», 23 декабря 1921 г.)

А вот и подходящий пример «доблестной деятельности» чекистов по поимке «вредителей-шпионов». 13 марта 1922 года Р.Э. Классон подписал договор на постройку здания завода по искусственному обезвоживанию, а также нескольких барачных, общежитий и домов на Богородских разработках со Строительной Конторой «Братья Б. и И. Утевские и Г.Х. Рабинович». И сразу после этого последние были, по-видимому, арестованы чекистами (кроме Иосифа Самуиловича Утевского).

В ф. 758 РГАЭ хранится письмо Гидроторфа в ГПУ от 20 марта:

По полученным нами сведениям Госполитуправлением 16-го с/м. арестованы граждане Б.С. Утевский и Г.Х. Рабинович, владельцы строительной конторы, коей Управлением по делам Гидроторфа поручены срочные, носящие исключительно ударный характер, работы по постройке завода по искусственному обезвоживанию торфа при станции «Электропередача».

<...> Управление Гидроторфа просит не отказать сообщить <...>, какое именно обвинение предъявляется к упомянутым лицам и можно ли рассчитывать на освобождение Б.С. Утевского и Г.Х. Рабиновича в течение ближайших дней.

Также просим сообщить Госполитуправление, не найдет ли оно возможным, если к Б.С. Утевскому и Г.Х. Рабиновичу не предъявляется особо серьезных обвинений, выпустить их на поруки Управления Гидроторфа.

Неизвестно, были ли эти граждане выпущены на поруки по ходатайству Гидроторфу или же чекистам попросту не удалось «сшить весомое дело», но следы переписки Гидроторфа со Строительной Конторой имеются и в 1922-м, и в начале 1923 года.

6 марта 1922 года В.И. Ульянов-Ленин выступил в партийной фракции Съезда металлистов. И следующий пассаж из его речи вполне можно было бы отнести к «преданным коммунистам» (типа того же наркома путей сообщения Ф.Э. Дзержинского), которые не справлялись со своими должностными обязанностями:

Мы на практическую работу для исполнения насадили коммунистов со всеми их прекрасными качествами, но для этой работы совершенно непригодных.

<...> Нам нужна проверка пригодности людей, проверка фактического исполнения. Следующая чистка [партии] пойдет на коммунистов, мнящих себя администраторами <...>. Сочиняют что-нибудь особенное и мудреное и оправдываются тем, что новая экономическая политика и надо что-нибудь выдумать новое.

А то дело, которое им поручено, не делается. Не заботятся о том, чтобы сберечь копейку, которая им дана, и не стараются превратить ее в 2 копейки, а составляют планы на миллиарды и даже триллионы советские. Вот против этого зла мы повернем нашу борьбу. Проверять людей и проверять фактическое исполнение дела – в этом, еще раз в этом, только в этом теперь гвоздь всей работы, всей политики.

Однако главный чекист и неумеха-железнодорожник усидел в обоих креслах... Выходит, пассаж речи партийного вождя был не более чем красивой фразой или же последовавшие вскоре инсульты (основные, не считая микроинсультов, случились в мае и декабре 1922-го) не дали ему довести хорошую задумку до конца?

В марте 1922-го Михаил Морозов в очередной раз наехал на бойкого конкурента, опубликовав в «Известиях ВЦИК» статью «Авось зевнут» (с подзаголовком «Гидроторф – притча во языцах»):

На докладе-диспуте [в Политехническом музее] четыре гидроторфиста, инженеры – Кирпичников, Ефимов, Желябужский и профессор Стадников докладывали и иллюстрировали волшебным фонарем и кинематографом свои успехи целых три с половиной часа, а диспутантам отвели по 5 минут, да и то по настоянию публики, против 3 минут, предложенных президиумом.

Докладчики не ответили ни на одно техническое возражение, обошли молчанием все щекотливые ударные вопросы и ограничились тем, что пролили слезу о том, что с них дорого дерут и плохо исполняют заказы, что Цуторф не позволял им сесть сразу на четыре стула, рекомендуя для начала посидеть на одном стуле, да с толком.

<...> Весь остаток времени был посвящен патетической декламации, что точка зрения представителей Цуторфа означает призыв к каменному веку, к варварскому каменному топору. Так ли это друзья?

<...> Опыт в промышленном масштабе, на новой усовершенствованной машине, которая так и осталась на размере продукции отсталой, варварской машины в исправном состоянии, конечно, не открывает перспектив для освобождения труда. И ошибаются те, кто думает, что Гидроторф освободил рабочего от грязи и тяжелого труда. На каждом торфососе два человека работают по пояс в воде и десять – по колено. «Варварская» элеваторная установка до этого не доводит.

Но гипноз и очарование так велики, что один преданный гидроторфист с пафосом воскликнул: «Жаль, что мы не имеем такого великого живописца, каким обладала Великая Французская революция. Будь у нас свой Давид – он изобразил бы в Свердловском зале [Большого Кремлевского дворца] двух титанов, пожимающих друг другу руки: Ильича, освобождающего рабочий класс от ига капитала, и инженера Классона, освободившего рабочих от каторжного труда». <...>.

В.Д. Кирпичников дал достойную отповедь М.В. Морозову, в тех же «Известиях ВЦИК»:

В прошлом сезоне благодаря невозможности своевременно получить усовершенствованные машины, побочную операцию при добыче торфа – удаление пней – приходилось производить вручную и вследствие этого небольшому количеству рабочих, по два человека на торфосос, действительно приходилось работать в неблагоприятных условиях, по колено, а иногда даже и по пояс в воде, правда, в специальной непромокаемой одежде. Но работа двух пеньщиков, производящая столь неблагоприятное впечатление, с успехом ликвидируется новыми машинами, которые наконец будут пущены в ход в предстоящем сезоне.

Под десятью человеками по колено в воде тов. Морозов очевидно подразумевает четырех рабочих, перекачивающих легкие трубы (сделанные из кровельного железа) с одной карты на другую при разливе гидроторфа по полям сушки. При этой работе действительно приходится ходить по жидкой торфяной массе, но грязный характер этой работы с успехом ликвидируется применением такой «спецодежды» как обыкновенные непромокаемые сапоги. Практически же в теплую погоду рабочие предпочитают сохранить эту «спецодежду» на праздник, а работать босиком, тем более что торфяная масса разливается слоем никак не более 8 вершков (обычно 4 вершка) и, вследствие своих антисептических свойств, совершенно безвредна для кожи.

<...> Тов. Морозов упрекает меня и моих содокладчиков в том, что мы не ответили на ряд вопросов. Попробую это сделать здесь, насколько позволяют рамки газетной статьи. «Почему за 7 лет опыта в гигантском промышленном масштабе получились такие мизерные результаты?» Потому, что почти все это время Гидроторф существовал при Цуторфе, который крайне враждебно относится и относился к Гидроторфу.

Только после того, как в октябре 1920 года Гидроторфом заинтересовался председатель Совнаркома, т. Ленин, и оказал нам сильную поддержку, мы могли приступить к развертыванию работ Гидроторфа в промышленном масштабе. При настоящих тяжелых условиях к первому торфяному сезону многого сделать нам не удалось, и в 1921 году работало всего 4 торфососа: 2 – в Электропередаче и по одному в конце сезона на Шатурских торфяных болотах и близ Ярославля. Теперь – в наступающем торфяном сезоне – масштаб работ будет увеличен в несколько раз.

<...> К сожалению, тов. Морозов в своей статье обошел молчанием главное свое возражение против Гидроторфа, высказанное им на докладе, а именно, что республика не настолько богата, чтобы ассигновывать 3 миллиона рублей золотом на такое предприятие, которое может дать свои результаты не завтра, а через несколько лет. Если стать на эту точку зрения тов. Морозова, то придется отказаться от всех улучшений и работать только тем износившимся инвентарем и теми старыми способами, которыми мы владеем в настоящее время.

<...> К счастью, высшие органы государства, Совнарком и СТО, по выражению тов. Морозова, «зевнули» и еще раз оказали поддержку Гидроторфу.

«Возбуждился» по этому поводу и Р.Э. Классон, отправив 30 марта 1922 года письмо Помощнику Управделами СНК В.А. Смольянинову:

Многоуважаемый Вадим Александрович. На днях была помещена в «Известиях В.Ц.И.К.» статья тов. Морозова с нападками на Гидроторф, которые представляют положение дел Гидроторфа в совершенно искаженном виде, а потому прошу Вас дать Владимиру Ильичу прочесть мою статью с опровержениями, которая была послана в «Известия В.Ц.И.К.», но не напечатана. Так как статья В.Д. Кирпичникова была помещена в «Известиях В.Ц.И.К.» со значительными сокращениями, то я посылаю Вам ее в том виде, как она была послана в «Известия В.Ц.И.К.».

Читал ли В.И. Ульянов-Ленин «статью с опровержениями» Роберта Эдуардовича, установить не удалось.

В мае перепалка между Гидроторфом и Цуторфом переместилась на страницы «Правды». Журналист Я. Шатуновский (Л. Сосновский в это время передавал репортажи с Генуэзской конференции) опубликовал статью «Департаментская Контр-революция», а И.И. Радченко и Е.С. Меншиков в самом начале июня – «Ответ т. Я. Шатуновскому».

В апреле Р.Э. Классон отправил первое письмо в Строительную Контору Бр. Утевских и Рабинович, нам в нем интересны не столько претензии к подрядчику, сколько великолепное знание первым азов строительного дела:

Я был вчера на Электропередаче и видел состояние Ваших построек. <...> Меня удивляет, что дома строятся не на месте, а в стороне, по-видимому, из тех соображений, что надо забутить фундамент, а затем уже строить дом. Всегда и везде в России дома строятся зимой без всяких фундаментов, на клетках, а затем весной под них подводятся фундаменты. Затем, неприятное впечатление производит то, что материалы подвозятся как раз в обратном порядке: сначала подвозится то, что понадобится впоследствии, то же, что нужно сейчас, не подвозится. Не подвозится ни бут, ни лес, а подвезен в большом количестве кирпич, который понадобится после Пасхи. Все это производит неблагоприятное впечатление и заставляет предполагать, что Вы с работой не справитесь.

Инженерная интуиция, как мы увидим далее, Р.Э. Классона не подвела: дома не были готовы и осенью, а от сооружения завода подрядчик был отстранен в самом конце 1922-го. В мае он отчитывался перед Управлением по делам СНК «о положении дела с иностранными грузами для Гидроторфа», и в этом отчете опять проскальзывает полная организационная и техническая беспомощность ведомства Ф.Э. Держинского – Наркомата путей сообщения, чью работу приходилось постоянно выполнять сотрудникам Гидроторфа:

Сообщаю, что огромное большинство заграничных заказов было исполнено вовремя, то есть в марте месяце и в апреле эти грузы должны были быть перевезены в Россию. К сожалению, перевоз грузов чрезвычайно затянулся и до сих пор еще не закончен, благодаря следующим причинам:

<...> 3) чрезвычайное скопление семенных и продовольственных грузов, которым, естественно, отдавалось предпочтение перед грузами Гидроторфа;

4) крайняя медленность в передаче грузов на Московском узле; случалось, что грузы, шедшие из Ревеля до Московского узла, от 3-х до 6-ти дней, стояли свыше недели на станции Ховрино (10 верст от Москвы), затем от Ховрина шли несколько дней до Москвы и от Москвы до Богородска (50 верст) шли 4-5 и более дней.

<...> Третьего мая вышло несколько пароходов в Ревель, везущих чрезвычайно важные и спешные для нас грузы. Эти пароходы («Альфред», «Эдуард», «Лизбет Кордс») должны быть в настоящее время уже в Ревеле, куда нами направлено несколько сот порожних вагонов и где очень хорошо поставлена нами разгрузка пароходов собственными артелями и нашими агентами.

На всех узловых станциях Гидроторф имеет своих агентов, которые принимают и провожают маршруты и отдельные вагоны, и ни один груз до сих пор не пропал, несмотря на то, что вследствие поломки вагонов приходилось иногда перегружать вагоны на промежуточных станциях.

Зато в мае другое ведомство под началом Ф.Э. Дзержинского опять «отличилось». Из письма Р.Э. Классона в Транспортный отдел ГПУ:

Вчера, 4-го мая, на квартире инженера Ещенко арестован ответственный сотрудник Гидроторфа, заведующий Электротехническим Отделом – инженер Борис Васильевич Мокршанский. Гидроторф настоящим просит допросить инженера Мокршанского и в случае отсутствия оснований для дальнейшего задержания сделать распоряжение об его освобождении. Гидроторф в настоящее время ведет подготовительные работы к началу торфяного сезона. Инженер Мокршанский заведует электрификацией разработок, до окончания которой сезон начат быть не может. В ближайшие дни инженер Мокршанский должен был выехать на разработки «Электропередачи» и Сормова<...>.

Судя по другим архивным документам, арестант был вскоре выпущен на свободу и смог закончить электрификацию торфяных разработок. По-серьезному, Б.В. Мокршанского, уже профессора Московского энергетического института, посадят лишь в 1933-м...

В том же мае 1922 года Гидроторф получил такую директиву из Главного Управления по топливу ВСНХ:

Согласно постановления СТО <...> на ГУТ возлагается произвести всестороннюю экспертизу хозяйственной ценности гидравлического способа добычи торфа на основании торфяной кампании в сезон 1922 г. и о результатах экспертизы доложить СНК. Подготовка материалов для технической и коммерческой экспертизы по Гидроторфу могла бы быть выполнена через особую Комиссию <...>. Предлагаю назначить в Комиссию представителя от Гидроторфа.

Таковым представителем был безотлагательно назначен П.Н. Ефимов.

Однако в конце мая Р.Э. Классон был вынужден обратиться к Экспертной Комиссии с просьбой погодить со своим приездом на «Электропередачу», из-за возмутительной беспомощности ведомства Ф.Э. Дзержинского (т.е. НКПС, а не ГПУ):

Мы, к сожалению, должны вновь просить отложить осмотр работ Гидроторфа вследствие того, что московский железнодорожный узел задерживает все наши грузы по целым неделям. Сейчас на ст. Ховрино в 10 верстах от Москвы уже 8 дней стоят десятки вагонов с теми машинами, которые должны быть Вам продемонстрированы, и мы их, несмотря на целую сеть агентов, не можем продвинуть до Электропередачи. <...> К сожалению, эта задержка отразится на количестве добытого торфа в 1922 г., но конечно не повлияет на возможность суждения о самом способе, для чего останется еще достаточно времени во второй половине сезона.

В июльском письме рачительного Роберта Эдуардовича на завод по искусственному обезвоживанию сквозит тревога за этот важный объект:

Меня очень беспокоит судьба машинных частей большого пресса, а также и остальные машинные части, постепенно приходящие для завода. Все эти части лежат в цементной и кирпичной пыли, очистить их будет очень трудно, а ящики разбиты, и болты и прочие мелкие вещи может вынуть всякий проходящий. На мой вопрос «забиты ли ящики» я вчера получил известие, что ящики не были забиты, и потому я распорядился по телефону послать плотников и забить ящики.

<...> Очистить машины от цементной и кирпичной пыли будет очень трудно и нам придется потом краснеть перед [немецкими] монтерами, которые увидят, в каком пренебрежении находятся машинные части драгоценного, единственного в своем роде пресса. Поэтому я покорнейше прошу Вас сделать все, что возможно для того, чтобы машинные части были в полной сохранности и предохранены от расхищения.

В августе 1922 года Р.Э. Классон и В.Д. Кирпичников, после неоднократных обращений последнего в связи с постоянным недофинансированием, отправили уже совместное тревожное письмо в инстанции:

После двухмесячного проведения дополнительной сметы Гидроторфа, составленной согласно постановлению СНК от 15/VI с.г., Финансовый Комитет передал вчера вопрос о размере нужных Гидроторфу средств в Госплан. На рассмотрение вопроса в Госплане и на последующее проведение через Наркомфин и Фин-Комитет уйдет несколько дней. Финансовый кризис Гидроторфа продолжается более месяца, положение на местах таково, что безденежье не может более длиться, т.к. благодаря огромной задолженности рабочим на местах конфликты с ними грозят перейти в эксцессы.

Мы просим немедленно ассигновать 45.000.000 рублей в счет той суммы, которая будет утверждена Госпланом. В случае неполучения этого аванса руководители Гидроторфа, бессильные помочь делу, принуждены будут сообщить об этом в СТО и СНК, которые возложили на нас в свое время руководство Гидроторфом.

По-видимому, в этом письме речь шла о сумме, номинированной в «дензнаках 1922 г.», или о примерно 500 миллиардах «бумажных рублей». Здесь необходимо извиниться перед дотошным читателем (но автор в этом никоим образом не виноват) за жуткую бестолковщину в курсах рублей.

Итак, если в начале 1922-го соотношение между золотым рублем и бумажным (т.е. между их покупательными способностями) составляло 2 млн раз, то в середине его – «лишь» 1,6 млн раз, хотя по отношению «к дензнакам 1922 г.» бумажный рубль оказался дешевле аж в 11 тыс. раз!

Из последовавшей затем переписки между управделами Совнаркома и Финансовым управлением ГУТа стало понятно, что Гидроторф более по смете ГУТа не проходит, финансируется он теперь непосредственно из Наркомфина. Однако получил ли оперативно Гидроторф искомый аванс, осталось покрытым мраком.

В сентябре 1922-го Р.Э. Классону пришлось бодаться с Главэлектро:

Для предстоящей кампании 1923 г. Гидроторфом были заказаны за границей на остаток тех сумм, который не был использован до сих пор, некоторое количество электромоторов и выключателей. К сожалению мы получили ответ от Русской Торговой Делегации в Берлине, что вследствие запрещения ввоза в Россию целого ряда изделий электротехнической промышленности по представлению Главэлектро эти заказы исполнены быть не могут.

Мы покорнейше просим разрешить нам провести эти небольшие заказы (список при сем прилагается), так как мы сомневаемся, чтобы их можно было исполнить к сроку на русских заводах. Изделия эти большей частью специальные, этот мотор закрытого типа на русских заводах не изготовлялся. Вводить же для нас новые типы заводы едва ли станут, а потому мы рискуем к будущему году остаться без необходимых моторов.

В ожидании ответа от Главэлектро Русская Торговая Делегация в Берлине пока задержала наш заказ, между тем заграничные заводы дают чрезвычайно большие сроки для изготовления моторов, и потому мы просим не отказать разрешить этот вопрос в возможно близком будущем.

В октябре доводы в пользу размещения части заказов за границей были усилены:

Поднятый нами вопрос о высокой цене для электротехнических изделий в России является вопросом первостепенной важности, так как если русские заводы будут в 3-4 раза дороже немецких, то Россия не может конкурировать с заграницей. К сожалению мы совершенно убеждены в том, что мы не получим моторов в 1450 обор. с русских заводов к сроку, так как эти моторы до войны изготовлялись чрезвычайно редко и всегда с огромным запаздыванием. То же самое относится и к выключателям и прочим механизмам, которые в России еще надо будет разрабатывать, так как [их] типы за время войны совершенно изменились и нет смысла изготовлять устарелые довоенные типы, когда можно получить дешевые заграничные модели.

Это бодание принесло определенную пользу, из письма Р.Э. Классона в Главэлектро в ноябре:

Сделанный нами Московскому и Петроградскому электротехническим трестам заказ был рассчитан на полную программу, теперь же мы предполагаем ограничиться заказом пяти моторов 2 000 в, 120 л.с. [на 750 об./мин], с муфтами и пусковыми реостатами и пятью масляными выключателями 2 000 в, 200 амп.

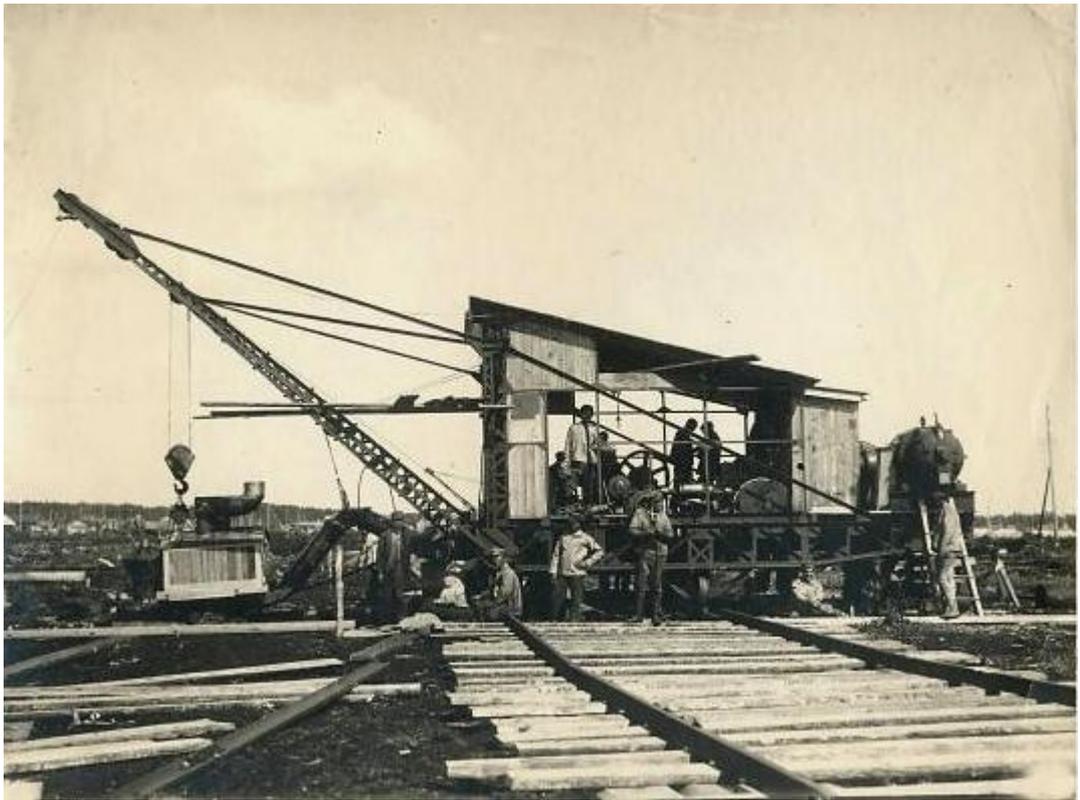
Так как на нужные нам моторы в 350 л.с [и 1500 об./мин в отечественном изготовлении] трестами срок назначен в 8 месяцев, то есть к окончанию [торфяного] сезона, принимая во внимание провоз, то эти моторы мы заказали за границей.

Относительно моторов в 120 л.с. мы уже дали принципиальное согласие на заказ Петроградскому электротехническому тресту письмом от 24 октября с.г. при условии, что предложенная трестом цена за изготовление моторов будет уменьшена. Сегодня трест известил нас о своем согласии понизить цену на 20%, эта цена является для нас приемлемой, и заказ на пять моторов будет передан нами тресту сегодня же.

Осенью 1922 года Роберт Эдуардович отправил радостное сообщение в Экспертную Комиссию ГУТа:

Вчера, 10 октября, нами были подвергнуты окончательному испытанию те приспособления на торфососе, которые должны были повысить его производительность и устранить необходимость для персонала выбирать пни, стоя в жидкой массе. Работа наша увенчалась полным успехом, и вчерашний день мы считаем поворотным в истории Гидроторфа. Все упреки Гидроторфу по поводу того, что люди работают в негигиеничной обстановке, по пояс в жидкой массе, отныне отпадают, так как ни один человек больше спускаться в карьер не будет. Да это и недопустимо, так как большой пропеллер, который нами теперь применяется и который отбивает пни на значительное расстояние, сделал бы работу в карьере около торфососа слишком опасной.

Никакой нужды выбирать пни руками больше нет. Большой пропеллер отбивает пни с таким успехом, что вокруг торфососа образуется совершенно свободная зона из торфа и пней, в которой пни находятся все время в движении, благодаря ударам пропеллера, и эта зона свободно пропускает торфяную массу к торфососу. <...> Персонал сводится к двум людям, работающим на струях, и к мотористам на двух кранах.

*Самодельный кран с торфососом, 1922 год
(фото из книги «Гидроторф»)*

В октябре же 1922 года Р.Э. Классон с тревогой писал Помощнику Заведующего работами на постройке завода по искусственному обезвоживанию А.Ф. Попову:

<...> Ход постройки завода меня чрезвычайно огорчает. По отчетам Электрпередачи я вижу, что там работает больше 100 чел., в том числе 55 плотников, но этих плотников я при всем старании не видел и 100 чел. (ста человек теперь мало!) вчера так же не видел. Работа идет ужасно медленно. Кроме того, не установлена бетонная машина, а бетон ковыряют доморощенным способом с плохой перемешкой.

Затем я ожидал увидеть рельсовый путь вдоль всего здания для того, чтобы паровой кран мог собрать и разложить аккуратно все машины, разбросанные кругом завода. Это наиболее спешная работа до снега, так как под снегом Вы ничего не найдете и не увидите. Вам надо, по-моему, взять сейчас человек 50 чернорабочих и начать приводить в порядок всю местность кругом завода. Это тоже надо сделать до снега.

Затем меня огорчило огромное количество стружек в первом здании, притом стружек сухих, как будто нарочно приготовленных для пожара. Я несколько раз требовал от Утевских, чтобы они убрали стружки из здания. Затем надо как можно скорее закрывать здание, вставлять окна и двери, а то потом мороз нас застанет в неотапленном здании и все наши работы по бетонированию прекратятся <...>.

«Плохая перемешка» скоро аукнется. Из акта, составленного 14 января 1923 г.: «При освидетельствовании прочности железобетонных колонн (2 шт.), бетонного фундамента под мотор в помещении сушилки Шульца (1 шт.), исполненных Строительной Конторой Бр. Утевских и Рабиновича, обнаружено, что означенные сооружения непригодны для своего назначения, так как бетонная масса, несмотря на значительное время, прошедшее после работы (свыше двух месяцев), не отвердела и рассыпается при ударах, а потому <...> работы подлежат переделке за счет контрагентов».

Вообще-то этот сюжет – Р.Э. Классон, наезжая на «Электропередачу» не чаще одного раза в неделю, «видел все», а его инженеры и техники «далеко не все» – на первый взгляд, представляется странным. Как будто ему нужно было больше всех...

Но, возможно, остальные «строители социализма» могли уже работать только из-под палки, и лишь Роберт Эдуардович отчетливо осознавал необходимость резкого повышения производительности труда, чтобы окончательно «перегнать» машинно-формованный торф и предохранить Гидроторф от очередных пертурбаций со стороны властей.

В том же октябре 1922 года Р.Э. Классон в письме Строительной Конторе Братьев Утевских и Рабиновича опять обнаруживает сильное недовольство работой строителей, но для нас в этом письме важно его трепетное отношение к природе (что при царе, что при большевиках):

<...> Мы просим Вас принять все меры к тому, чтобы деревья, окружающие завод, не повреждались и не срубались без точных с нашей стороны указаний. А то получилась совершенно нелепая картина: землекопы планировали землю и при этом обрубали корни у сосен, окружающих завод. Это совершенно недопустимо, и мы настоятельно просим прекращения таких беспорядков со стороны Вашего персонала.

В том же месяце Р.Э. Классон и В.Д. Кирпичников, еще надеясь на здравый инженерно-экономический, а не бухгалтерский подход властей к Гидроторфу, отправили в инстанции такие заманчивые предложения:

Согласно постановлению Бюджетного Совещания НКФ от 26/IX-с/г. и предложения Председателя ВСНХ П.А. Богданова препровождаем два варианта будущего финансирования Гидроторфа.

Первый вариант проектирует перевод на хозяйственный расчет всего Гидроторфа в целом. Как видно из прилагаемого финансового плана, Гидроторф благодаря уменьшению в 2 раза расходов по добыче торфа может с течением времени легко покрывать все свои расходы и давать известный доход Государству.

<...> В результате вариант перехода Гидроторфа на хозяйственный расчет, с одновременным снятием с бюджета, освобождает Государство от большей половины затрат на гидроторф и в то же время дает возможность со временем вернуть необходимые в настоящий момент средства и получать большой доход.

Второй вариант – создание Акционерного общества – освобождает Государство от всяких денежных затрат и в то же время дает возможность за вложенные в Гидроторф ценности получить 51% акций на сумму свыше 4 миллионов рублей. Необходимые Гидроторфу дополнительные основной и оборотный капиталы образуются от реализации остальных акций как на русском, так и на заграничном рынке.

Согласно прилагаемого финансового плана Государство может получить на свои акции уже через два года крупный дивиденд. Необходимо оговориться, что если первый вариант – перевод Гидроторфа на хозяйственный расчет – может быть осуществлен постановлением соответствующих учреждений, то, к сожалению, того же нельзя сказать про создание Акционерного общества, для организации которого необходимо предварительное согласие какой-нибудь крупной финансовой группы.

Естественным кандидатом на участие в будущем Акционерном обществе является группа немецких банков, создавшая «Консорциум «Гидроторф» и основавшая в Германии первое предприятие для добычи торфа гидравлическим способом Torfmoor Schwäneburg. В этом консорциуме участвует в числе других Deutsche Bank. Представитель этого консорциума доктор-инженер В. Брюниг осматривал в сентябре месяце с/г. торфяные разработки Гидроторфа на «Электропередаче».

Мы предлагаем провести Гидроторф с 1 января 1923 г. на хозяйственный расчет по первому варианту, ассигновав ему вышеуказанную ссуду и безвозвратное пособие. Но одновременно поручить нам под общим руководством Народного комиссара по внешней торговле тов. Л.Б. Красина, который год тому назад был председателем Комиссии по Гидроторфу, назначенной Председателем Совнаркома, вести переговоры о привлечении иностранного капитала на основах второго варианта.

В том случае, если второй вариант удастся осуществить, и Акционерное общество будет создано, Государство не потеряет ассигнованных в качестве долгосрочной ссуды и безвозвратного пособия средств, так как они могут быть возвращены ему при самом основании Акционерного общества.

Но, как мы уже упоминали, большевики по своим идеологическим соображениям никак не могли допустить возрождения элементов капиталистического общества, тем более «иностраных буржуев». Были, правда, немногочисленные исключения по привлечению последних к ряду концессий.

В самом конце октября Роберт Эдуардович отправил на завод бывш. «Русская машина» (который вроде бы окончательно перешел в ведение Гидроторфа) следующую директиву:

<...> Я прошу теперь же составить точный, детальный план изготовления всего оборудования, нужного для сезона 1923 года (19 комплектов), и разбить отдельные стадии изготовления (чертежи, модели, литье, закупка материалов, обработка, сборка, транспорт, монтаж и пуск в ход на местах) по отдельным месяцам. По мере выяснения работ в этот план будут вноситься коррективы, но важно иметь точно составленный перечень всего того, что должно быть сделано и в какие сроки.

По современной терминологии, Ответственный Руководитель Гидроторфа требовал составить сетевой производственный график и далее неукоснительно по нему работать!

В ноябре 1922 года Р.Э. Классон опубликовал в «Правде» статью «Механизация торфодобычания». В ней он подводил промежуточные итоги деятельности Гидроторфа. Для нас же здесь интереснее привести его полемическое выступление в прениях на заседании Комиссии СНК по Гидроторфу в том же месяце:

<...> То испытание [летом 1922 г.], которое здесь приводилось, было крайне неудачно по нашей вине, но для нас оно все равно не представляло никакого интереса, потому что тогда производство еще не было налажено. Мы предложили Комиссии отложить это испытание, но так как время было позднее, этого нельзя было сделать.

В сентябре мы показали то, что, мы считаем, будет представлять работу будущего года. Этот опыт продолжался только один час и был опыт инженерский, а не бухгалтерский. Мы говорили, что показываем машины не для продолжительного опыта, а чтобы можно было составить представление о той работе, которая будет в будущем году. <...> Мы в течение часа работали на новом агрегате, и опыт показал, что он может вырабатывать огромное количество массы. Если бы судить на основании этого часа работы, то можно было бы принять не 600 000 пудов [(как это сделала Комиссия)], а 2 000 000 пудов в сезон.

<...> Комиссия приняла цифру сезонной выработки на торфосос в 600 000 пудов на будущий год, а мы считаем, что цифра на будущий год будет 1-1½ миллиона пудов, то есть вдвое больше, чем принято на основании испытания старых машин.

<...> Что касается сушки, то применение гипса дало нам чрезвычайно благоприятные результаты: вода, которая отделялась от торфа раньше в течение пяти дней, теперь уходит в течение 6-8 часов. Этот опыт у нас проделан сотню раз, цифры все есть, и мы можем доказать, что коагулированный торф сохнет быстрее некоагулированного, и это мы считаем большим успехом.

<...> Что касается качества, то в прошлом году тоже говорили, что гидравлический торф не горит. На Электропередаче был произведен опыт с гидроторфом и с машинно-формованным торфом, и последний дал худшие результаты. <...>.

В декабре 1922-го щепетильный Р.Э. Классон, получив пренебрежительное письмо от заместителя начальника Института торфа Е.С. Меншикова в связи с предполагавшимся 25 числа докладом о Гидроторфе проф. Танеева, который на «Электропередаче» даже не побывал, разорвал отношения с сей паразитировавшей на гидроторфе организацией:

<...> Последняя фраза в письме Инсторфа, адресованном мне лично, «если в составе Вашего предприятия имеются лица научно образованные, знакомы с торфяным делом и т.д.» является несомненно оскорбительной, и потому я прошу не считать меня более в числе сотрудников Инсторфа и прошу довести до сведения членов Инсторфа о таком моем отказе, ознакомив их с этим письмом.

Забегая немного вперед, сообщим, что в 1924-м на страницах журнала «Торфяное дело» (в №2) разгорелась острая полемика между этим самым проф. Танеевым и Гидроторфом, которую стоит привести здесь почти целиком:

Письмо в редакцию

В 1-м выпуске «Трудов Опытной Торфяной Станции» [за 1923 г.] помещена статья проф. П.В. Танеева «Гидроторф на Шатурских торфяных разработках в 1922 г.».

Для правильной оценки изложенного в этой статье материала и выводов Гидроторф считает необходимым указать следующее:

1) добыча торфа гидравлическим способом на Шатурских торфяных разработках велась не Гидроторфом, а его принципиальным противником – Цуторфом. Гидроторф должен был осуществлять через своего инструктора только технический надзор, но фактически из этого ничего не вышло, так как инструктор не имел возможности распорядиться и организовывать производство и даже просто влиять на его ход.

2) Результаты добычи торфа гидравлическим способом на Шатурских разработках были настолько плохи по сравнению с другими разработками этим же способом, что после описанного П.В. Танеевым сезона плановые органы постановили прекратить на Шатуре добычу гидроторфа, а машины перенести на другие разработки, где с ними хотят и умеют обращаться.

3) В комиссию Инсторфа для обследования гидравлического способа не был приглашен представитель Гидроторфа.

4) Все указанные в статье цифры далеки от средних цифр по добыче торфа гидравлическим способом даже в том же 1922 году. Теперь же они, кроме того, совершенно устарели.

От критики статьи по существу, полемики и комментариев предпочитаем воздержаться, так как при этом пришлось бы указывать на ряд таких курьезных фактов как, например, 18-ти дневный простой одного комплекта машин из-за поломки шестерни на самоходе крана. Предложение – передвигать кран при помощи лебедки и каната – не было осуществлено, так как ни каната, ни толстой веревки нельзя было найти.

*Помощник Ответственного руководителя В. Богомолов
Управляющий делами М. Гурьев*

Ответ на письмо в редакцию

На письмо Управления Гидроторфа, подписанное помощником его ответственного руководителя, прошу Редакцию не отказать поместить следующий ответ.

Выработку торфа гидравлическим способом на Шатурском болоте в 1922 г. действительно нельзя считать удачной и, может быть, эта неудача и происходила от неправильной постановки дела.

Вполне понятно, что Управление Гидроторфа недовольно выбором Инсторфа, т.к. другие разработки гидроторфа оказались лучше. Но эта разработка выбрана нашей Комиссией не случайно.

Всех разработок в 1922 г. было 5: на Электропередаче, на Шатурском болоте, около Сормова (на Чернораменском болоте) и две около Ярославля. Разработки около Сормова и около Ярославля для работ Комиссии были бы неудобны, вследствие того, что они лежат далеко от Москвы.

На Электропередаче велись работы не только промышленные, но и опытные, а на Шатурском болоте выработка имела исключительно промышленные задания. Вместе с тем, нужно было иметь для наблюдателей приемлемые условия существования и возможность легко сношаться с разработкой из центра. Ни удовлетворительных условий существования, ни удобного сношения с центром нельзя было, как показала практика, ожидать на Электропередаче, тем более что Управление Гидроторфа себя считает врагом Цуторфа (книга «Гидроторф», 1923 г., стр. VIII). При таком отношении Гидроторфа Комиссия не могла бы спокойно вести свою работу, да и не было бы возможности беспрепятственно приезжать на разработку Электропередачи. Поэтому вполне понятно, что мы остановились на Шатурском болоте.

Комиссия имела своей целью строго объективное изучение гидравлического метода добычи торфа, и потому приглашение представителя от учреждения, во главе которого стоят изобретатели этого способа, не могло бы считаться правильным. Цифры, полученные в результате работ Комиссии, разумеется, отчасти устарели, так как относятся к 1922 г., но все же и выработка гидроторфа ушла вперед не очень еще далеко.

Никто не заподозрит, конечно, Управление Гидроторфа в нежелании и неумении работать, но несмотря на это в сезоне 1923 г. получились такие результаты. На Электропередаче выработано 3 900 000 пуд. торфа, годного для сжигания (при 10-ти усовершенствованных установках), на болоте около Ярославля добыто при 2-х, а с середины сезона при 4-х установках 1 400 000 пуд. торфа. Что же касается Чернораменского болота, то там при 2-х установках получено 280 000 пуд. торфа, который, по мнению даже Управления Гидроторфа, так же как и часть Ярославского [торфа], низкого качества. А на Шатурских разработках в 1922 г. двумя торфососами [Гидроторфа] было выработано 236 000 пуд. торфа, хотя сырого, но все же большая его часть могла гореть.

Надо думать, что Управление Гидроторфа может привести много «курьезных фактов» для объяснения этих неудач. Таким образом, мнение, что будто бы одна установка дает за сезон 1 000 000 пуд. воздушно-сухого торфа, нужно считать ушедшим слишком уж далеко вперед и совершенно не подтвержденным цифрами сезона 1923 г. (книга «Гидроторф, 1923 г., стр. 163: «По самым скромным подсчетам при нормальном оборудовании средняя производительность установки не менее 16 500 тонн [(m.e. 1 000 000 пуд.)] за сезон на агрегат».) <...>

17 февраля 1924 г.

Проф. П. Танеев

Похоже, проф. П.В. Танеев, прикормленный структурой Цуторфа – Инсторфом, выступал как «идейный противник» Гидроторфа и систематически «научно обосновывал» неэффективность последнего*.

Но мы забежали немного вперед...

* Сей деятель был, оказывается, сыном известного адвоката и общественного деятеля Владимира Ивановича Танеева. В ф. 9458 РГАЭ содержится масса документов по сыну Павлу (1878-1961) и его отцу (1840-1921), первый получил агрономическое образование и служил в Министерстве земледелия, Главторфе ВСНХ, Цуторфе и Инсторфе, опубликовал кучу работ по болотам и добыче торфа.

За сезон 1922 года Гидроторф добыл всего 2 миллиона пудов топлива при планировавшихся в январе 1921-го 20 миллионах! Такова была цена государственного недофинансирования, забюрократизированности чиновничьего аппарата, отвратительной работы смежников (прежде всего, Наркомата путей сообщения) и «ударной работы» чекистов!!

В декабре 1922-го Гидроторф отстранил от работ Строительную Контору «Бр. Б. и И. Утевские и Г.Х. Рабинович» и перешел на их продолжение хозяйственным способом, т.е. своими силами. При этом строители в марте 1923-го выставили, было, счет на 24 тыс. руб. золотом, но, после придирчивой проверки их исполнительных смет инженерами Гидроторфа, согласились получить под окончательный расчет всего 12 500 рублей, бумажными деньгами по курсу Котировальной Комиссии в день их уплаты. Мы не будем здесь копать, было ли такое согласие косвенным признанием приписок или чем-то другим. Но факт остается фактом – Гидроторф, не без участия рачительного Р.Э. Классона, заплатил вдвое меньше выставленных строителями счетов!

В январе 1923-го Роберт Эдуардович озаботился пожарной безопасностью своего последнего детища. Из его письма на разработки Гидроторфа при Г.Э.С. Электропередача:

В настоящее время завод по обезвоживанию постройкой закончен и необходимо принять все меры к тому, чтобы обезопасить его от возможности пожара. Стропила и кровли будут снизу выкрашены огнеупорной краской, которая заказана за границей и скоро должна придти. Необходимо, однако, теперь же проложить водопровод по всему зданию завода, соединить его со станционным водопроводом и установить необходимое количество брандспойтов. Также необходимо поставить ручные огнетушители, которые теперь готовятся на русских заводах, и заодно испытать и проверить старые наши огнетушители, которые уже около десяти лет стоят в жилых домах.

И после случившегося в том же январе эксцесса Р.Э. Классон отправил по тому же адресу следующую директиву:

Недавний пожар во временной мастерской на болоте, недалеко от подстанции, еще раз заставляет меня напомнить о необходимости принять самые настоятельные меры по ежедневной уборке щепы и стружек не только на заводе, но и во всех строящихся зданиях и вообще во всех помещениях Гидроторфа.

В пожарном отношении наши постройки представляют чрезвычайную опасность, так как все они построены из дерева, и тут крайняя осторожность должна быть поставлена обязательной и отступить от нее никоим образом нельзя.

Я не могу не выразить удивления по поводу того, что наши инженеры проходят совершенно безучастно мимо груд огнеопасных стружек и щепы, не видя того, что их надо уничтожать и тем самым устранить опасность для зданий.

Поэтому я еще раз подчеркиваю просьбу решительно ко всем инженерам и техникам следить за безопасностью в пожарном отношении решительно всех зданий, не ссылаясь на то, что «это не мое дело, не в моем ведении находится». Эта часть находится в ведении всех и решительно ко всем относится, и все виноваты будут, если произойдет какой-нибудь пожар по недосмотру и небрежности.

В конце января Комиссия СНК по вопросу о гидравлическом способе добывания торфа и об организации гидроторфа приняла важное решение:

Основываясь на докладах Технической комиссии СТО по Гидроторфу, Комиссия делает следующую оценку гидравлического способа торфодобывания:

а) гидравлический способ торфодобычи в настоящее время вышел из стадии опытов и принял промышленный характер, он является большим достижением в деле механизации торфодобычи и дает продукт, по своему качеству не уступающий практически машинно-формованному торфу и по своей цене, во всяком случае, не превышающий стоимости последнего;

б) в дальнейшем развитии этого способа предстоят работы по улучшению сушки торфа, по борьбе с колеблющейся его зольностью и дальнейшему понижению себестоимости;

в) опыты Гидроторфа по коагуляции за истекший сезон не дали бесспорных положительных результатов, связанные с этим работы по устройству завода для искусственного обезвоживания торфа производятся на основании постановления особой Комиссии СНК под председательством Л.Б. Красина от 1/IX-21 г., в настоящее время не закончены работы, но выполнены в большей своей части и должны быть доведены до конца.

Следом и Совет Труда и Оборона принял аналогичное постановление.

18 января 1923 года в газете «Правда» появился «политическо-обывательский пасквиль» под названием «Экономическая Контр-революция». Приведем здесь лишь два фрагмента из него:

Мы, пишущие эти строки, может быть и ошибаемся, но считаем, что ведение работ на нашем заводе в настоящее время можно назвать экономической контр-революцией. Завод находится в ведении Гидроторфа и состоит на госбюджете.

Размер кредитов, отпущенных на содержание такового, нам неизвестен, но у Гидроторфа есть вопиющие недочеты: на заводе всех рабочих и служащих 478 чел., из них только 252 производственных и 226 не производственных, т.е. административного и обслуживающего персонала.

Одних директоров четверо:

1) директор-распорядитель завода гр. Кирпичников, который является одновременно главным инженером электростанции и зам. ответственного руководителя Гидроторфа, и потому никогда не бывает на заводе;

2) директор-администратор гр. Саблин, бывш. начальник вагонного цеха Путиловского завода, который собирал вокруг себя членов союза русского народа;

3) директор технический гражд. Штумпф, который в течение последних двух месяцев был [всего] два раза в мастерских;

4) директор коммерческий гр. Барабанов, по специальности химик. Теперь (после постановления ячейки [РКП] о сокращении административного персонала) он переименован в зав. коммерческим отделом.

И зам. директоров (четверых) тов. Моисеев, которому никак не удастся выяснить, кого из них он замещает, и который все время борется за свои права. Сюда же входит и правление Гидроторфа и проч.

<...> Гр. Саблин, директор-администратор, проживающий в одном из заводских домов, находящихся на территории завода, каким-то путем получил корову и вместе с коровой прибыл проводник, который возможно даже родственник кому-нибудь из них, т.к. гр. Саблин хотел устроить его на заводе истопником. Узнав об этом, фабзавком не допустил проводника на работу и заменил его другим через Биржу Труда. Для коровы понадобилось помещение, и вот из заводского материала устраивается коровник.

Но этого гр. Саблину мало. Как истинно русский человек, он решил, по примеру древних бояр, отгородиться частоколом от неприятного для его глаз зрелища проходящих на работу по заводской территории грязных рабочих, а также желая, чтобы нескромный глаз не заглянул к нему. На это так же взят заводской материал.

<...> Нас интересует, на чей счет содержится скотный двор гр. Саблина, и оплачивает ли он за торф, который он сжигает на свои нужды в таком громадном количестве? (Приблизительно до 30 пудов ежедневно.) желательно получить ответ через печать <...>.

Исходя из формы подачи данного материала, рубрики «Наши администраторы» и псевдонима – «Элька (следуют подписи трех партработников)», можно предположить, что редколлегия «Правды» весьма дорожила подобными «партийно-рабкоровскими» заметками, больше относящимися к бульварному жанру, выражаясь современным языком. Они регулярно появлялись на страницах газеты и должны были разоблачать «неумех – буржуазных спецов», «проворовавшихся красных директоров» и «замаскировавшийся буржуазный элемент». Насчет последних двух типажей отметим лишь, что они благоденствовали при «мудром партийном руководстве» в системе Мосмета, т.е. еще задолго до того, как Гидроторф получил завод – бывш. «Русскую Машину» в свое полное управление.

Этот пасквиль был удостоен внимания даже эмигрантской прессы. Например, берлинские «Дни» 1 февраля 1923 года напечатали следующее:

Порядки у «Владимира Ильича»

Существует в России машиностроительный завод имени «Владимира Ильича» – по своим заданиям является единственным заводом в России, изготовляющим всякого рода машины для разработки торфяных болот. Имя Ленина дает этому предприятию различные привилегии и преимущества; между прочим, завод состоит на «госбюджете». И вот что, по словам «Правды» [на самом деле, по словам рабкоров-партийцев – МК], отсюда получается.

На заводе всех рабочих и служащих 478 чел., из них только 252 производственных и 226 не производственных, т.е. административного и обслуживающего персонала.

Одних директоров четверо: 1) директор-распорядитель завода гр. Кирпичников, который является одновременно главным инженером электростанции и заместителем ответственного руководителя Гидроторфа, и потому никогда не бывает на заводе; 2) директор-администратор гр. Саблин, бывш. начальник вагонного цеха Путиловского завода, который собирал вокруг себя членов союза русского народа; 3) директор технический гражд. Штумпф, который в течение последних двух месяцев был [всего] два раза в мастерских; 4) директор коммерческий гр. Барабанов, по специальности химик. Теперь он переименован в зав. коммерческим отделом.

И зам. директоров (четверых) тов. Моисеев, которому никак не удается выяснить, кого из них он замещает, и который все время борется за свои права. Сюда же входит и правление Гидроторфа и проч. Средства по смете на последнюю четверть [1922 г.] все были израсходованы.

В середине декабря с большой натяжкой, под угрозой рабочих прекратить работу, было уплачено содержание рабочим. 5 января должна была быть вторая выплата за декабрь, но средств нет, и опять стоим под угрозой прекращения работ. Какой же выход нашли? Послали в Малый Совнарком дополнительное отношение на закупку материалов. 29 декабря 1922 г. Малый Совнарком, учитывая важность работ завода, постановил отпустить 1 триллион на предмет закупки материалов, но в Наркомфине заявили, что деньги будут отпущены только по указанию в ассигновке кредиторов.

Правление Гидроторфа 3 января сочиняет, если можно так выразиться, своих кредиторов, т.к. деньги надо употребить на уплату рабочим и служащим, в то время как материалы, необходимые для работы отсутствуют. В конце декабря необходимо было производить медное литье, для чего потребовался баббит, и на заводе не оказалось такового, пришлось отправляться на базар или еще куда-то за одним пудом баббита... Дальше идут рассказы о воровстве и других семейных делах... Так прославляют «имя Владимира Ильича».

В общем, граждане Кирпичников и иже с ним «прославились на всю Европу». Хорошо еще, что Р.Э. Классон, хорошо известный во всей Европе (уже без кавычек), не попал в эту «малопочтенную компанию».

15 февраля 1923 года «Правда» разразилась залпом сразу из трех орудий:

1) появился очередной пасквиль «Эльки» – «Еще о заводе имени Владимира Ильича (б. Михельсона)»: «В предыдущей статье под этим же общим заголовком и названием «Экономическая Контрреволюция» было обещано описать гр. Ярунина, механика завода и гр. Соколова, зав. производством. <...>»;

2) была опубликована разухабистая реплика «Победа рабочей печати» (сотрудника «Правды?»), где ни за что ни про что досталось и В.Д. Кирпичникову;

3) под рубрикой «Сила рабочей печати» был напечатан и ответ Гидроторфа – ««Правда» помогла».

Заметка «Победа рабочей печати» подводила некий итог действенности публикаций рабкоров на страницах «Правды»:

Федор Туманов, Г. Быков, В. Кирпичников, В. Саблин, П. Моисеев.

За последние дни пять директоров отстранены хозяйственными органами Республики от работы на заводах, благодаря заметкам рабочих-корреспондентов, помещенным в «Правде». Не улучшение производства, не создание лучших условий жизни сотен и тысяч рабочих вверенных им заводов было их задачей, а использование своего высокого положения в целях личной наживы, в целях создания своего личного благополучия.

Немало усилий потребовалось для того, чтобы разоблачить этих «дельцов». <...> И теперь они [(рабочие-корреспонденты)] могут гордиться своей победой. Теперь они видят воочию, на ярком примере, что не для того только «пописывают в газетах, чтобы читатель почитывал». Они видят, что коммунистическая пресса является могучим орудием в борьбе с расхлябанностью, бесхозяйственностью, злоупотреблениями. Пользуйтесь же широко этим орудием, товарищи рабочие! Несите в «Правду» все волнующие вас вопросы нашей жизни и работы. Боритесь путем печатного слова со всеми ненормальностями, которых так много еще в нашей неустроенной жизни. Вы сделаете этим большое и славное дело!

М. М.-<нрзб. – ин? ев?>

Ответ Гидроторфа был снабжен залихватским заголовком и предисловием:

«Правда» помогла

В № «Правды» от 18 января была помещена корреспонденция рабочего завода имени «Владимира Ильича» с разоблачениями директоров завода. В ответ на это редакцией «Правды» получено следующее сообщение:

Настоящим, по соглашению с тарифно-экономическим секретариатом М.С.Р.М. [(Московского Союза рабочих-металлистов)], заводоуправление машиностроительного завода имени «Владимира Ильича» реорганизуется следующим образом:

Вводится единоличное управление. Заводоуправление будет состоять из управляющего заводом и его заместителя. Временно, впредь до назначения управляющего заводом, исполнение обязанностей такового возлагается на тов. А.Г. Штумпфа, который назначается заместителем управляющего.

Директор-распорядитель В.Д. Кирпичников отзывается Гидроторфом. Директор В.Л. Саблин освобождается от обязанностей директора завода и поступает в распоряжение заводоуправления. В виду отозвания Главметаллом тов. П.Г. Моисеева он освобождается от обязанностей по заводу.

Управление Гидроторфа Ответственный руководитель Гидроторфа Классон

Роберт Эдуардович незамедлительно, 16 февраля отправил ответ:

В отделе «Рабочая жизнь» газеты «Правда» от 15 февраля с/г. помещена заметка «Победа рабочей печати», где в числе уволенных под давлением печати директоров упомянута фамилия В.Д. Кирпичникова и на всех уволенных огулом возведены чрезвычайно тяжелые обвинения.

<...> Все те обвинения и упреки, которые делались на страницах «Правды» по отношению к администрации завода, никакого отношения не имеют к В.Д. Кирпичникову, который может быть неудачно был назван директором-распорядителем завода. В действительности же он, как член Управления Гидроторфа, осуществлял общий надзор за работой завода, за составлением технических проектов новых машин и заботился о финансировании завода. В управление и в текущую жизнь самого завода В.Д. Кирпичников не вмешивался. Если в настоящее время по соглашению с ним же должность директора-распорядителя упраздняется, то это отнюдь не потому, что какая-нибудь тень падала на деятельность В.Д. Кирпичникова, а просто должность эта оказалась излишней.

Повторяю, никаких обвинений против него не выдвигалось и включать его в категорию людей, которые «использовали свое высокое положение в целях личной наживы», никоим образом нельзя, так как фактически за все время, которое он состоял директором завода, он ни одной копейки жалованья по заводу не получал и никакими доходами от завода не пользовался, а следовательно никоим образом в целях личной наживы не действовал. <...>Я надеюсь, что в интересах восстановления истины редакция газеты «Правды» не откажется поместить настоящую заметку.

В «интересах восстановления истины» «Правда» 20 февраля 1923 года всю вину за свою бравурную заметку «Победа рабочей печати» свалила на Гидроторф:

В №34 «Правды» от 15 февраля в числе других директоров, отстраненных от должностей по заметкам рабочих корреспондентов, были указаны фамилии П.Г. Моисеева, отозванного Главметаллом, и В.Д. Кирпичникова, отозванного Гидроторфом с завода «Владимира Ильича». Это недоразумение вызвано исключительно неясной редакцией полученных из главного управления Гидроторфа (см. в том же № «Правды») сообщений, которым «Правда» извещалась о рассказывании старого заводоуправления целиком, причем фамилии указанных товарищей, без всяких разъяснений, стояли рядом с фамилиями тех, кто действительно пытался использовать свое положение в заводоуправлении завода «Владимира Ильича» в целях личной наживы.

В настоящее время нами получены дополнительные объяснения, из которых явствует, что приведенное обвинение тт. Моисеева и Кирпичникова ни в коем случае не касается. Завком, ячейка [РКП] и большая группа рабочих завода «Владимира Ильича» свидетельствуют, что тов. Моисеев, которого «спецы» из заводоуправления пытались все время затирать, первый указал в союзе рабочих-металлистов на существующие злоупотребления.

Инж. В.Д. Кирпичников, как сообщает управление Гидроторфа, лишь «осуществлял общий надзор за работой завода» от имени Гидроторфа, в управление же и текущую жизнь завода совершенно не вмешивался. Это многолетний и крупный работник моск. электр. станции, главным инженером которой он сейчас состоит, работал в полном согласии с рабочей организацией и отозван Гидроторфом лишь потому, что должность, занимаемая им на заводе «Владимира Ильича», «оказалась лишней». Мы охотно даем место этим разъяснениям о тт. Моисееве и Кирпичникове, целиком возлагая ответственность за вызванные недоразумения на гл. упр. Гидроторфа, приславшего на заметку нашего корреспондента столь малообоснованный и запутанный ответ.

Редакция

Похоже, редакция «Правды» сообразила, что сильно перебрала в публикации слишком уж развязных материалов «рабочих корреспондентов», но все же перевела стрелки с себя любимой на якобы «столь малообоснованный и запутанный ответ» Гидроторфа. А виноват-то был не ответ Гидроторфа, а развязная публикация «Эльки (следуют подписи трех парработников)».

Приведем заодно фрагмент ответа Р.Э. Классона, отправленный 14 февраля в Наркомат РКИ:

В ответ на Ваш запрос от 12-го с/м. относительно заметки «Экономическая Контр-революция», помещенной в газете «Правда» от 18 января с/г., сообщаем Вам следующее:

<...> 2) <...> В настоящее время инж. В.Д. Кирпичников <...> отозван Гидроторфом из состава Заводоуправления завода имени Владимира Ильича, но тем не менее разрешенные финансовые вопросы будет по-прежнему производиться им и в дальнейшем.

Что же касается всех остальных вопросов, затронутых в вышеупомянутой статье, то объяснения по ним можно усмотреть из прилагаемой копии акта по обследованию завода имени Владимира Ильича, произведенной Особой комиссией под председательством представителя Союза металлистов тов. Васильченко.

Из акта по обследованию следовало, в частности, что Гидроторфу достался завод с «тяжелой наследственностью»:

При детальном же обследовании ведения производства по мастерским усмотрен плохой контроль за своевременным выполнением нарядов и браковкой изделий. Нет правильного технического контроля за расходом материалов и топлива, благодаря чему по литейной мастерской обнаружен на литье чугуна перерасход топлива приблизительно на 15% и большие потери металла, слагаемые из брака, угара и потерь и доходящие до 30%, благодаря чему приходится констатировать нерациональную постановку производства в литейных работах на заводе.

Кроме этого усмотрено неправильное распределение и использование рабочей силы по мастерским, наиболее выявляемые в использовании неквалифицированных работников и чернорабочих, перегружающих общезаводские штаты рабочих.

<...> При рассмотрении штата рабочих обнаружено большое количество непроизводственных рабочих по отношению к производственным, выражающееся в 71,5%. Это обстоятельство является причиной больших накладных и общих расходов по заводу. По мнению Комиссии необходимо произвести сокращение подсобных рабочих и чернорабочих по заводу, а также пересмотреть штаты по охране завода с целью их сокращения».

В феврале 1923-го чекисты опять проявили «революционную бдительность». Из письма Р.Э. Классона и В.Д. Кирпичникова в ГПУ за 20-е число:

В ночь на сие число у себя на квартире арестован <...> Помощник Ответственного Руководителя Гидроторфа по финансовой части инженер Лев Александрович Ремизов, который в настоящее время вел все работы по составлению и приведению в жизнь финансового плана в связи с переводом Гидроторфа на хозяйственный расчет.

<...> Управление Гидроторфа настоящим обращается к Вам с просьбой не отказываться сообщить, насколько серьезны обвинения, предъявляемые к инж. Л.А. Ремизову, и если обвинения эти не носят серьезного характера, то не найдет ли возможным ГПУ освободить в течение этих же дней Л.А. Ремизова под поручительство Ответственных Руководителей Гидроторфа инж. Р.Э. Классона и В.Д. Кирпичникова.

Ответственные Руководители на этом не успокоились и разослали аналогичные письма в разнообразные советские инстанции. И 20 марта их настойчивость была вознаграждена – чекисты таки выпустили Л.А. Ремизова на свободу!

В том же феврале Роберт Эдуардович в очередной раз вынужден был оправдываться по поводу заказов оборудования за границей.

На этот раз с ГУТом:

<...> Большое количество машин изготавливается в России, в частности на Машиностроительном заводе имени Владимира Ильича, который всецело работает для Гидроторфа. Затем на Гидроторф работает Завод Фалькевича, часть заказов передана на завод бывш. Московский Металлический и др. И все же много таких предметов, которые хотя и можно было бы изготовить в России, но получить их вовремя нельзя по недостаточной производительности русских заводов, и поэтому надо было или заказать эти вещи за границей или потерять еще один сезон, не выработав большого количества торфа.

<...> Третьим важным обстоятельством, на которое мы позволяем себе обратить Ваше внимание, является дороговизна русских специальных изделий. Мы составили подробные таблицы стоимости предметов электрооборудования как за границей, так и в России, причем сопоставили фактически уплаченные нами деньги за немецкие изделия с теми ценами, которые мы получили от здешних трестов.

Мы не будем приводить всех таблиц и укажем лишь, что по отношению к крупным моторам разница в ценах, сведенных конечно в обоих случаях на золото, была не особенно велика. А именно русские моторы были дороже заграничных, считая еще 80% на пошлину и провоз, в 1½, 2 и 2½ раза. При такой разнице в цене еще можно было бы заказывать в России моторы. И мы частью заказали Электротехническому Тресту, а именно большие моторы на 120 лошадиных сил.

<...> Продолжая те же сопоставления, мы могли бы вместо одного русского тормозного магнита получить 29 немецких магнитов, изготовленных специальным заводом, тогда как в России они изготавливались бы почти впервые и, может быть, были бы даже не вполне удовлетворительными. Моторные ящики стоили в 7,7 раза дороже, масляные выключатели – в 5,6 раза, малые моторы – в 3-4 раза дороже и, наконец, большие трансформаторы – в 3½ раза дороже. Заграничный центробежный насос на 300 м³[/час] плюс 80% на пошлину и провоз обошелся в 1 030 руб. зол., русский насос Пирвица на 250 м³ стоил 2250 рублей. <...>.

Отметим здесь жуткое задираание цен на свою продукцию российскими машиностроительными заводами. Иллюстрацию возможных причин, на примере бывш. «Русской Машины», мы уже приводили. В марте 1923-го рачительный Р.Э. Классон распространил по всем хозяйствам Гидроторфа следующий циркуляр:

В настоящее время Гидроторф переходит на хозяйственный расчет, и это означает, что ему будет дана известная сумма денег и затем предоставлено будет собственными средствами хозяйничать и на вырученные от продажи торфа деньги продолжать производство. До сих пор хозяйства тратили деньги в достаточной степени без расчета, <...> главным образом делались расходы преждевременные.

Например, при сравнительно небольшом производстве, определяемом в текущем году двумя торфососами, строения производились в таком масштабе, что они легко могли бы обслужить значительно более крупные производства.

Таких расходов надо избегать, и мы очень просим всех наших служащих, в особенности старший персонал, близко принять к сердцу хозяйственные интересы Гидроторфа и отнюдь не производить таких расходов, без которых можно обойтись. Надо, чтобы каждый действовал так, как если бы он был хозяином предприятия, имел очень ограниченные средства и на них должен был вести производство и даже расширение его в будущем. Словом, мы просим не чиновнического отношения, а отношения, которое называлось в законе «отношением доброго хозяина».

Предлагаем профессиональным историкам покопаться в архивах и воспоминаниях и установить, возможны или нет были «отношения доброго хозяина» среди инженерно-технических работников – в атмосфере непрерывных начальственных нагоняев, погони за планом, идеологических чисток и арестов «бывших и вредителей», навязчивых предложений «сотрудничать с органами». В частности, всем этим наполнены мемуарные «Записки уцелевшего» Сергея Голицына (1909-1989), которые мы еще процитируем в очерке «Классонята». Естественно, что Роберт Эдуардович весной-летом еженедельно приезжал на «Электропередачу» и опять «видел все». Это произошло и 22 марта 1923 года.

Из его первого письма от 23 марта (т.е. на следующий день после поездки) на разработки Гидроторфа при Г.Э.С. Электропередача:

При объезде моем построек Гидроторфа я увидел на Обьезжем болоте, где строится три новых прекрасных барака, огромные кучи стружек кругом всех бараков, накопленных очевидно недели за две-три. Если бы эти стружки загорелись, то все три барака сгорели бы и, не говоря уже о денежных убытках, мы к [предстоящему] сезону не смогли бы их восстановить, и торфяная кампания была бы подорвана. На мой изумленный вопрос, при каком десятнике происходит такое безобразие, мне было отвечено, что работа поручена старому десятнику, знающему порядки и знающему требования, предъявляемые к постройкам, Я.Г. Матвееву.

Небрежность, допущенная десятником Я.Г. Матвеевым, не может иметь никаких оправданий, и потому я объявляю десятнику Я.Г. Матвееву строгий выговор с предупреждением, что в случае повторения подобной небрежности мы принуждены будем, несмотря на все его заслуги в прошлом, с ним немедленно расстаться, так как им проявлена не простая небрежность, а преступная, ничем не оправданная небрежность.

Из его второго письма от 23 марта:

За последнее время на Гидроторфе при Электропередаче произошел ряд случаев настолько серьезных, что о них немедленно надо было довести до сведения Управления Гидроторфа (повреждение глаза немецким монтером, горение провода на стене завода и т.п.), но ни об одном из этих случаев сообщено по телефону не было.

Кроме того, Управление Гидроторфа непрерывно требует справки относительно приходящих грузов, и все-таки справки остаются без должного ответа, и понадобилось личное вмешательство П.Н. Ефимова 22 марта для того, чтобы получить справки о номерах вагонов.

Затем после личного запроса нижеподписавшегося относительно решения Уездной Конфликтной Комиссии [отказать нашему увольнению с 1 ноября 1922 года 8 человек машинистов-железнодорожников, нанятых на сезонные работы при ГЭС «Электропередача»,] оказалось, что никакого сообщения об этом в Москву не послано, как будто это было совершенно пустяшное дело.

Все эти обстоятельства показывают, что делопроизводство при Гидроторфе поставлено совершенно неправильно: лица, заведующие им, очевидно, не имеют понятия о том, что важно и что не важно, и, по-видимому, для исполнения обязанностей, связанных с правильным делопроизводством, непригодны. Я не могу требовать, чтобы инженеры писали обо всем бумажки, они заняты техническими вопросами. Но в конторе имеется конторский персонал, который, очевидно, не знает, что он должен делать и о чем он должен сообщать. Допущенную небрежность я ставлю на вид делопроизводителям конторы и предупреждаю, что в дальнейшем такая небрежность терпима быть не может.

Из его третьего, уже крайне резкого письма от 23 марта:

Ввиду крайней опасности завода по обезвоживанию в пожарном отношении надлежит принять крайние меры, совершенно не отговариваясь тем, что принятие этих мер вызовет известные расходы. Пожар на заводе был бы катастрофой совершенно непоправимой и подорвал бы репутацию Гидроторфа окончательно. Между тем гг. инженеры совершенно недостаточно прониклись сознанием важности этого, и постоянно наблюдаются отступления и небрежность даже в том случае, если я лично об этом непосредственно указывал. Все свои замечания я делаю в вежливом тоне, хотя и вполне определенно, и по-видимому этот вежливый тон принимается некоторыми как признак слабости и потому мои распоряжения исполняются только тогда, когда они подкрепляются повышенным тоном и резкими выражениями, как это имело место 22 марта. Это совершенно нежелательно и я прошу впредь вежливый тон считать достаточным и исполнять мои распоряжения, не дожидаясь, что их придется подкреплять криками и повышенным тоном. Каждый инженер в интересах ограждения своего собственного и моего достоинства должен удовлетворяться спокойным, определенным указанием и исполнять его независимо от того, считает ли он это правильным или нет. Ответственность за завод несу я и я желаю, чтобы мои распоряжения исполнялись. Это я повторяю совершенно категорически и прошу не доводить до повторения сцен, вроде имевшей место 22 марта с/г.

Позволим предположить, что Заведующий постройкой завода, инженер А.В. Богуславский замытарил выполнение указания своего высокого начальника от 10 января 1923 года, несмотря на последующие указания последнего «в вежливом тоне»:

Необходимо, однако, теперь же проложить водопровод по всему зданию завода, соединить его со станционным водопроводом и установить необходимое количество брандспойтов. Также необходимо поставить ручные огнетушители, которые теперь готовятся на русских заводах, и заодно испытать и проверить старые наши огнетушители, которые уже около десяти лет стоят в жилых домах.

Или же не подал оперативно предложения по следующему указанию от 19 марта:

Ввиду того, что в отделении мельниц будет выделяться торфяная пыль, а торфяная пыль в связи с воздухом, как и всякая пыль, представляет опасность для взрыва, необходимо заранее принять меры для возможного уменьшения этой опасности. <...> Так, в Чикаго в марте 1921 г. произошел взрыв хлебного элеватора, в котором взорвалась мучная пыль. Взрыв был слышен на сто миль кругом, причем самый элеватор был разрушен совершенно. Меня беспокоит отделение мельниц, и я прошу теперь же подумать о том, какие надо принять меры для того, чтобы устранить оседание пыли на стенах, стропилах и прочих местах. В первую очередь надо оштукатурить известью помещения мельниц сверху донизу и может быть выгоднее будет покрыть его потолком для того, чтобы пыль не проникала через общие стропила** в соседние помещения. Затем, самые мельницы расположены высоко над сборным резервуаром из бетона, и я боюсь, что пыль, падая из мельниц с слишком большой высоты, будет разноситься по воздуху. Поэтому может быть надо закрыть со всех сторон тонкими бетонными стенами, притом гладко оштукатуренными, железную конструкцию между корытом и мельницами.*

* В Интернете содержится упоминание сего эксцесса, вполне подтверждающее ссылку Р.Э. Классона: *Explosion in North Western Elevator, South Chicago, 111, March 19, 1921. The plant, although constructed entirely of steel and concrete, was completely wrecked.*

См. также «Chicago Sunday Tribune» от 20 марта 1921 г.: «Ущерб в 10 млн. долл. и 4 убитых» (archives.chicagotribune.com/1921/03/20).

** Точнее, через общее чердачное пространство, не отделенное потолком от помещений.

В мае 1923-го, когда уже сошел снег, обнаживший «некоторые безобразия» в поселке Гидроторфа на «Электропередаче», Р.Э. Классон решил «навести порядок»:

При жилых домах Гидроторфа на Электропередаче в течение последнего года выросли всякие безобразные наросты-постройки для кур, поросят и коз, которые не только безобразят и грязнят дома, но и представляют пожарную опасность.

Все эти постройки надлежит упразднить в ближайшем же времени и вообще никаких расходов на сооружение построек и помещений для какого бы то ни было скотоводства производить нельзя. Исключение могут составить лишь коровы, но и то хлева должны быть отнесены подальше от жилых домов, содержаться в безукоризненной чистоте, причем содержание этих хлевов в чистоте должно относиться за счет владельца коров и производиться распоряжением конторы Гидроторфа с удержанием причитающейся доли расходов из жалованья. Как общее правило, всякое животноводство должно быть по возможности сокращено. Времена 1919-20 годов прошли, когда это вызывалось крайней необходимостью. Сейчас животноводство является только вредным элементом, отнимающим бесполезно время.

В другом циркуляре примерно о том же:

Все владельцы коров и прочего скота, живущие в домах Гидроторфа, должны теперь, с наступлением весны привести свои хлева и дворы в надлежащий вид, т.е. убрать за свой счет в указанные места или на огород весь навоз, который накапливается около домов и хлевов, и впредь поддерживать и те и другие в образцовой чистоте.

У тех лиц, которые не будут содержать домов и хлевов в чистоте, надо произвести очистку распоряжением Гидроторфа и произведенные расходы вычесть из жалованья. Важно, чтобы около домов было чисто и чтобы никакие заразные болезни не могли возникнуть на почве грязи и небрежного отношения к делу.

Отослав третий циркуляр, Р.Э. Классон пытался сохранить, может быть, жестко и даже жестоко, возникший в чистом поле «поселок-сад»:

При центральном поселке Гидроторфа на Электропередаче садовнику поручено насадить всюду деревья и всячески содействовать разведению палисадников около жилых домов. Деревья, посаженные в прошлом году осенью, в значительной степени объедены козами, и необходимо предупредить всех владельцев коз, что всякая коза, выпущенная на свободу, грозит уничтожить насаждения, на которые затрачено много денег и труда. И такую козу надлежит немедленно убивать и отдавать в казармы на съедение. Пусть владельцы добиваются своих прав на козу судом, если хотят. <...>.

В мае же Роберт Эдуардович потребовал от своих инженеров снизить стоимость оборудования:

При проектировании и изготовлении машин Гидроторфа [ранее] обращалось мало внимания на их облегчение и удешевление, т.к. основной задачей до сих пор было создание машин, надежно исполняющих возложенную на них работу.

Ныне, когда эта задача может считаться решенной более или менее удовлетворительно, пора озаботиться удешевлением будущих машин, для чего нужно пересмотреть все конструкции. При этом ни в коем случае не должны пострадать прочность и надежность машин <...>.

В том же мае Р.Э. Классону опять пришлось вязко объясняться с рядом инстанций по поводу заграничных заказов Гидроторфа. Из приложенной к письму таблицы сквозил на удивление убогий, но жесткий диктат отечественных производителей, требовавших за свои трубы в 6 раз дороже заграничной продукции! Кроме того, Государственное Объединение «Водоканал» стальные или железные трубы не изготавливало, зато предлагало чугунные, но длиной не 6 м (как требовалось Гидроторфу), а всего лишь 3 метра.

Государственный Завод «Красный Пролетарий», бывш. Бромлей, производящий только чугунные трубы, от заказа отказался, т.к. у него не было «никакой уверенности в возможности получить достаточное количество чугуна и кокса». Государственная Центральная Техническая Контора запросила подведомственные себе заводы, но до 3 мая окончательного ответа так и не дала.

Московская Контора Юго-Стали сообщила, что запросила Харьковскую Контору, но до 3 мая окончательного ответа так и не дала. Московская Техническая Контора Главного Управления Военной Промышленности от заказа отказалась ввиду его малого объема. Зато немецкий завод Вольфа был готов исполнить заказ Гидроторфа на трубы стальные или железные для рабочего давления 20 атмосфер (при пробном давлении в 28 атм.), диаметром 200 мм и длиной по 6 м с соответствующими фасонными частями.

Более откровенно эта скандальная история была изложена в письме к старому знакомому В.В. Старкову в Берлин:

Посылаю Вам копию моего письма на имя ГУТа. ГУТ меня обругал, даже хотел обвинять по суду за то, что мы заказываем за границей то, что можно, по его мнению, заказать в России. Ну, вот я для их удовольствия проделал операцию с запросом на русские заводы по поводу стальных труб. Все казенные заводы отказались и только один частный з-д согласился изготовить трубы, но по цене в 6 раз дороже немецких.

Получив такую таблицу, ГУТ капитулировал и согласился на заграничный заказ. Конечно это бесполезно, так как ни кредитов нет, ни времени нет, но все-таки ГУТ убедился, что дело не так просто, как ему кажется.

В том же мае 1923 года Р.Э. Классон написал в Берлин другому своему старому знакомому – Б.А. Креверу. В этом письме нас, прежде всего, поражают его удивительные тактические способности (применяемые, естественно, «только ради дела»):

Вопрос о монтере Биттере затянулся невероятно. Сегодня полтора месяца, как он должен был приехать к нам, а между тем от Вас пока поступают только сведения, что Вы с ним сносите по телеграфу. Мне очень неприятно, что монтер Биттер не приехал. У нас работает 5 кранов Демага. Все они в руках совершенно невежественных людей. <...> Я думаю, что его не пускает фирма, так как лично он кажется был вполне доволен своим [предыдущим] пребыванием здесь, заработал деньги и вероятно не отказался бы вновь таковые заработать.

То, что фирма Демаг его не пускает и на все наши запросы мы не получаем никакого ответа, поведет конечно к тому, что когда фирме Демаг понадобятся от нас отзывы об их прессах монтаж которых действительно приближается к окончанию, то мы по отношению к ним употребим тот же прием, который они применили к нам в деле Биттера.

Т.е. мы просто не будем отвечать ни на какие их запросы и не будем давать им никаких отзывов, в которых они по-видимому очень нуждаются, так как уже писали об этом своим монтерам – что им важно как можно скорее получить результаты работы пресса. <...>.

Как покажут более поздние документы, монтер Биттер все-таки приехал на «Электропередачу», но лишь в июле. В начале июня 1923 года Р.Э. Классон и В.Д. Кирпичников отчитывались перед инстанциями о ходе сооружения завода по искусственному обезвоживанию торфа. Отчет показал, что Гидроторфу все еще удавалось шагать впереди Европы:

Монтаж завода идет полным ходом и в том числе монтаж главного пресса, который будет закончен даже раньше остальных частей завода, приблизительно через месяц. Весь же завод может быть пущен, по нашим соображениям, в конце лета, хотя частично отдельные механизмы будут испробованы раньше.

<...> Что касается вопроса о заказе самого большого пресса системы Мадрук, то эта машина отнюдь не является неиспытанной машиной. Хотя в том виде, в каком она ставится у нас, она изготавливается впервые. Оба нижеподписавшихся видели основные элементы этой машины выполненными в том же масштабе, в котором они устанавливаются на нашей машине, в работе на заводе Úrdingen. <...>

Лучшим доказательством того, что эти прессы вполне испытаны и что на них возлагаются большие надежды, служит то обстоятельство, что изготовление их принял на себя первоклассный завод в Duisburg, один из крупнейших и лучших заводов в Германии. Пресс был собран и пущен в ход на заводе и затем был разобран и послан к нам. Сборка этого пресса производится двумя немецкими монтерами от этого завода.

Применение этого пресса к обезвоживанию торфа по нашим данным должно дать у нас лучшие результаты чем те, которые были получены за границей, благодаря химической обработке массы. В таком большом масштабе этот пресс действительно исполняется впервые для нас, и заводом ему присвоена фабричная марка «Russland».

В июне 1923-го Роберт Эдуардович, который «видел все», разослал подробнейший циркуляр по всем хозяйствам Гидроторфа, касающийся научной организации труда (НОТ), в котором опять же сквозило стремление привить итээровцам чувство «добротного хозяина»:

В последнее мое посещение Электрорепердачи я вновь вынес впечатление, что техники, наблюдающие за добычей торфа, не в достаточной степени усвоили себе, что сезон торфяной крайне короткий, время чрезвычайно дорого и следовательно нельзя терять ни одной минуты.

<...> Между тем я наблюдал такого рода картину. На кране сидят: инженер, техник, моторист на [пеньевом] кране и моторист на Демаге [с торфососом] и рабочий персонал – все они бездействуют и ждут, когда аккумулятор начнет принимать массу.

Между тем брандспойты стоят уже в крайних положениях, и их необходимо переместить. Никто их не перемещает и очевидно их начнут перемещать, когда надо начинать работать. Перед гусеничным краном находится канавка полная воды, из которой вода вытечь в карьер не может. Между тем эта вода разжижает торф и мешает гусенице ходить взад и вперед. Никто эту воду не спускает, хотя для этого нужно два-три раза взмахнуть лопатой.

<...> Словом, люди стоят совершенно непроизводительно, не делают тех работ, которые облегчают и ускоряют им добычу торфа. И никто их техников не думает о том, чтобы утилизировать невольный простой, для исполнения этих мелких, но все же полезных работ. На разливе техник ждет сигнала с мест в течение часа, вместо того чтобы пойти самому посмотреть в чем дело: не забыли ли подать сигнал. И вообще, если какую-либо часть взяли в мастерскую и ее долго не несут, то о ней никто из техников не беспокоится, хотя бы из-за этого стоял кран.

<...> Мотористы производят все операции с крайней медленностью. После каждой операции они думают, теряют время и теряют темп работы. При наличности кранов для пней можно выбирать все пни до единого, кроме самых мелких кусочков, которые не вредны, и тем избавить рабочих от необходимости лезть в карьер и выбирать пни [вручную].

<...> Кран – могучая машина и надо уметь ею пользоваться. И техник тоже должен следить за тем, чтобы кран не терял ни одной минуты времени. Только при этом условии работа будет чистой и механизированная.

В июле 1923-го появился еще более строгий циркуляр:

К сожалению инструкции, посылаемые мною на Электропередачу, далеко не в достаточной мере исполняются техниками, которые ссылаются при этом на то, что торфяники их не слушают. Но, с другой стороны, я лично заметил, что техники даже не предъявляют к торфяникам требований. Когда же они предъявляют, то торфяники, хотя и неохотно, но их исполняют.

Сейчас перелом сезона и настал момент подвести итоги работы первой половины. Те техники, которые оказались непригодными для работы, проявляли чрезмерную слабость или инертность, подлежат увольнению, так как нет смысла держать людей до конца сезона недостаточно активных. Наоборот, мы должны в течение сезона подбирать людей и оставить на будущий сезон только наиболее деятельных и активных.
<...>

Естественно, что эти письма направлены были на всевозможное снижение простоев и всемерное повышение производительности торфососов и другой техники (чтобы показать действительную конкурентоспособность Гидроторфа сравнительно с «машинно-формовочным способом»), а не на удовлетворение каких-то мифических амбиций Р.Э. Классона.

В августе последовал важный для выживания Гидроторфа циркуляр:

Ввиду близкого окончания сезона нам необходимо подвести технические итоги этого года. Необходимо, чтобы все лица, непосредственно работающие с машинами, не поленились бы высказать свои соображения по поводу дальнейшего повышения производительности торфососов, насосов и других машин. Производительность торфососа в этом году не достигла одного миллиона пудов, как мы ожидали, по целому ряду причин, из которых важнейшей было отсутствие квалифицированного, толкового персонала на кранах.

Этот недостаток можно побороть лишь сохранением в течение зимы опытных мотористов, которые с ранней весны могли бы полным ходом пустить машины.

<...> Нам нужно осенью составить себе совершенно ясную картину, какое влияние имеют все эти отдельные, перечисленные и не перечисленные, факторы, и что можно сделать для избежания непроизводительных простоев машин. Наиболее важную роль для высокой производительности играет поддержание производительности торфососов, причем причины этого явления далеко не были ясны во всех случаях. <...> Поэтому я прошу всех наших техников, сделавших то или иное наблюдение, высказаться для того, чтобы этот вопрос мог быть полностью обсужден и взвешен.

Здесь стоит пояснить, что августовский документ развивал циркуляр, отправленный еще 20 мая 1923 года дотошным Р.Э. Классоном во все хозяйства Гидроторфа:

Посылаю при сем предварительную инструкцию в первом издании об обращении с торфососами и растирателями, причем прошу всех лиц, имеющих дело с торфососами и растирателями, сделать свои указания и замечания по этому вопросу с тем, чтобы второе издание, которое может быть выпущено в скором времени, было значительно полнее и охватывало все случаи неисправности машин.

Далее последовали дополнения по кранам и грейферам, по выпуску воздуха из машин и трубопроводов, который снижал их производительность.

А 8 августа Р.Э. Классон отправил сообщение в Управление Гидроторфа и на все его хозяйства с предложением всем техническим работникам представить свои соображения, основанные на наблюдениях о добыче и сушке гидроторфа, которые предполагалось ранжировать в зависимости от степени ценности по девяти позициям и премировать от 10 до 100 руб. золотом каждое!

Р.Э. Классон на озере Госьбуж

В июне 1923-го Роберт Эдуардович поместил в журнале «Электричество» статью «Гидроторф в связи с районными станциями», в которой развивал масштабную идею создания комбинатов по производству торфа в виде готового топлива на базе этих электростанций. Подобие такого комбината было сооружено на «Электропередаче», но даже он просуществовал недолго из-за «административного зуда» большевиков. Работы по искусственному обезвоживанию торфа и по его химической переработке через год после смерти Р.Э. Классона были прекращены...

В этой же статье в «Электричестве» Р.Э. Классон заглядывал гораздо дальше прямых перспектив работы завода-электростанции на торфе. Кстати, их массовый ввод мог бы перекроить принятую большевиками «вторую программу партии»:

Еще два года тому назад в ГОЭЛРО доказывалось, что на торфу нельзя строить очень больших станций. Это утверждение, в связи с новейшими успехами Гидроторфа, совершенно отпадает, и наоборот, комбинирование станции и завода-сушилки даст возможность использовать торфяное топливо в совершенно небывалом до сих пор масштабе.

Итак, первый нетрадиционный взгляд:

Ежегодный естественный прирост торфяников в России во много раз покрывает расход торфа, как топлива. Таким образом, мы пока даже не расходует капитала, лежащего в виде десятков миллионов десятин торфа, и лишь расходует часть тех процентов, которые ежегодно нарастают на этот капитал в виде новых слоев торфа.

Увеличение торфодобычи в десятки раз против нынешнего масштаба является одной из насущнейших задач страны, т.к. только этим способом можно остановить дальнейшее истребление лесов. Каждая десятина выработанного торфа заменяет собой 30 десятин леса.

Здесь имеется в виду резкое сокращение использования деревьев как топлива. При этом понятно, что Роберт Эдуардович ни в коем случае не ратовал за введение тотального запрета на рубку леса (который тоже каждый год прирастает).

И второй:

Соединение электрических станций с заводами для искусственной сушки и дальнейшей химической переработки торфа должно стать самостоятельной, в высшей степени выгодной промышленностью. Те смазочные масла, которые будут получаться из торфа перед сжиганием его в топках, будут настолько ценны, что они одни, вероятно, в состоянии будут окупить почти все производство заводов. И тогда электрическая энергия будет, действительно, настолько дешева, что можно будет всерьез говорить об ее влиянии на промышленность и земледелие страны.

К сожалению, оба направления использования торфа при большевиках не получили развития. Советский Союз переориентировался на масштабную добычу и сжигание угля, нефти и природного газа. Но за этими ресурсами приходится идти все дальше и глубже. А торф залегает буквально под ногами и, будучи бесхозным, зачастую горит и дымит, подвергая опасности окрестные селения!

Из письма наркома внешней торговли Л.Б. Красина жене Любови Васильевне Миловидовой-Кудрявской-Окс-Красиной (которую он вместе с «общими дочерьми» – Екатериной, Людмилой и Любовью отослал за границу еще в июне 1917-го в связи с «нестабильным положением» в России*) от 10 августа 1923 г. следует, что контакты старых знакомых не прекратились и при большевиках:

Я живу по-старому. Работы немного стало поменьше, и на воскресенье и понедельник этой недели я ездил к Классону на Электропередачу. К сожалению, оба дня лил проливной дождь, и мы, походив, наподобие мокрых куриц, по болоту, должны были убраться восвояси и засесть за канцелярскую работу или за чтение. Лето из рук вон плохое.

Напомним, что эти письма хранятся в Международном институте социальной истории (Амстердам) и были введены в российский документооборот историком Ю.Г. Фельштинским в 2002 году. Интересно сопоставить два сюжета. Первый сюжет начался в августе 1923-го. Р.Э. Классон и Зав. Электротехническим Отделом Б.В. Мокршанский направили в Главэлектро ВСНХ следующую «телегу»:

Препровождая при сем копию нашего письма на имя Московского Отделения Петроградского Эльмаштреста, считаем необходимым обратить Ваше внимание на цены трансформаторов русских и шведских производств. Стоимость трансформатора [мощность] 1 500 ква в Швеции составляет 4 000 руб. золотом.

Стоимость изготовления такого же трансформатора в России на русских заводах составляет 27 000 руб., т.е. почти в 7 раз дороже. Если принять расходы по Торговому Представительству 25% – 1000 рублей и пошлину в 3 500 рублей и все прочие расходы по провозу трансформатора из Швеции в Москву, то стоимость его оказывается приблизительно равной 9 100 рублям золотом. Т.е. в три раза дешевле, чем в том случае, если бы трансформатор был изготовлен в России.

* Со своей будущей женой Любовью Васильевной Миловидовой Леонид встретился в студенческой среде в 1890 году. Они очень подружились и полюбили друг друга. Пожениться, однако, они не могли, ибо это неизбежно сопровождалось бы появлением детей, что в расчеты Леонида совсем не входило. Брак их тогда так и не состоялся благодаря начавшимся для брата тюремным и прочим мытарствам. <...> Любовь Васильевна вышла замуж за Кудрявского, уехала за границу и через несколько лет мы с братом потеряли ее из виду. Наконец в 1902 или 1903 году мы получаем однажды письмо от Леонида, в котором он со свойственным ему милым добродушием пишет из Крыма, что встретился там с Любой и что у нее трое детей, из которых два уже «оксовой породы» (Любовь Васильевна разошлась с Кудрявским и была тогда за В.Б. Оксом). Вскоре после этого Любовь Васильевна вышла за Леонида. Достоинно примечания, что официальная их свадьба (для урегулирования юридического положения [собственных троих] детей) произошла только через 25 лет после их знакомства, причем свидетелями и шаферами были тогдашние их сподвижники-друзья – М.И. Бруснев и я. – Из воспоминаний брата Германа Красина

Пропуская возможную переписку Гидроторфа с «инстанциями» в последующие месяцы-годы по поводу «дорогого Эльмаштреста», приведем еще одну «телегу», уже за ноябрь 1925-го, которую отправил Зав. Технической Частью Гидроторфа П.Н. Ефимов (с визой Р.Э. Классона) в Главэлектро ВСНХ:

Препровождая при сем вырезку из Торгово-Промышленной газеты со статьей относительно выполнения заказов ГЭТом, считаем своим долгом поставить Вас в известность о нижеследующем. Мы чрезвычайно опасаемся за судьбу переданных ГЭТу заказов на некоторые предметы электрического оборудования Чернораменского хозяйства.*

В свое время (август 1925 г.) мы возбудили перед Главэлектро вопрос о разрешении нам, в интересах своевременного изготовления оборудования, заказать таковое за границей. Однако, ввиду того, что ГЭТ согласился гарантировать окончание заказа в апреле 1926 г., нам было отказано в выдаче лицензии на все оборудование, и мы были вынуждены заказать ГЭТу электромоторы 120 вольт, трансформаторы и пусковые ящики.

Необходимо отметить, что в случае неисполнения заказа в срок будет задержан пуск в ход значительной части оборудования болота, что поведет к уменьшению сезонной добычи и сокращению предполагаемого отпуска энергии Балахнинской Станции. Практически никаких гарантий относительно своевременности заказов ГЭТ нам не дал, так как пеня в ½% за неделю опоздания гарантией считаться не может, а уплату неустойки в 10% суммы заказа ГЭТ производит только после 4-х месяцев опоздания, т.е. по миновании надобности в этих предметах.

Прилагаемая статья, устанавливающая, что еще совсем недавно ГЭТ указал своему клиенту срок, который совершенно не соответствовал фактической возможности его осуществления, заставляет нас опасаться за то, что и в нашем случае сроки исполнения заказов были заявлены заводами ГЭТа без достаточных оснований.

Вместе с тем мы не можем не отметить, что из нашего заказа от 21/I-24 г. (Эльмаштресту) до сих пор не изготовлено 7 масляных выключателей, срок исполнения которого истекал еще 15 апреля 1924 года, т.е. более чем 1½ года назад. Несмотря на наши запросы мы до сих пор не можем получить от Завода ответа о том, когда же, наконец, исполнение вышеуказанного заказа будет закончено.

Все изложенное заставляет нас просить Вас принять все меры для того, чтобы ГЭТ на этот раз выполнил заказ, безусловно, без всякого опоздания.

А вот вопиющий пример даже не бракодельства, а самого настоящего вредительства на этом самом Эльмаштресте, которое становится известным из письма Р.Э. Классона от 1 июня 1923 года:

Мы получили от вас 5 моторов мощностью 120 сил на 730 оборотов. К сожалению, два из этих моторов уже выбыли из строя и попали в большой ремонт благодаря следующему, совершенно недопустимому с нашей точки зрения, обстоятельству. Подшипники моторов имеют, как Вам известно, пазухи, в которые наливается масло, подводимое вращающимся кольцом к валу в подшипнике. Оказалось, что в этих пазухах осталась формовочная земля, которая постепенно, под влиянием масла отделилась от чугуна, попала на вал, и подшипник заело.

* Государственный электротехнический трест, прежнее название – Эльмаштрест, который, как указывается в публикации Торгово-Промышленной газеты, сорвал выполнение заказа на электрооборудование для прядильного отдела Вознесенской прядильно-ткацкой фабрики.

На всех заграничных моторах эти пазухи продуваются песчаным дутьем и затем закрашиваются эмалевой краской. Так что там ни с одним мотором подобных явлений не было, хотя мы получили более сотни заграничных моторов. Мы со страхом ждем, что и на последующих Ваших моторах, которые все пущены в работу, окажутся те же дефекты.

Остановить же моторы и тщательно вычистить их мы не можем, так как производство у нас идет день и ночь, 24 часа в сутки, будни и праздники, а для вычистки пазух надо было бы совершенно разбирать моторы. Мы и так уже потеряли значительное количество [недобытого] торфа благодаря повреждению этих двух моторов, вызвавшему остановку на целые сутки каждый раз двух торфососов.

Мы позволяем себе обратить Ваше внимание на это обстоятельство, которое совершенно дискредитировало работу русских заводов.

А теперь приведем информашку из парижских «Последних Новостей» от 9 февраля 1926 года (перепечатанную, понятно, из советских газет):

Панама в Эльмаштресте

После 17-дневного разбирательства вынесен приговор по делу о хищениях в Эльмаштресте. Бывший заведывающий отделом снабжения Уваров приговорен к расстрелу с конфискацией всего имущества. Бывший заведывающий кабельным отделом треста Шмидт, помощник заведывающего отделом снабжения Соколов и заведывающий хозяйственной частью завода «Севкабель» Агапов приговорены к 10 годам заключения. Остальные [сотрудники-ворюги] – к тюрьме на разные сроки.

На наш пристрастный взгляд – все это звенья одной цепи: беспардонного воровства, коррупции, разгульной жизни «новых хозяев жизни – коммунистов» и небрежной, даже наплевательской деятельности рабочих и мастеров.

В конце августа 1923-го Ответственный Руководитель Гидроторфа отчитывался перед МОГЭС за прошедшую на «Электропередаче» торфяную кампанию:

Сезон 1923 года прошел для Гидроторфа на Электропередаче при крайне неблагоприятных климатических, трудовых и финансовых условиях, вследствие чего программа на 1923 год (6 миллионов пудов по определению Госплана и ГУТа) не была полностью выполнена.

А именно добыто было 5,5 миллионов пудов, хотя оборудование давало полную возможность добыть 7 миллионов пудов, на какое количество Гидроторф и заключил договор с МОГЭСом. Главные причины этому следующие.

Благодаря очень поздней весне к работе можно было приступить только около 20 мая. Если бы Гидроторф располагал обученным персоналом, то с первого же дня можно было начать работу полным ходом, так как уже 25 мая в работе были все 10 кранов.

К сожалению, весь обученный в прошлом году персонал и мотористы, приученные к обращению с паровыми и электрическими кранами, были нами уволены зимой за отсутствием денег, и когда часть этих мотористов явилась весной, мы не могли их принять, так как [Богородская] Биржа Труда требовала приема мотористов в очередь. Несмотря на наши протесты Биржа Труда снабдила нас 120 чел. мотористов совершенно невежественных, из которых большинство никогда не видело машин и только около 18 человек старых мотористов нам удалось провести через Биржу. Таким образом, мы начали сезон с совершенно невежественным персоналом на кранах.

Весь персонал при торфососе состоит из двух неквалифицированных рабочих, стоящих на брандспойтах (с этими все было благополучно, так как работа очень проста), и двух квалифицированных мотористов, из которых один стоит на торфососном кране, а другой на пеньевом кране.

Кроме того, нужны были толковые мотористы для насосов высокого давления и для торфяных насосов. Таким образом, центр тяжести производства лежит не в черно-рабочем персонале, который совершенно ничтожен и может быть обучен в течение одного-двух дней, а в квалифицированном персонале, управляющем сложными и дорогими кранами. Эти мотористы, по своему глубокому невежеству и незнакомству с механическим оборудованием, причинили нам чрезвычайные хлопоты и ввели нас в большие убытки, так как при всем своем старании и добросовестном отношении к труду, которое мы вполне признаем, они никак не могли быстро освоиться с незнакомыми механизмами и то и дело портили их, включая, например, моторы не в том порядке, как следует, или ломая механизмы по непониманию их значения и свойств.

Весь май и июнь вся работа высшего технического персонала Гидроторфа сводилась к обучению мотористов. Но несмотря на огромные затраченные усилия работа шла крайне медленно и сопровождалась порчей и гибелью целого ряда моторов, машин и аппаратов. Одних только больших электрических моторов было затоплено и сожжено 7 штук.

Далее в письме разбиралось влияние на добычу гидроторфа, его разлив и сушку следующего неблагоприятного обстоятельства: «<...> В конце июня наступили исключительные, небывалые дожди, продолжавшиеся до середины августа, то есть как раз до конца сезона Гидроторфа».

И делался такой вывод:

Гидроторф может работать во всякую погоду, но при обязательном условии наличия достаточного, вернее даже избыточного, количества полей стилки. Так как стоимость подготовки полей стилки составляет около 10% стоимости оборудования добычи торфа на данном болоте гидравлическим способом, то увеличение количества полей на 30-40% не вызовет чрезмерных расходов и потому в будущем надо готовить поля с очень большим запасом. При этих условиях можно быть уверенным в том, что климатические влияния не отразятся на добыче торфа гидравлическим способом.

Изобретатели, наконец-то, почти до конца изучили «загадочно подлую природу торфа», в том числе и гидроторфа. (Подобное выражение, правда, было использовано Р.Э. Классоном лишь в 1925-м: «Торф – такой загадочно подлый материал, что в нем никогда нельзя быть абсолютно уверенным».)

И, как говорится, тут бы Гидроторфу и развернуться в Центральной России, при постоянно снижающейся финансовой поддержке со стороны государства, но все это было похерено, как мы увидим в дальнейшем, по разным – идеологическим, «бухгалтерским» причинам, из-за административного зуда большевиков и так далее. В частности, Гидроторф вместо планировавшихся 11 миллионов (кроме «Электропередачи», еще под Сормовом и Ярославлем) добыл за сезон 1923-го всего 7,3 миллиона пудов.

В конце августа Р.Э. Классон уехал в отпуск, за границу. И в его отсутствие «итальянские забастовки» рабочих (упоминавшиеся в вышеприведенном письме в МОГЭС за 21 августа 1923 г. *) из-за существенного недофинансирования переросли уже в полноценные отказы трудиться.

* Немалую роль в числе неблагоприятных факторов этого года сыграло также совершенно неудовлетворительное финансирование – жалование за июнь было выплачено только в конце июля и начале августа, что влекло за собой итальянские забастовки торфяного персонала и крайне вредно отражалось на темпе работ в июле месяце. Только уплата части денег перед концом июля дала возможность провести большую трехдневную работу 29-31 июля.

Из сентябрьских отчаянных писем и.о. Ответственного Руководителя Гидроторфа В.Д. Кирпичникова в инстанции:

Финансовое положение Гидроторфа стало невозможным. В Ярославле с 17 сентября торфяницы не выходят на работу. Вчера всеми рабочими Яргидроторфа совместно с Союзом Горнорабочих должна была быть объявлена общая забастовка. На «Электропередаче» с 20-го не вышли на работу торфяницы с двух участков, так как еще не уплачено жалование за август. В тот же день забастовали рабочие завода по обезвоживанию и прекратили работу канавщики. В Богородске назначен суд над Гидроторфом за невыплату удержаний с зарплаты.

Задолженность каждый день возрастает. <...> Гидроторф должен сжать свой аппарат, но не может это сделать за отсутствием денег. Гидроторф не может сейчас ни работать, ни прекратить работу и распустить часть рабочих.

<...> Вследствие урезки Наркомфином втрое кредитов Гидроторфа и неуплаты в срок рабочим на разработках при «Электропередаче» и Ярославских уже начались забастовки. На место выехали представители Профсоюзов и Г.П.У. Прошу срочного распоряжения и ответа на мое письмо [на имя А.И. Рыкова].

В октябре 1923-го изобретатели были награждены «Дипломом признательности» от Главного Выставочного Комитета проходившей в сентябре в Москве Первой сельскохозяйственной и кустарно-промышленной выставки.

Награда была выдана «за изобретение торфяной машины и ее усовершенствование, дающее возможность механизации процесса торфодобывания и в частности отгонки пней в жидкой торфяной массе, благодаря которой машина может быть поставлена на одно из видных мест в ряду существующих машин этого рода».

По этому поводу газета «Рабочая Москва» откликнулась восторженной статьей – «Гидроторф на выставке» (где не было ни слова про одновременно проходившие забастовки):

В Советской России техника торфяных разработок шагнула очень далеко. Изобретенная русскими инженерами торфососная машина позволяет увеличить выработку торфа до гигантских размеров.

* Вот как описывал эту «ярмарку большевистского тщеславия» берлинский «Руль» в заметке от 4.9 1923 г.:

Всесоюзная выставка (Варшава, Русспресс)

Лицо, прибывшее из Москвы, поделилось с сотрудником варшавского отделения Русспресса своими впечатлениями от московской сельско-хозяйственной «всесоюзной» выставки.

Внешнее впечатление от выставки – грандиозность и неоконченность. Зданий возведено много, но непрочность построек бросается в глаза. Главным устройством выставки и героем дня является Брагин, еще недавно – незначительный член еврейской секции РКП, а теперь – видный «советский деятель».

Выставка создана большевиками, чтобы «пустить пыль в глаза» иностранцам. Цель эту едва ли можно считать достигнутой. Иностранные экспонаты, за исключением германских, небогаты, а советские – не выдерживают критики. На выставке представлено, в сущности, то, что уцелело в России от 5-летней разрушительной деятельности большевиков. Плакаты во всю стену, размалеванные вывески занимают на выставке почетное место. Еще больше на выставке ресторанов, открытых сцен и т.п. увеселительных заведений. Встречаются и курьезы. Так, в отделе «готового крестьянского платья» висят фраки и смокинги явно не советского производства. Местные павильоны производят жалкое впечатление.

В отделе сельско-хозяйственной промышленности нет ни одной сельско-хозяйственной машины, построенной в России. Зато стоит привезенный из-за границы трактор, окруженный картинами, изображающими «развитие тракторного дела в сов. России». В том же павильоне висит большая фотография, изображающая одесский завод сельскохозяйственных машин [бывшего его владельца Иоганна] Гена... до пожара, уничтожившего его в 1919 году. <...>

А в московском репортаже корр. того же агентства Русспресс в «Руле» за 25.9 1923 г. приводился такой поразительный факт: «Много говорят о том, во сколько обошлась выставка. Говорят, что на нее истрачено уже 50 млн. золотых рублей, а предполагается истратить еще 40 млн».

Диплом признательности инженерам Р.Э. Классону и В.Д. Кирпичникову

<...> Эти же машины позволили увеличить производительность и каждого отдельного рабочего. Если в 1921 году на долю одного рабочего приходилось 7 300 пуд. выработки, то в 1923 г. выработка поднялась до 16 000 пудов.

<...> Отрадно узнать, что все оборудование этих гигантских машин изготовлено и построено исключительно на русских заводах. Металлические части – на заводе «Серп и молот», двигательные – на заводе имени Владимира Ильича (б. Михельсона). Чудовищная по внешности торфососная машина благодаря особо придуманной конструкции, оказывается, имеет вес около 800 пуд., помещенная на гусеничных ходах, она с легкостью грузового автомобиля передвигается в любом направлении. Эта машина при благоприятных условиях вырабатывает в течение летнего сезона (т.е. 90 дней) свыше 1 млн. пудов воздушно-сухого торфа <...>.

Сопоставление этих двух событий – замолчанные советской печатью забастовки торфяников и торфяниц, с вмешательством ГПУ, и восторженное описание работы торфососной машины Гидроторфа на выставке – со всей очевидностью показывают, насколько лживой была пафосная большевистская пропаганда!

В конце 1923-го Гидроторф подвел не очень радостные итоги своей деятельности за последние годы, после выхода постановления Совнаркома от 30 октября 1920 г. В материале «Краткие исторические данные о развитии Гидроторфа» (ф. 758 РГАЭ) приводились такие данные о госфинансировании:

С момента образования Гидроторфа до его перехода на хозяйственный расчет, то есть до 1 апреля 1923 года, финансирование Гидроторфа шло за счет государственного бюджета. Гидроторфу неоднократно ассигновывались большие денежные средства, однако никогда ассигнования эти полностью не выдавались. Утверждались широкие производственные программы, в рамках которых разворачивались работы, затем финансирование прерывалось и работы приходилось или свертывать в обстановке денежного кризиса или совсем приостанавливать. Такое положение повторялось из года в год и сильно мешало нормальному развитию дела.

<...> К моменту перехода Гидроторфа на хозрасчет от Государства им было получено всего 2 370 000 руб. и некоторое количество продовольствия и материалов натурой в 1920-м и 1921 годах. Кроме того, Гидроторфу были ассигнованы на покупку в Германии оборудования и опытных машин для завода по обезвоживанию золотые кредиты в сумме 1 420 000 руб. зол. Некоторая часть (около 5%) заграничных машин не получена еще до сих пор. Следовательно, всего Гидроторфом получено от Государства по 1 апреля 1923 г. около 3 790 000 руб.

<...> Согласно постановления СТО на хозрасчет переведена лишь эксплуатационная часть Гидроторфа, опытная же часть со строящимся заводом для искусственного обезвоживания оставлена на госбюджете. На этом основании обе части в [бухгалтерском] балансе резко разграничены. Как видно из баланса, к моменту перехода Гидроторфа на хозрасчет его основной капитал в виде строений, оборудования, инвентаря и прочего выражался в сумме 3 479 984 руб.

Значит, все огромные средства, что предприятие получило от государства, материализовались в солидных активах. Плюс немалые объемы торфа по воле государства были переданы энергетикам по цене ниже себестоимости:

Торф выработки 1921 года был сдан Гидроторфом потребителям в порядке госснабжения. Торф выработки 1922 года сдан так же госпотребителям по твердым плановым ценам, бывшим ниже себестоимости. В 1923 году Гидроторфом была реализована продукция 1922 года по цене, установленной Госпланом в 8,5 копеек франко-склад потребителя. Всего от реализации было выручено 193 000 тов. рублей и из этих средств была покрыта полностью ссуда Госбанка, полученная летом 1922 года.

Выходит, Гидроторф был бы, при динамичном его развитии, вполне прибыльным предприятием? Тогда вполне оправданными можно считать перспективные планы, которые приводятся в том же материале «Краткие исторические данные о развитии Гидроторфа» – по финпланам на 1923/24, 1924/25, 1925/26, 1926/27 операционные годы? В последний намеченный по финплану год Гидроторф надеялся работать на 28 комплектах машин с производительностью каждого комплекта в 1,5 млн. пудов. Т.е. добыча за сезон 1926 г. могла составить 42 млн. пуд. при себестоимости 5 коп./пуд. В заключение авторы «Кратких исторических данных о развитии Гидроторфа» делали смелые обобщения:

Анализируя помещенные выше финансовые планы за пятилетний период, приходим к следующим выводам:

а) каждое новое техническое достижение Гидроторфа и налаживание его работы повышает производительность одного агрегата машин до размеров, о которых ни один вид современных методов торфодобычания не может и мечтать;

б) неизменно из года в год понижается себестоимость добычи торфа – уменьшение персонала при увеличении добычи;

в) переход уже с 1925/26 операционного года на полную самокупаемость, когда в результате работ ожидается уже крупный остаток [денег в балансе] в сумме до 500 000 рублей, в 1926/27 операционном году этот остаток уже вырастает до цифры, когда является возможность приступить к возвращению ссуд Государства, выданных Гидроторфу [под 3% годовых] в сумме до 1 500 000 рублей.

Таким образом, к концу 1927 года Гидроторф вырастает уже в предприятие, добывающее приблизительно около $\frac{1}{2}$ общероссийской добычи торфа в настоящее время. В это время количество добываемого торфа будет настолько значительно, что им может быть целиком удовлетворена потребность в торфе основных потребителей Гидроторфа в данное время – станции «Электропередача», Нижегородской станции, Сормовского завода и строящейся [под Ярославлем] Ляпинской станции.

В конце октября 1923-го Р.Э. Классон вернулся из отпуска. Однако ему пришлось заниматься не «светлыми перспективами», а «мрачными реалиями». Из его циркуляра на завод им. Владимира Ильича (б. «Русская Машина»):

Ввиду отсутствия средств и сокращения программы работ Гидроторфа предпринято снятие Машиностроительного Завода имени Владимира Ильича с финансирования его Гидроторфом.

Так как решение будущей судьбы завода может затянуться на продолжительное время, а Управление Гидроторфа уже сейчас не имеет денег для финансирования его, предлагается в ближайшие дни выработать временное положение о переводе завода на хозяйственный расчет при оставлении его в ведении Гидроторфа.

6 ноября Ответственному Руководителю Гидроторфа пришлось отправить телеграмму и в Берлин: «*Große Schwierigkeiten eingetreten bitten Bogomoloff Efimoff Urlaub abkürzen baldmöglichst rückkehren. [(Наступили большие затруднения. Просим Богомолова и Ефимова сократить отпуск и вернуться в возможно скором времени)]*».

Эти сотрудники, как становится ясным из распоряжения В.Д. Кирпичникова от 10 октября 1923 г., были отправлены в загранкомандировку: «Немедленно выдать В.И. Богомолову и П.Н. Ефимову по 350 руб. золотом под отчет на расходы по командировке за границу для ознакомления с новейшими методами добычи торфа, в том числе с установкой добычи торфа гидравлическим способом в Германии».

И «большие затруднения» теперь стали преследовать Гидроторф и его сотрудников неотступно...

Из циркуляра Р.Э. Классона за 8 ноября: «Ввиду сокращения кредитов и в связи с этим сокращения деятельности Управления Гидроторфа штат Гидроторфа по Управлению должен быть немедленно, во всяком случае не позднее 15 ноября с/г., сокращен на 50%».*

* В целях экономии (Рига, 3 апреля, соб. корр.)

Экономическое совещание при Госплане, в целях сокращения расходов по содержанию администрации в предприятиях государственной трестированной промышленности, постановило уменьшить на 50% личный состав правления трестов и постепенно ввести единоличное управление делами трестов.

Газета «Дни» (Берлин) от 6 апреля 1923 г.

Постановлением №378/328 заседания ВСНХ СССР от 19 декабря 1923 г. Управление Гидроторфа тоже будет реорганизовано в объединение (трест) по добыче торфа гидравлическим способом.

Из газеты «Последние Новости» (Париж) от 11 января 1924 г.:

Сокращение числа гос. служащих

Законами 31 декабря 1921 г. и 30 июня 1923 г. предусмотрено было сокращение числа гос. служащих на 65 000. По официальным сведениям, число гос. служащих, уволенных в течение 1922 и 1923 г.г., превышает даже цифру, предусмотренную указанными законами, достигая 68 100.

Начиная с октября 1923-го множество материалов Гидроторфа стал требовать Экономический отдел ГПУ. В архивных документах то и дело попадаются справки, отправлявшиеся на имя следователя тов. А.Б. Калецкого (Мал. Лубянка, 2, 3-й этаж, комн. 39).

В начале ноября 1923 г. Р.Э. Классон и В.Д. Кирпичников отправили Управделами СНК СССР Н.П. Горбунову письмо «с просьбой не отказать переслать прилагаемый при сем экземпляр книги «Гидроторф» Председателю Совнаркома тов. Владимиру Ильичу Ленину».

Эту книгу изобретатели подписали так:

30/Х 23. Владимиру Ильичу Ленину. Сегодня ровно три года, что Вы заинтересовались нашими работами по Гидроторфу и взяли его под защиту. Сейчас производство Гидроторфа может быть поставлено в любом промышленном масштабе, и этим мы обязаны в первую очередь Вам. Мы это помним и благодарим.

Однако после диктовок урывками «Письма к съезду» в декабре 1922-го – январе 1923-го и записки (опять же под диктовку) И.В. Джугашвили-Сталину в марте 1923-го о грубости последнего в отношении Н.К. Крупской В.И. Ульянов-Ленин уже больше ничего не мог диктовать, а читать – лишь сильно выборочно. А 6-10 марта припадки в связи с повторным инсультом привели к полной потере речи и полному параличу правых конечностей... 17 марта он даже попросил у жены, по-видимому жестами, порцию цианистого калия.

Хотя 18 января 1924 г., в последний день работы XIII партийной конференции, на ней были озвучены слова Н.К. Крупской (которая не смогла приехать из Горок): «...Выздоровление идет удовлетворительно. Ходит с палочкой довольно хорошо, но встать без посторонней помощи не может... Произносит отдельные слова, может повторять всякие слова, совершенно ясно понимая их значение... Начал читать по партдискуссии. Прочитал речь Рыкова и письмо Троцкого». (Дмитрий Волкогон. Ленин)

Так что послание изобретателей гидроторфа осталось, скорее всего, без прочтения и наверняка без ответа... В то же время «Биохроника Ленина» отмечает определенную его читательскую активность в рассматриваемое нами время: например, 1 ноября он запрашивает газету «Дни» от 23 октября (эмигрантскую из Берлина!), №6-7 журнала «Заря» (Берлин), журнал «Звезда»; 8 ноября, выполняя поручение Ленина, библиотекарь Ш.М. Манучарьянц направляет в президиум Социалистической академии общественных наук ряд номеров газеты «Рабочий край» (Иваново-Вознесенск), в президиум ГПУ — №6-7 журнала «Заря», книгу И.Г. Эренбурга «Трест Д.Е. История гибели Европы» (Берлин, 1923) и сборник № 2 «Окно».

20 ноября В.И. Ульянов-Ленин запрашивает часть 2 тома XVIII своего Собрания сочинений (М., 1923), М.Е. Салтыкова-Щедрина «Сказки», А.П. Чехова «Рассказы», тома 1 и 2 М. Адлера «Марксизм, как пролетарское учение о жизни» (М., 1923) и № 8-9 журнала «Под знаменем марксизма».

Здесь для нас интересно не только то, что изобретатели гидроторфа помнили о существенной материальной поддержке их начинания со стороны председателя СНК, но и весьма элегически подвели итоги своей работы. Последнее было отражено Р.Э. Классоном и В.Д. Кирпичниковым в следующем предисловии к книге «Гидроторф»:

Если бы вопрос о том, чему равно дважды два, затрагивал личные интересы группы людей, то он, вероятно, до сих пор не был бы решен единогласно.

Эпиграф, взятый нами для книги, может показаться странным – описывается история технического совершенствования торфодобычания и замены ручного труда механическим. Между тем, как это ни странно, вопрос этот возбудил страсти и разделил торфяных техников и торфяной мир на два не только строго отдельных, но и явно враждебных лагеря...

Безусловно, защищать старый способ, требующий огромного количества физического труда, становящийся с каждым годом менее производительным благодаря упорному сокращению сезона со стороны торфяников, техники Цуторфа все-таки не решаются.

Попытки механизировать торфодобычу другими способами, кроме гидравлического, пока ни к чему не привели в России, изобилующей болотами, сильно пнистыми; и все же новый способ встречает ожесточенные нападки. Ничем другим, как вышеупомянутым эпиграфом, объяснить этого, вероятно, нельзя.

Мы извиняемся перед читателями за невольный полемический тон в некоторых местах книги, но сейчас идет нечто вроде «войны Алой и Белой розы», и еще не настало время для спокойной исторической оценки произведенных работ.

Если мы тем не менее решаемся теперь предать гласности все наши работы, то это объясняется тем, что за обилием впечатлений последних лет все труднее становится вспоминать прежнее; между тем, история развития Гидроторфа в течение восьми лет не лишена интереса, так как она совершенно не носит характера обычного изобретения, когда у изобретателя мелькнет мысль и он ее непосредственно превращает в жизнь. Здесь, наоборот, изобретения делались лишь тогда, когда существующие в технике машины оказывались неприменимыми.

В общем же путем упорного труда и непрерывного совершенствования машин осуществлен механический способ торфодобычи, всецело разработанный группой русских инженеров, работавших в чрезвычайно тяжелых условиях военного и революционного времени, при которых приходилось иногда строить целые машины из дерева за отсутствием железа и от руки изготавливать такие механизмы, которые на Западе, конечно, изготавливаются массовым способом.

Мы хотели сохранить для истории музей наших машин, иллюстрирующих постепенное развитие и совершенствование отдельных механизмов, но, к сожалению, полное отсутствие железа в 1919-1920 годах заставило нас разрушить некоторые из ценных в историческом отношении машин, с тем чтобы получить несколько кусков железа, нужного для новых машин.

Поэтому музей полностью в натуре осуществлен быть не может и его должна заменить эта книга, которую мы издаем в тот момент, когда Гидроторф совершенно окреп и может быть развернут в любом промышленном масштабе.

В ноябре же 1923-го Р.Э. Классон попал было под уголовное разбирательство по линии ГПУ! Это стало известно из его письма заместителю председателя ВСНХ РСФСР П.А. Богданову:

<...> 14 ноября с/г я был вызван к следователю Экономического отдела ГПУ, и мне было объявлено, что я, как и мои товарищи по Управлению Гидроторфа, привлекаюсь по ст. 110 Уголовного Кодекса и обвиняюсь в бесхозяйственном ведении дела Гидроторфа*.

* На ресурсе (49e.ru/ru/2014/1/11) можно узнать о грозивших Роберту Эдуардовичу суровых карах:

<...> Наряду с ранее названными составами, устанавливающими уголовную ответственность за превышение власти, УК 1922 г. содержал еще один – «альтернативный» состав. Ст. 110 предусматривала ответственность за «злоупотребление властью, превышение или бездействие власти, халатное отношение к службе...», которое наказывалось **лишением свободы на срок не ниже пяти лет со строгой изоляцией, а при особо тяжких обстоятельствах – высшей мерой наказания**. Разграничение ст. 110 с основным составом [ответственности за превышение власти] проводилось по признакам объективной стороны: ст. 110 предусматривала обязательное наступление последствий в виде «расстройства центральных или местных хозяйственных аппаратов производства, распределения или снабжения, или расстройства транспорта, заключение явно невыгодных для государства договоров и сделок, или всякий подрыв и расточение государственного строя в ущерб интересам трудящихся».

Сущность обвинения заключается в том, что Гидроторф систематически, особенно летом, запаздывал с выдачей заработной платы, задерживая выдачу на продолжительное время, что вызвало недовольство и волнения среди рабочих, и в то же время Гидроторф купил 4 легковых и 1 грузовой автомобиль. В этом усмотрено халатное отношение к обязанностям и непроизводительная трата народных денег.

При этом указывалось, что, если бы автомобили не были приобретены, то на эти деньги можно было бы удовлетворить рабочих и предупредить волнения. Затруднения с деньгами у нас, действительно, происходили и происходят хронически и объясняются несвоевременным получением денег из Наркомфина, о чем мы неоднократно доводили до сведения ВСНХ и других высших органов.

Как это обвинение в покупке автомобилей, так и второе, что мы строили дома для инженеров [на торфоразработках], я не считаю основательными. <...> Но так как моя деятельность признана не только неправильной, но и преступной, а я и впредь мог бы совершать такие же с моей точки зрения целесообразные, но не целесообразные с точки зрения контролирующих органов действия, то я прошу Вас освободить меня от всех административно-хозяйственных функций, сохранив за мной дальнейшую техническую работу в Гидроторфе. <...> (в ф. 758 «конфиденциальное» письмо отсутствует, а находится в личном фонде Классонов – ф. 9508 РГАЭ)

П.А. Богданов попытался успокоить вполне закономерно разволновавшегося Роберта Эдуардовича:

<...> В ответ на Ваше заявление сообщаю, что мною предприняты все необходимые шаги, чтобы течение дела приняло наиболее безболезненный характер. Надеюсь, что нам удастся обеспечить Вам и в дальнейшем нормальные условия работы.

Поэтому прошу в настоящий момент не давать хода Вашему заявлению о сложении с себя административных функций по Гидроторфу и МОГЭС-у и продолжать работу по-прежнему. Один факт привлечения за несвоевременную выплату зарплаты – вопрос, по которому сейчас привлекается целый ряд наших хозяйственников, – никоим образом не лишает Вас доверия со стороны руководящих государственных органов.

Из приложения к письму Р.Э. Классона становится вполне ясной его аргументация.

Итак, Гидроторф приобрел в 1922/23 г. пять новых автомобилей. До этого было одиннадцать старых машин, крайне неэкономичных, полученных в свое время большею частью бесплатно. Содержание этих автомобилей требовало огромных расходов на ремонт и материалы, и, когда Гидроторф получил валюту для приобретения за границей оборудования, то в числе других заказов были закуплены один грузовой и два легковых автомобиля, главным образом, для сообщения с Электропередачей. За эти три машины было уплачено за границей, и, конечно, поясняет Р.Э. Классон, из Берлинского торгпредства нельзя было перевести деньги для расплаты с рабочими в СССР. Еще два автомобиля (Хорьх) Гидроторф закупил в Центросоюзе за 18 000 червонных рублей.

Эти комфортабельные легковые автомобили (которые после второй мировой войны стали выпускать под маркой Ауди) были так же предназначены главным образом для сношения с Электропередачей. А грузовик в 1923-м сделал 36 поездок на Электропередачу и перевез наиболее спешные сезонные грузы. В итоге вместо старого гаража с одиннадцатью машинами и персоналом в тридцать человек (которые в основном занимались ремонтом) появился новый гараж Гидроторфа с пятью машинами и девятью механиками-шоферами. А вот, что касается задержек с зарплатой и «вины нового гаража»:

Если бы 2 автомобиля, купленные у Центросоюза, не были приобретены, то в распоряжении Гидроторфа было бы лишних 18 000 руб. плюс 2 406 руб., которые были истрачены на пошлину и провоз двух купленных за границей легковых автомобилей.

Утверждение, что этой суммы было бы достаточно, чтобы вывести Гидроторф из затруднения и предотвратить все опоздания в выплате заработной платы, несостоятельно. В течение только трех летних месяцев – июнь, июль и август заработной платы по трем хозяйствам Гидроторфа, по Управлению и Заводу имени Владимира Ильича уплачено свыше 860 000 червонных рублей. Если же считать заработную плату в течение всего года, то она выразится в сумме свыше 1¾ миллиона червонных руб.

Можно быть того или другого мнения о необходимости пользоваться автомобилями вообще, но ясно, что отказ от покупки 2-х автомобилей стоимостью 18 000 руб. никоим образом не повлиял бы заметно на задержку в выплате заработной платы. Задержки эти всегда выражались [многими] десятками тысяч рублей.

Еще Р.Э. Классону вменялось в вину строительство скромных, служебных домиков на торфяном болоте, которое должно было питать топливом будущую Нижегородскую электростанцию. Вот как он аргументировал это обстоятельство:

Болота расположены вдали от жилья, и мы считаем крайне целесообразным, чтобы весь персонал от низшего до старшего жил непременно на болоте. Поэтому сначала строились дома для рабочих, а затем дома для инженеров, и постройку последних домов я считаю безусловно необходимой. Работать без инженеров рабочие не могут, особенно в таком новом деле как Гидроторф. Дома все эти скромные, без излишней роскоши. И, например, на Чернораменском болоте дома для рабочих давно выстроены, а из двух домов для инженеров второй все еще не окончен, и три инженера ездили летом за 6 верст, причем одна и та же лошадь всех троих привозила и увозила с болота. Кроме квартир для инженеров было указано также на выезды для старших служащих. Опять-таки, без лошадей работать нельзя. Так, Чернораменское болото расположено в 30-ти верстах от Н. Новгорода и в 6-8 верстах от г. Балахны.

И в заключительной части приложения к письму в ВСНХ РСФСР Р.Э. Классон вынужден был напомнить большевикам вроде бы совершенно очевидные вещи: «Я считаю безусловно необходимым для всякого крупного промышленного предприятия хорошие средства сообщения, без них я себе работы не представляю. Для меня вопрос об экономии времени и о целесообразном использовании, в частности, каждого инженера стоит на первом плане, и расходы, делаемые с этой целью, я считаю производительными».

Тем не менее, 20 ноября «проштрафившийся» Р.Э. Классон отправил циркуляр в Авточасть Гидроторфа: «С сего числа упраздняется персональное пользование автомобилями и воспрещается пользование машинами не для служебного пользования».

И далее внимательно следил за «новой точкой зрения» властей на персональные авто.

Из сообщения Ответственного руководителя Гидроторфа Зав. гаражем и Управлению Гидроторфа от 23 ноября 1923 года:

В газете «Правда» от 23/ХI-23 г. №266 напечатан целый ряд выговоров за незаконное пользование автомобилями, в том числе председателю Резинотреста Лежаве-Мюрат «объявляется строгий выговор с предупреждением за то, что будучи руководителем Резинотреста сосредоточил у себя 5 машин и развозил на них сотрудников на работу и с работы, тогда как последние могли бы пользоваться трамваями».*

* Заметка в берлинской газете «Руль» от 4 декабря 1923 г.:

Выговоры коммунистам

В советских газетах напечатаны выговоры центрального комитета РКП целому ряду своих членов.

Берзину Р.И., 35-ти лет, служащему, члену РКП с 1905 г., бывш. зам. нач. главного управления по топливу, находящемуся ныне в распоряжении ЦК РКП, объявляется строгий выговор с предупреждением за попытку сохранения автомобиля при переходе в другое учреждение.

Эйсмунту Н.В., 32-х лет, интеллигенту, юристу, члену РКП с 1907 г., члену юго-вост. бюро ЦК, за пользование без особой надобности протекционным вагоном для личных целей, провоз в нем лиц, ехавших по личным делам, и нетоварищеское обращение с членами партии объявляется строгий выговор.

Продолжение примечания

Дейчу, председателю камвольного треста, ставится на вид неправильное использование автотранспорта.

Лежаве-Мюрат, председателю Резинотреста, объявляется строгий выговор с предупреждением за то, что будучи руководителем Резинотреста, сосредоточил у себя 5 машин и развозил на них сотрудников на работу и с работы, тогда как последние могли бы пользоваться трамваями.

Странно, что Лежаве-Мюрату не объявлен выговор за его былую службу в охране.

Последний сюжет требует трудоемких архивных розысков: Валерия Исааковича Лежаву-Мюрата, уже беспартийного служащего, старшего инспектора при начальнике Главсевморпути, «Софья Власьевна» расстреляет в январе 1938 г. по обвинению в провокаторской деятельности до революции и участии в к.-р. террористической организации.

Кстати, слухи о «состоявшемся по случаю свирепой экономии прекращении особых вагонов» дошли и до наркома Л.Б. Красина, но он все же обещал жене Л.В. Миловидовой с детьми прислать свой вагон в Ригу, «и вы доедете до Москвы великолепно» (из его письма от 23 ноября 1923 г. из Москвы в Лондон).

Заметка в берлинской газете «Руль» от 6 декабря 1923 г.:

Автомобильная вакханалия

Коммунисты никак не могут успокоиться. Только что открылся новый фронт по борьбе с разездами ответственных работников на автомобилях. На улицах установлены контрольные посты из особо надежных членов РКП, которые проверяют личности пассажиров, едущих в автомобилях. Несколько дней проверки установили, по словам «Правды» (№260), «явные злоупотребления легковым транспортом» и «преступное отношение к государственным средствам со стороны тех, кто стоит во главе хозяйственных органов».

Таковы данные проверки:

Вот машина №3651 под управлением шофера Иванова-Серебрякова. Машина принадлежит всероссийскому спичечному синдикату. 4 октября на этой машине в Большой театр приезжает управделами синдиката Маневич с двумя другими гражданами. Та же машина приезжает поздно ночью за тем же Маневичем к Большому театру и отвозит его домой.

Машина №119 из гаража МКХ под управлением шофера Тонищева. Наряд дан на имя гр. Трофимова на свадьбу его сестры, ехало 7 человек.

Машина №3235 камвольного треста, шофер Смышляев. Пассажиры: инженер Рубянцева с женой и двумя детьми едут гулять.

Машина №1174 мясotrеста, шофер Соловьев. В машине сидят две дамы и двое мужчин с букетами в руках: Даниловский, Шкаликова, Шкаликов и Кацман.

Машина №1129 богородско-шелковского треста [хлопчатобумажных фабрик], шофер Кузнецов; пассажиры: инженер Шестаков, жена его, две дочери и прислуга едут гулять.

Машина №1560 газового завода, шофер Авгулис, пассажиры: жена инженера Иванова с двумя сестрами – на свадьбу брата.

Машина №456 об-ва «Кожсырье», шофер Бородулин, пассажиры – член правления Байтин и семья председателя правления Юрьева из пяти человек.

Машина №93 богородского кожевенного объединения, шофер Михайлов, пассажиры: директор объединения Равкинд и Муравьевский (Равкинд – владелец собственного завода, но машиной пользуется советской).

Машина №2293 Волго-Каспилеса, шофер Новиков, пассажиры: жена председателя Волго-Каспилеса с дочерью, ездили на вокзал, но без определенной цели.

Машина №1063 Моссукна, шофер Иванов, пассажир – жена директора фабрики, ездила на Плющиху к сестре.

Машина №1842 ВСНХ, шофер Дурнов, ехали артисты 3-й студии Художественного театра Долганов и Лязганская.

«Московское представительство Закавказских жел. дорог. Совершенно непонятно, для чего этому представительству нужен легковой автомобиль. Проверка показала, для чего. 5 ноября задержана машина №3269, шофер Данилов. Пассажиры – 6 девиц, все без документов. Никакого наряда нет. У шофера талонная книга нарядов имеется при себе, и он может выписывать наряды кому угодно. Все пассажиры были отправлены в 48-е отделение милиции для выяснения личности. В 3 часа ночи та же машина, с тем же шофером явилась в 48-е отделение милиции, чтобы развести задержанных девиц по домам».

Окончание примечания

“Пусть не думают, – говорит «Правда», – что только тресты и синдикаты повинны в таком безобразном отношении к использованию транспорта. Почти каждый наркомат попадает в этот контрольный список. На машине НКПС ([№]1154, шофер Байков) едут кататься; на машинах НКВД, на машинах РВС, ВСНХ и других ездят, кому не лень”. Газета отмечает, что «отдельные пассажиры выражают вслух свое неудовольствие этими мерами, высказывают, что они совершенно излишни, что «РКИ и ЦКК нечего делать», и потому они беспокоят столь важных персон и отрывают бесценные минуты у дорогих товарищей, останавливая их на три, на пять минут для проверки».

Упомянутый в циркуляре Р.Э. Классона от 23 ноября 1923 г. председатель Резинотреста В.И. Лежава-Мюрат в 1922 г. чуть было не загремел в тюрьму за взрыв парового котла (в очерке «Под большевиками», между прочим, приводится сюжет, как на «Электропередаче» кочегары тоже не следили за котлами, поскользнувшись, распивали чай):

Советский суд

В «Правде» (№268) Л. Сосновский печатает возмущенную статью под заглавием «День на суде», в которой между прочим следующим образом изображаются судебные порядки в сов. России и положение спецов:

“Особая сессия совнарсуда (на Б. Лубянке, 18) судила директора Резинотреста В.И. Мюрата, двух инженеров с завода «Богатырь» и кочегара того же завода. На заводе случилось несчастье: по недосмотру кочегаров сожгли паровой котел. За то, что сожжен котел, обвинялись инженеры и кочегар, а за увольнение виновных в аварии рабочих и мастера обвинялся директор треста.

Само по себе дело несложно. Когда директору треста донесли о происшествии, он распорядился кратко: выяснить виновных и уволить их с завода. За это он и привлечен. Инженеров же обвиняли в халатности и нерадивости, следствием чего был серьезный ущерб интересам государства. <...> Весь процесс произвел на меня самое тяжелое впечатление.

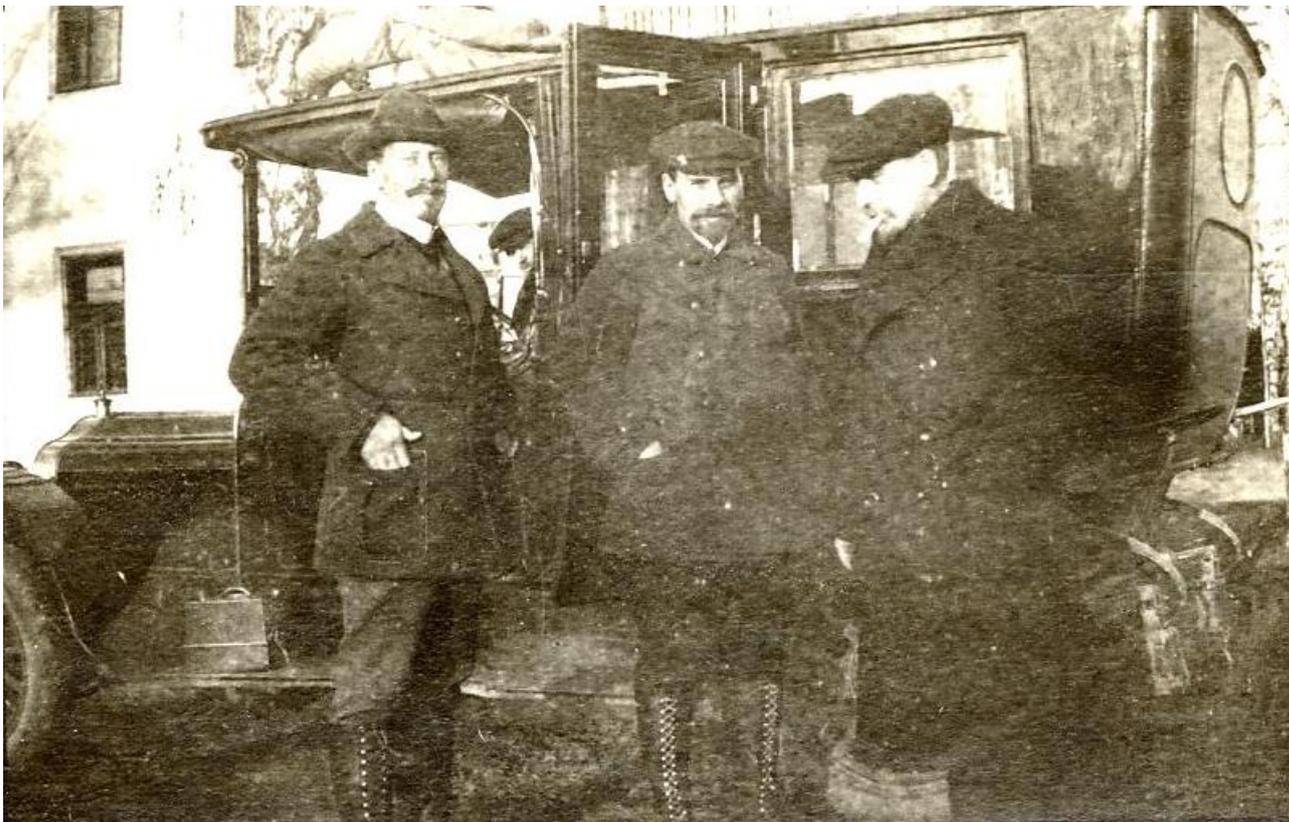
Тов. Мюрат был оправдан. Никакого суда не надо было, чтобы простой справкой в существующих декретах и положениях выяснить, что заводоуправление или правление треста имеет право уволить рабочего или служащего, соблюдая определенные правила. Зачем же нужен для этого суд? Всем известны новые правила заводоуправлений в деле приема и увольнения рабочих. То обстоятельство, что Мюрат оправдан, мало меняет дело. Он сидел на скамье подсудимых. Обращение с ним суда и обвинителя было как с преступником. Судья его обрывал, запрещал задавать вопросы, вообще, каждый раз давал почувствовать: ты подсудимый.

Но еще лучше прокурор. Оправдан будет подсудимый или нет – для него не важно. Он свое делает: глумится над ним как вздумается: «Зарвавшийся самодур, заключивший союз с враждебными нам элементами против рабочих... Такие администраторы нам не нужны и т.д.» Потихоньку спросил, как фамилия прокурора? Мне ответили: гражданин Ребрух. Как? Тот самый Ребрух, правый эсер, потрудившийся в меру сил над свержением большевизма на Кавказе. И он, хотя бы и раскаявшийся, уже допущен в государственные обвинители. И он мечет громы в лучшего из наших хозяйственников, поставившего резиновую промышленность на одно из первых мест Р.С.Ф.С.Р.

Ни судья, ни обвинитель не интересовались, в каком состоянии нашли подсудимые данную отрасль промышленности, до какого [образцового] состояния они ее довели, достигнуты ли ценные для республики результаты и каковы личные заслуги каждого подсудимого. Есть поговорка: «Победителей не судят». Подсудимый Мюрат объяснял суду свою политику так: «Выработка галош повышена в пять раз против прошлого года». Эти спецы ухитрились применять скверный подмосковный уголь – вместо 1 вагона [днепровского угля] в месяц целых 40 вагонов, сберегая тем самым ценное топливо. Они усовершенствовали тепловое хозяйство так, что сэкономили на топливе около 40 процентов.

До них распущенность в котельной была так велика, что инженер не смел носу показать в котельную, боясь получить поленом по голове. В котельную приводили женщин и устраивали чуть ли не публичный дом. Только эти инженеры установили некоторую дисциплину и порядок. Инженеры получили по одному году тюрьмы, с применением амнистии и освобождения от наказания. Кстати сказать, взрыв произошел от халатности кочегара, ушедшего самовольно из котельной без спросу котельного мастера, оказавшегося в момент аварии вне территории завода, тоже самовольно”.

«Руль» (Берлин), 7 декабря 1922 г.

*Р.Э. Классон (слева) отправляется на «Электропередачу»
в «хорошем средстве сообщения»*

Сообщая об этом Заведующему Гаражем, а также Управлению Гидроторфа, прошу служащих считаться с этой новой точкой зрения на пользование автомобилями и сделать из нее соответствующие выводы. До сих пор такое пользование автомобилями не считалось незаконным.

Но, по-видимому, эта точка зрения изменилась, и потому служащие, пользующиеся автомобилями незаконно с этой новой точки зрения, должны будут за это лично нести ответственность, так как ни гараж, ни кто-либо другой не может уследить за тем, действительно ли автомобили применяются только для служебных целей или же также и для личных. Тем более что и то и другое пользование очень тесно переплетаются, и постороннему трудно в нем разобраться и решить, к какой категории относится данная поездка.

Оставляем профессиональным историкам интереснейшую тему: исследовать кампанию ГПУ по привлечению к уголовной ответственности за несвоевременную выдачу зарплаты целого ряда хозяйственников в 1923-м и определить место этой кампании в череде будущих громких процессов, например «дела Промпартии».

Кстати, еще 9 июня 1923 года берлинская газета «Руль», ссылаясь на публикацию в «Экономической жизни» №119, сообщила о том, что Совнарком запретил государственным, общественным и частным учреждениям, а также частным лицам приобретать за границей легковые автомобили и запчасти к ним. Запрет был введен на год.

По-видимому, письмо Зам Председателя ВСНХ РСФСР П.А. Богданова в ОГПУ возымело свое действие, и чекисты отстали от Р.Э. Классона. По крайней мере, в 2008-м, отвечая на запрос автора о его желании ознакомиться с ленинградским уголовным делом на Павла Робертовича Классона, «органы» сообщили заодно, что «документальными материалами в отношении Классона Роберта Эдуардовича Центральный архив ФСБ России и Управление ФСБ России по Москве и Московской области не располагают».

В декабре 1924-го Роберт Эдуардович вернулся к этому, слава Богу, не ставшему громким процессом, «делу», опубликовав в газете «Экономическая жизнь» статью «О специалистах»:

В прошлом году в Гидроторфе, которым я заведу, был гараж из 11 старых, разбитых машин, требовавших огромного ремонта, много лишнего бензина и других материалов. Персонала при нем было 33 человека, и все же исправных машин было мало.

Я ликвидировал весь старый гараж, частично продав его, и устроил новый гараж из пяти новых машин при персонале в 9 человек; расходы сократились более чем вдвое.

Казалось бы, чего лучше! Но это именно только казалось. Контролирующие органы взглянули на это иначе: допытывались, «кто разрешил?», затем последовали обвинение, следствие и прочие неприятности. Правда, дело кончилось оправданием, но ведь в данном случае я считал и продолжаю считать себя совершенно правым, и тут даже не было ошибки, но таковая все-таки была усмотрена.

[Я своего мнения не переменял и опять повторил бы ту же операцию, считая себя безусловно правым. Но, с другой стороны, я ясно понимал, что, если бы я ничего не делал и оставил бы гараж в том виде, в каком он был раньше, то никакого обвинения не было бы, между тем морально я сам должен был бы себя обвинить].

Последний абзац при публикации статьи был опущен.

В ноябре 1923-го Р.Э. Классон отчитывался перед инстанциями за инновации, разработанные на заводе по искусственному обезвоживанию торфа.

Из этого отчета явствовало, что Гидроторфу удавалось еще «шагать впереди Европы всей» не только по добыче и сушке местного топлива, но и по его облагораживанию:

В прошлом году осенью химиками Гидроторфа, как завершение наших работ в этой области, был найден катализатор, после обработки которым сухой гидроторфяной порошок приобретает ценное свойство разлагаться при очень низких температурах и выделять бензин и смазочные масла в количестве, до сих пор не известном в технике. <...> В бытность инж. Р.Э. Классона в Германии он говорил об этом последнем достижении Гидроторфа, находящимся в тесной связи с заводом по обезвоживанию, с тамошними химиками, которые чрезвычайно заинтересовались этим способом получения легких и тяжелых масел из необъятных русских торфяных болот.

В частности, директор Petroleumgesellschaft в Берлине, крупнейшего нефтяного предприятия в Германии, тесно связанного с крупными химическими предприятиями, д-р химии Эрнест Ленер <...> настолько заинтересовался этим вопросом, что просил разрешения Берлинского Торгпредства приехать в Москву вместе со своим помощником-химиком для того, чтобы самому убедиться в возможности «активировать» торф при помощи нашего катализатора.

<...> Д-р Э. Ленер предполагает в том случае, если лабораторные опыты, которые мы хотели ему продемонстрировать, окажутся вполне убедительными, в чем мы не сомневаемся, выступить с определенным практическим предложением – о постройке в России заводов для перегонки и дистилляции в большом промышленном масштабе из «активированного» нашим способом торфа.

<...> Мы надеемся, что Президиум ВСНХ не встретит препятствий как к осмотру вышеупомянутыми химиками завода по обезвоживанию, так и к демонстрации им лабораторных опытов по активированию торфа.

В феврале 1924-го Р.Э. Классон был вынужден пререкаться с Богородскими властями. В своем малограмотном письме в Управление завода обезвоживания торфа при Гидроторфе Зав Богородской Биржей Труда безапелляционно заявлял:

*Направленный к Вам на должность младшего десятника т. Драгунов П.Д. присланный Вами обратно, каковой не проходил даже 2-х недельного стажа, посему Биржа Труда на основании ст. 38 Кодекса Закона о Труде, предлагает Вам сделать испытание, после чего должно быть заключение М.Р.К.К., но не Ваше личное. В случае же отказа, дело будет передано в Трудосессию для привлечения к ответственности как за нарушение правил найма.**

В то же время заводоуправление просило назначить в его распоряжение бывшего десятника Гидроторфа А.Г. Самохина, необходимого для немедленной организации опытного поля и разлива торфа.

И Роберт Эдуардович ответил достаточно вежливо, но решительно:

Нам нужен был толковый десятник, очень хорошо знающий дело Гидроторфа, и таких десятников у нас всего имелось в виду два: один был взят на Ярославский разработки, а другой, Самохин, после зимнего перерыва вернулся к нам.

На обучение этих десятников мы потратили очень много времени, они являются специалистами своего дела, а Вы нам предлагаете взять людей, никогда не выдавших Гидроторф, и думаете, что эти люди могут организовать дело и обучить чернорабочих. Мы с этой точкой зрения не согласны и считаем, что если мы затратили время на обучение человека, то он до известной степени прикреплен к нашему предприятию и ему должно быть отдано преимущество перед другими людьми, с делом не знакомыми.

В прошлом году Биржа Труда совершенно подорвала работу Гидроторфа, дав нам в качестве мотористов более сотни человек совершенно невежественных и не знакомых с делом людей, которые [неумышленно] ломали наши машины, портили моторы и механизмы. В течение целого месяца мы не могли работать, вследствие полного незнакомства персонала с делом. И только к концу сезона нам удалось обучить людей, и они приобрели знания.

<...> Биржа предлагает нам испытать в течение двух недель присланного десятника, забывая, что зимой никакой добычи торфа не производится и следовательно испытать десятника нельзя. По наведенным справкам, перед Самохиным стоит [в очереди] еще тридцать человек кандидатов. Если мы каждого кандидата будем испытывать в течение двух недель и после этого определять его непригодность, которая, естественно, если человек не знаком с нашим производством, то мы опять потеряем весь сезон и никакой реальной работы произвести не сможем.

<...> Для Государства безразлично, будет ли в данном предприятии работать тот или иной десятник, но для нас далеко не безразлично. Мы не можем работать с людьми, не знающими нашего дела. И потому мы просим биржу Труда пересмотреть вопрос и предоставить нам в качестве не младшего, а старшего десятника, как мы просили, А.Г. Самохина, которого мы знаем и которому можно поручить работу по обучению набираемых людей. Присылка же нам людей, совершенно не знакомых с делом, является бесполезной тратой времени.

* Лишь 2 января 1925 г. выйдет постановление ЦИК СССР и Совнаркома СССР «О порядке найма рабочей силы», которое предложит союзным республикам отменить сей идиотский тотальный порядок привлечения специалистов только через биржи труда (www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_2294.htm). А в мае того же года будет принято соответствующее постановление ЦИК РСФСР и Совнаркома РСФСР.

Одновременно Ответственный Руководитель послал переписку с Биржей Труда в инстанции и через пару месяцев Гидроторф получил копию посланного на Биржу Труда отношения из Отдела Рынка Труда Наркомата по труду от 22 марта.

В этом отношении (по-современному говоря, приказе) Заведующий Отделом тов. Исаев объяснял зарвавшимся богородским деятелям, что в соответствии с существующими законоположениями, инструкциями и циркулярами биржи труда обязаны при подборе рабочей силы быть особо внимательными и осторожными, производя посылку на работу безработных лишь в самом точном соответствии с выставленными нанимателем требованиями, а отнюдь не в порядке механической посылки очередного безработного.

В случае же, если на учете биржи труда не имеется безработных нужных квалификаций или биржа труда не может представить их в трехдневный, со дня поступления требования, срок, нанимателю предоставляется право самостоятельного подбора рабочей силы, с обязательной лишь последующей регистрацией ее на бирже труда.

Тов. Исаев резюмировал: *«Следовательно, если Гидроторфом запрашивается опытный десятник, специалист по гидравлическому способу выработки торфа (требование Гидроторфа от 1 февраля с.г. за №105 на гражд. Самохина), Биржа Труда, разъяснив, что именные требования на работников, принимаемых через Биржу Труда, не допускаются, должна послать Гидроторфу не просто десятников по выработке торфа, а только десятника, который является специалистом по гидравлическому способу выработки торфа. Если же на учете Биржи Труда таких специалистов не имеется, последняя обязана утвердить кандидатов, выставленных на означенную должность самим нанимателем. То же самое и в отношении требований на остальных работников, слесарей Курицына и Фокина и т.д.»*

Возможно, что после категорического требования тов. Исаева – «об исполнении сего сообщить» волюнтаризм богородских деятелей несколько спал.

В феврале же 1924-го Р.Э. Классон отчитывался перед инстанциями по не совсем удачной добыче прошедшего сезона:

В истекшем 1923 году добыча торфа гидравлическим способом при условии воздушной сушки кирпичей вылилась окончательно в промышленный масштаб, что подтверждается получением на Г.Э.С. Электропередача свыше 5½ миллионов пудов торфа при исключительно неблагоприятных условиях, как вследствие дождливого лета, так и вследствие недостатка полей [разлива] и присылки Биржей Труда совершенно невежественных людей для обслуживания кранов. Без этих неблагоприятных условий добыча торфа на 10 установленных кранах превзошла бы 7 миллионов пудов и именно эта программа намечена в предстоящем сезоне 1924 года. <...>

Вообще все работы Гидроторфа протекают при крайне неблагоприятных условиях, так как обычно по окончании сезона начинаются бесконечные заседания в комиссиях по вопросу о финансировании Гидроторфа на предстоящий сезон. В сезоне 1922/23 г. заседания продолжались около 6-ти месяцев и только к концу февраля [1923 года] были даны деньги на работы. Но, конечно, до начала сезона нельзя было построить всех новейших машин и произвести все необходимые работы.

Та же история повторяется и в нынешнем 1923/24 г. Осенью 1923 года был намечен к исполнению целый ряд новых механизмов, которые должны были улучшить работу Гидроторфа в предстоящем 1924 году. Но финансированию Гидроторфа была посвящена сотня заседаний, и только в январе, наконец, были получены частично деньги, необходимые для работы, и, следовательно, только в январе можно было начать заказывать машины.

Таким образом, и в этом году опять-таки часть машин поспеет не к началу сезона, а к концу, и сезон в значительной степени не будет использован так, как он мог бы быть использован, если бы финансирование производилось осенью, а не тянулось бы через сотни заседаний (уже свыше 150 заседаний нами зарегистрировано по настоящее время, начиная с 1 октября).

С декабря 1920-го, когда Роберт Эдуардович отправил записку «В ГОЭЛРО» с резкой критикой «прозаседавшихся чиновников» (см. очерк «Под большевиками»), бюрократический маразм, похоже, только укрепился.

В апреле 1924-го Помощник Ответственного Руководителя В.И. Богомоллов разослал по всем отделам Гидроторфа циркуляр:

Постановлением Президиума ВСНХ от 31 марта с/г. организована Ревизионная Комиссия по Гидроторфу в составе Председателя – С.Г. Сорокина и члена – А.М. Морголиуса-Турковского. Настоящим предлагается всем Отделам Управления все требующиеся Комиссии сведения, справки и материалы представлять по первому ее требованию через Управление Делами.

Чем для Гидроторфа закончилась одновременная двойная проверка (с октября 1923-го шла ревизия еще и со стороны Экономического отдела ГПУ), мы обязательно сообщим.

В июле 1924 года Р.Э. Классон был вынужден обратиться в очередной раз к Председателю ВСНХ РСФСР тов. П.А. Богданову:

<...> В Ревизионную Комиссию по Цуторфу, Гидроторфу и Цусланцу назначается гр. Д.Г. Цейтлин. По этому вопросу мы уже два раза писали в Президиум ВСНХ и к настоящему письму прилагаем копии наших [прежних] писем. В течение последних трех лет гр. Цейтлин возводил на Гидроторф и на всех лиц, с ним так или иначе соприкасающихся (напр. Комиссия ГУТа под председ. инж. В.А. Сазонова), целый ряд лживых и клеветнических обвинений. Все эти доносы сходили ему безнаказанно.

Недавно он в заседании Президиума Госплана позволил себе новую выходку – он заявил, что Гидроторф утаил один миллион пудов торфа от выработки 1922 года. Это обвинение попало в газеты, и по требованию Госплана было произведено расследование, которое подтвердило полную несостоятельность обвинения на основе документов, подписанных самим гр. Цейтлиным и хорошо ему известных, и установило, таким образом, злостную клевету.

<...> Мы все еще надеемся, что это назначение официально не состоится. Если же его совершенно невозможно избежать, то просим сделать официальное распоряжение, что никакого отношения к делам Гидроторфа гр. Цейтлин не должен иметь. В противном случае мы вынуждены будем, как это нам ни тяжело, просить освободить нас от всех обязанностей по Тресту Гидроторфа и разрешить нам докончить работу по заводу обезвоживания Гидроторфа, который, как находящийся на государственном бюджете, может быть вместе с нами выделен из треста.

В июле 1924 года продолжилось прессование Гидроторфа, как уже не «дела государственной важности».

Из письма Члена Президиума ВСНХ РСФСР, Зам. Начальника Управления госпромышленности (Угпрома) Брыкова: «<...> Управление Государственной Промышленности предлагает без ущерба для дела штат, обслуживающий Центральное Управление [Гидроторфа], сократить со 111 человек на пятьдесят человек, постепенно доведя его к 1 октября 1924 г. до 60 человек».

Тем не менее Р.Э. Классон вынужден был обратиться в инстанции с просьбой о приеме дополнительного сотрудника, с коммерческой жилкой:

<...> Продолжение и развитие этой [(коммерческой)] деятельности, несмотря на наличие ряда предприятий, желающих поставить у себя гидравлический способ добычи торфа (Бумтрест, Уралхим, Сахаротрест, Бухарский Трест и др.), встречает крупные затруднения внутри Гидроторфа ввиду отсутствия среди ответственных работников Гидроторфа лиц, могущих себя полностью посвятить коммерческой деятельности. Приглашение такого лица, имеющегося в виду у Гидроторфа, встречает затруднения со стороны Месткома, стоящего на точке зрения невозможности приглашения новых лиц во время массового сокращения персонала. Соображения Управления, что увольняются неответственные сотрудники, не могущие вести требуемую ответственную коммерческую работу, во внимание не принимаются. Не желая идти на конфликт с Месткомом, Гидроторф просит Вашей помощи в этом деле, <...> разрешения на приглашение инженера-коммерсанта, несмотря на увольнение других сотрудников, производящееся в настоящее время Гидроторфом по распоряжению Угпрома.

Из майской переписки в местком и других документов выясняется, что на должность инженера-коммерсанта предполагалось пригласить инженера Георгия Александровича Ландау, работавшего в то время в Трудовой Артели Инженеров и которого Р.Э. Классон и В.Д. Кирпичников знали около 16 лет. Однако прессование Гидроторфа, как мы увидим ниже, продолжалось методично и неотступно. Ни о какой самочинной коммерции уже не могло быть и речи.

В начале августа 1924-го Гидроторф рапортовал в инстанции: *«Настоящим извещаем Вас, что выяснившееся уже результаты окончившейся торфяной кампании Гидроторфа более чем благоприятны, и производственная программа Гидроторфа впервые выполняется в размере 100%. К 1 августа добыто уже около 12 000 000 пуд. при производственной программе в 12 100 000, между тем на Чернораменском и Дальнинском болотах добыча торфа производится и после 1 августа»*. А могли бы добыть и раза в два-три больше, если бы не разнообразные политико-экономические препоны, присущие плановой экономике...

В том же месяце Р.Э. Классон выпустил следующий циркуляр по Гидроторфу (казалось бы, сугубо технический, но речь на самом деле идет о выживании организации «под большевиками»):

Сушка гидроторфа все еще обходится дороже сушки машинно-формованного, и все усилия в настоящее время должны быть обращены на то, чтобы выработать дешевый способ формования кирпичей высоких и отделенных друг от друга воздушным промежутком. Только при этом условии возможно сокращение операций по сушке, производимых торфяницами, и при достижении такой формовки гидроторф станет сразу значительно дешевле и окончательно побьет конкуренцию машинно-формовочному торфу в глазах всех. Для того чтобы не идти по ложному пути, я резюмирую итоги нашей работы по применению формовочных автомобилей. <...> Я прошу всех инженеров Гидроторфа подумать над этим вопросом, т.к. в тот день, когда разрешится вопрос о применении автомобиля формования и можно будет получать отдельные кирпичи, со всех сторон обдуваемые воздухом, задача Гидроторфа в области полей сушки будет разрешена. И такой автомобиль нам необходимо построить к 1925-му году.

На «Электропередаче», 1924 г., слева направо: Николай Александрович Березкин (гл. инженер Балахнинских разработок), Константин Ефимович Мягков (инженер Гидроторфа), Валентин Михайлович Калачев (зав разработками при «Электропередаче»), Р.Э. Классон, Павел Николаевич Ефимов (инженер Гидроторфа)

Ручная цапковка гидроторфа (с сайта Музея Мосэнерго)

*Формующие гусеницы на собственном ходу
(сконструированы К.Е. Мягковым уже после смерти Р.Э. Классона)*

В августе же 1924-го Роберт Эдуардович, получив тревожную информацию (у властей возник очередной «административный зуд» по поводу снижения управленческих издержек за счет укрупнения организаций и сокращения персонала), немедленно обратился в инстанции:

По полученным нами сведениям в настоящее время поднят вопрос относительно слияния Гидроторфа с Цуторфом.

Мы считаем эту меру чрезвычайно вредной с точки зрения государственных интересов и категорически возражаем против нее по следующим соображениям.

1. Задачи и деятельность Гидроторфа и Цуторфа имеют общее только по исходному и конечному продукту производств: обе организации вырабатывают торфяное топливо. Но на этом кончается общность их деятельности. Прежде всего оба учреждения проводят в жизнь и ведут свое производство в корне различающимися методами. <...> Объединять в одном органе управление механизированным производством и производством кустарным или полукустарным нам представляется совершенно нецелесообразным.

2. Основная задача Гидроторфа – избавить торфяное производство от тяжелого труда и многочисленных специалистов-торфяников, что имеет место в машинно-формовочном способе, распространяемом Цуторфом. Поэтому оба эти способа конкурируют друг с другом и стараются вытеснить друг друга по крайней мере в крупных разработках.

<...> Перенесение же этой борьбы внутрь единого органа создало бы внутри него совершенно нездоровую атмосферу, так как конкуренция решалась бы не экономической целесообразностью применения того или другого способа в данном месте, а личными взглядами руководителей и ответственных работников объединенного органа.

3. Техническая, а отчасти и ведомственная, борьба, которая велась между Цуторфом и Гидроторфом в течение ряда лет, несомненно, наложила отпечаток на психологию ответственных работников как того, так и другого учреждения. Поэтому при слиянии учреждений в одном органе эта враждебность мешала бы нормальной работе и в результате, вероятно, пришлось бы уволить из него всех ответственных работников какого-либо из этих двух учреждений.

<...> 8. Наконец, Цуторф представляет собой обычное советское учреждение (Главк), регулирующее торфодобычу машинно-формовочным способом и объединяющее около себя несколько, случайно не переданных потребителям [топлива], предприятий, и по существу не должен был бы быть трестом. В то время как Управление Гидроторфа создано для распространения и эксплуатации вновь изобретенного гидравлического способа добычи торфа и в этом смысле является трестом. Во главе этого учреждения постановлением Б. Совнаркома и СТО поставлены изобретатели гидроторфа.

При слиянии двух учреждений или придется во главе объединенного учреждения поставить лицо, для которого гидроторф будет делом малознакомым и чуждым, или заставить изобретателей гидроторфа нагрузиться еще вдвое больше делами Цуторфа, что едва ли окажется исполнимым, т.к. они и без того перегружены работой.

На основании этих соображений мы просим Президиум ВСНХ оставить Гидроторф и Цуторф существовать самостоятельно и конкурировать друг с другом технически и экономически, добиваясь понижения себестоимости торфяного топлива.

В августе же 1924-го Р.Э. Классон направил властям нечто вроде политико-экономической лекции о важности местного топлива – торфа и тем самым попытался в очередной раз убедить власти не трогать Гидроторф.

Сию «лекцию-ликбез» стоит привести целиком:

Торф до войны являлся самым дешевым топливом Центрального района. Нет сомнения, что когда будут изжиты все затруднения, которые встречаются сейчас в топливной промышленности, торф опять станет наиболее дешевым топливом, и нынешнее состояние торфяного дела, при котором торф все еще сравнительно дорог, не может быть рассматриваемо иначе как переходный период.

Целый ряд обстоятельств в настоящее время удорожает стоимость добытого торфа и затрудняет ему конкуренцию с дровами. В первую очередь надо упомянуть о тяжелом обложении заработной платы, которое для торфяной промышленности в этом году составило в среднем около 22%, на все виды заработной платы. Заготовка дров, являющаяся так же сезонным предприятием, аналогичным торфяному, от этого крупного накладного расхода освобождена.

Стоимость торфа складывается главным образом из стоимости заработной платы, и тут приходится различать две стороны, а именно заработную плату торфяников и торфяниц, то есть чисто чернорабочую силу и, во-вторых, заработную плату квалифицированного персонала.

Торфяники получают в настоящее время сравнительно нормальную плату, близко подходящую к довоенной. Наоборот, торфяницы получают плату, значительно превышающую довоенную и очень тяжело ложащуюся на стоимость пуда торфа.

Квалифицированный же персонал, от которого зависит очень многое (мотористы, электрики, водопроводчики, слесаря и прочие) оплачивается слишком низко и мало заинтересован в производительном труде торфяников. Очень часто их заработок не стоит в прямой зависимости от размера добычи, и кроме того огульно равномерная оплата квалифицированных рабочих, независимо от их личных качеств и способностей, действует принижаящим образом и нивелирует работу этого персонала не по высшей, а по низшей категории. Раз моторист все равно получает определенное жалованье, будет ли он хорошо или плохо работать, пропадает стимул к интенсивной работе, а это в чрезвычайной степени отражается на общей производительности торфоразработок.

Чрезвычайно большое значение в смысле непроизводительного увеличения стоимости торфа играет несвоевременность и запаздывание получаемых кредитов. Деньги зачастую выдаются только перед началом сезона. В частности, Гидроторф за три года своего существования ни разу не получал денег раньше января-февраля месяца, когда все сроки для изготовления машин, для подготовки болот и прочего были пропущены.

Приходилось весной, не жалея денег и труда, работать с обилием сверхурочных часов, и все же к сроку никогда не успевали приготовить машины и поля. И это чрезвычайно удорожало стоимость торфа.

Требование Биржи труда ставить на должности квалифицированных рабочих посылаемых ею совершенно непригодных кандидатов, совершенно не знакомых с машинами, заставляли Гидроторф уже три года подряд терять первую половину сезона, пока эти невежественные люди научатся обращению с машиной.

Тем не менее, при всех перечисленных неблагоприятных условиях и целом ряде других неблагоприятных факторов все же торф сейчас выдерживает конкуренцию, как с углем, так и с нефтью. Стоимость торфа будет понижаться с каждым годом, и в частности мы ждем значительного понижения стоимости гидроторфа в 1925 году в силу целого ряда технических улучшений.

Конкурировать с углем, цена которого по политическим соображениям в настоящее время резко понижена, конечно, трудно. Но эти соображения, имеющие в настоящее время место, могут отпасть через год или два, и тогда все роды топлива вступят между собой в конкуренцию уже в чистом виде, то есть без осложняющих политических мотивов. К тому времени торф еще понизится в цене, тогда как нет оснований ждать понижения стоимости угля. Напротив, необходимость произвести целый ряд капитальных затрат на шахтах, которые теперь из года в год откладываются, скажется по всей вероятности в известном повышении цены на уголь.

Но, помимо всех этих соображений о сравнительной стоимости, уголь, а в особенности нефть, являются или, по крайней мере, могут явиться экспортными товарами. Тогда как торф, как чисто местное топливо, должен удовлетворять потребностям Центрального района и, что самое важное, охранить этот район от дальнейшего лесосоистребления. Ведь каждая десятина выработанного торфяного болота в среднем заменяет 30 десятин вырубленного леса.

Принимая во внимание все эти соображения, целесообразно не сокращать торфодобычу, а наоборот всячески развивать таковое, так как, естественно, при большом производстве все накладные расходы менее тяжело ложатся на пуд добытого торфа. Сейчас промышленность находится в состоянии сильной депрессии и поэтому еще является возможность выбирать между различными родами топлива.

При росте промышленности вновь должно наступить положение аналогичное довоенному, при котором все роды топлива вместе взятые не могли удовлетворить потребностям рынка и все время страна испытывала топливный голод.

Эффект от лекции был, похоже, примерно такой же как «от метания бисера перед свиньями». А «коммунистические чинуши» на местах в это же время проявляли на практике удивительное кое-какерство. Из газеты «Последние новости» (Париж) от 25 июня 1924 г.: «Из Нижнего Новгорода сообщают, что торфяное дело совершенно гибнет несмотря на то, что, во-первых, торфяные участки оборудованы всем необходимым, во-вторых, в губернии есть «колоссальный кадр безработных», в третьих, все предприятия, идущие на торфе, сжигают последние запасы и, в-четвертых, другого топлива нет: о нефти и угле говорить не приходится, а леса отстоят на 200 и более верст. «Однако нижегородский губсовнархоз не обращает на это никакого внимания». Больше в корреспонденции ничего не сообщается».

В том же августе 1924-го Ревизионная Комиссия выполнила предварительное обследование Производственно-Эксплуатационной Части Гидроторфа:

Во главе Управления Частью стоит Ответственный Руководитель Гидроторфа (Р.Э. Классон), имеющий Заместителя (В.Д. Кирпичников) и двух Помощников (П.Н. Ефимов и В.В. Блюменберг), одного по административно-производственной, а другого по финансово-коммерческой части. Ответственный Руководитель и его Заместитель являются крупными ответственными работниками МОГЭСа и в Гидроторфе работают по совместительству, передоверяя непосредственное руководство Учреждением двум своим Помощникам. Последние почти ежедневно делают личные доклады Ответственному Руководителю или его Заместителю о всех требующих их разрешения вопросах и, таким образом, поддерживают постоянную связь Управления с Ответственным Руководителем. Лично Ответственный Руководитель, так же как и его Заместитель, в Управлении Гидроторфа почти никогда не бывает.

<...> Ревизионная Комиссия находит крайне нерациональным и вредным для дела порядок, при котором единолично руководящие Гидроторфом лица (Ответственный Руководитель и его Заместитель) исполняют работу по Гидроторфу лишь в порядке совместительства, считая основной своей деятельностью службу в МОГЭСе.

Как мы уже видели, сам Р.Э. Классон считал «крайне нерациональными и вредными для дела» совсем другие факторы, находившиеся вне сферы влияния Гидроторфа. Что касается исполнения им и его заместителем В.Д. Кирпичниковым работ по Гидроторфу «лишь в порядке совместительства», то остается только поражаться высокой эффективностью этого «совместительства», по существу «сжигания свечи с обоих концов».

Однако обюрократившиеся власти, по-видимому, стали относиться к уникальным инженерам-инновационщикам лишь как к «неповоротливым винтикам социалистического планового хозяйства». После обследования постоянной Ревизионной комиссией по Гидроторфу, Цуторфу и Цусланцу от ВСНХ РСФСР всех сторон деятельности Гидроторфа с 1 января по 1 сентября 1924 г., особенно финансовой, приказом ВСНХ от 27 августа 1924 г. был объявлен выговор Ответственному Руководителю Гидроторфа Р.Э. Классону, а бухгалтер Гидроторфа С.В. Ливанов – уволен.

А после обследования Экономическим отделом ГПУ финансовой деятельности Гидроторфа, особенно правильности проведения кассовых операций, был составлен акт, переданный затем на рассмотрение Главного Дисциплинарного Суда по обвинению Заместителя Ответственного Руководителя Гидроторфа инженера В.Д. Кирпичникова и Помощников Ответственного Руководителя В.И. Богомолова и Л.А. Ремизова в бесхозяйственности. Правда, суд этот в заседании своем от 10 июля 1924 г. определил: «за отсутствием состава преступления считать вопрос исчерпанным и дело прекратить».

Здесь стоит отметить, что Роберт Эдуардович счастливо избежал дисциплинарного суда (это экзотическое «социалистическое образование» 1920-х требует отдельного исследования), зато главный бухгалтер Гидроторфа С.В. Ливанов был снят «за проявленную халатность, выразившуюся в неправильном и несвоевременном ведении и постановке отчетности в Гидроторфе и в подотчетных ему хозяйствах» с опубликованием этого решения в Бюллетене ВСНХ РСФСР.

Против этого пытался выступить Гидроторф, однако безуспешно. Стоит также отметить, что С.В. Ливанов был опытейшим бухгалтером, но, по-видимому так и не смог до конца поставить на должную высоту запутанное «социалистическое планирование».

Р.Э. Классон попытался объяснить «строителям социализма» реальное состояние дел, однако, похоже, тоже ничего не добился. Из письма Ответственного Руководителя Гидроторфа в Наркомат РКИ РСФСР, Отдел по улучшению госаппарата:

<...> Гидроторф и его сотрудники, в особенности – бухгалтеры, были в очень значительной степени отвлечены от своей текущей работы требованиями обеих названных комиссий о представлении им сведений. Бухгалтерия работала целыми неделями на ГПУ, забросив все остальные текущие дела. Весьма большое число сотрудников, притом самых крупных, вызывалась Ст. инспектором [Экономического отдела] ГПУ для личных объяснений, и на это уходили целые дни и вечера.

Еще больше времени и сил отняла постоянная Ревизионная комиссия. В приложении приведен неполный список вопросов, которые были поставлены только одним из членов Комиссии, т. Приходько. Ответы на все эти вопросы вероятно составили бы несколько толстых книг. Кроме того, Комиссия предложила нам 138 вопросов, перечень которых прилагается, ответить на которые совершенно нет возможности, если вести текущие дела Гидроторфа.

Вообще ставить вопросы чрезвычайно легко, но многие из этих вопросов требуют огромного труда, притом в значительной степени бесполезного, так как касаются «доисторических времен», давно потерявших всякий интерес и не могущих быть подсчитанными, так как все расходы производились в [обесценивавшихся из года в год] советских рублях.

Точного учета количества работ, затраченных на Ревизионную комиссию, мы не вели, так как это составило бы еще новую статью расхода, в общем можно определенно сказать, что не менее 10 человек нашего персонала непрерывно работали по даче сведений Ревизионной комиссии. Мы бы примирились еще с такой чрезвычайной затратой труда, если бы в результате всех представленных нами сведений у Ревизионной комиссии получилась верная и ясная картина нашей работы.

К сожалению, это далеко не так: на заседании Пленума Мосрайкома Союза горнорабочих Председатель т. Сорокин делал доклад о хозяйственном положении Гидроторфа, доклад в высшей степени авторитетный и уверенный, но к сожалению основанный исключительно на неверном цифровом материале. За ничтожным исключением все цифры, представленные Председателем Ревизионной комиссии, совершенно не соответствовали действительности, а потому и заключение, вынесенное Союзом горнорабочих, ясно, не могло соответствовать истинному положению вещей. Меж тем наш протест (при сем приложенный) оставлен был без внимания. <...>.

Позволим себе привести лишь некоторые из 56 вопросов пытливого тов. Приходько:

<...> 3. Дать точную справку, сколько потрачено времени и людей на дискуссию и переписку с Месткомом, переговоры с Райсоюзом и суд с рабочими, сокращенными с 31/X-1923 г., и сколько это все стоит? <...> 5. Были ли случаи при начислении жалованья вообще, когда под видом одной зарплаты проводилась другая, например под видом сделанных проводились сверхурочные и т.д. Если были, то переименовать точно, какие виды, по каким проводились, в каких месяцах, в какой сумме.

<...> 12. Дать в кратчайший срок сводку всех командировок с 1/X-23 г. по 1/VI-24 г., распределив их по характеру командировок, по месяцам, по фамилиям командированных и сумму расходов по каждой командировке. <...> 14. Кто из служащих работает по совместительству и почему? 15. Сколько стоит Чернораменское болото? <...> 19. Подробно: когда, кем и кому была назначена спец-ставка, в каком размере и какую работу выполняет данное лицо? <...> 21. Что понимать под оплатой: «нагрузка», «надбавка на дороговизну», «сверхурочные», «выходное пособие», «надбавка к окладу», «доплата» и т.д. 22. Сколько, кому и за что «нагрузки» с 1/X-23 г. по 1/VI-24 г. ежемесячно и подробно. <...> 28. Кому и за сколько была продана коробка к мотоциклетке? <...> 39. Дать справку о потерях, понесенных Гидроторфом от падения курса дензнаков за время с 1/X-23 г. по 1/IV-24 г. <...> 44. Дать справку о суммах, израсходованных на дома отдыха и курортное лечение с 1/X-23 г. по 1/IV-24 г. 45. Справку о суммах на содержание гаража за то же время. <...> 52. Справку о выплаченных Гидроторфом суммах [иностранным подданным] Б.А. Креверу и И.И. Фейникеви с 1/I-23 г.

Заодно дадим и примечание Гидроторфа:

Некоторые из приведенных в настоящем списке вопросов так и остались до сего времени невыполненными, вследствие того обстоятельства, что эти вопросы для своего выполнения требовали полного отрыва известного числа работников Гидроторфа как в Москве, так и на местах на более или менее длительный срок, чего в условиях работ Гидроторфа сделать не представлялось возможным.*

* Здесь упомянем мимоходом еще одну «контролирующую структуру» – комячейку, которая возникла в самом начале этого очерка, устроив бучу на Раушской электростанции, но тогда коммунисты обзавидовались гидроторфскому пайку. А теперь комячейки Госторфа и предприятий Гидроторфа получали полномочия чуть ли не на уровне комиссий РКИ (к сожалению, автор сих очерков при работе в архивах не успел разработать эту благодатную тему). Из заметки «Усиление диктатуры» в берлинских «Днях» от 2 марта 1924 г.:

Особым циркуляром ЦК РКП за подписью секретаря Молотова и зав. орг. отделом Короткова заводским и фабричным комячейкам предложено взять на себя функции так называемого «рабочего контроля» за предприятиями. В силу этого циркуляра комячейкам передается общее руководство работами фабзавкомов и заводоуправлений.

Комячейками должны обсуждаться «вопросы производственных заданий», причем комячейкам предлагается «всесторонне выяснять причины успешной или неуспешной деятельности» предприятия. «С этой целью не реже одного раза в два месяца заводоуправление, в лице руководителя предприятия, делает на общем собрании комячейки доклады о производственной деятельности предприятия». С этой же целью тресты, в которые входят отдельные предприятия, должны представлять комячейкам доклады-отчеты правления. Руководство и контроль над работами треста должны осуществляться «производственными конференциями», которые состояются из представителей комячеек и коммунистических фракций фабзавкомов. «Представители хозорганов – председатели и члены правления» трестов, «управляющие и их заместители» отдельных, входящих в тресты предприятий, участвуют на конференциях в качестве подотчетных лиц с правом совещательного голоса.

Как известно, появлению этого циркуляра предшествовала полемика между «верховниками». Держинский, в качестве председателя ВСНХ, решительно высказывался против рабочего контроля и отстаивал независимость «хозяйственных органов» как необходимое, основное условие их ответственности. ЦК [РКП] легко отказался от рабочего контроля. Но подменил его контролем комячеек. И, таким образом, Сталин и Зиновьев забирают в свои руки диктатуру над всею промышленностью.

В самом начале 1925-го на Гидроторф набросилась другая комиссия – на этот раз из самого Наркомата рабоче-крестьянской инспекции РСФСР. 9 января Председатель Комиссии НК РКИ по обслуживанию торфяной промышленности тов. Саковиков прислал в Управление Гидроторфа требование, которое начиналось так: *«В порядке производства обследования торфяной промышленности Комиссия НК РКИ РСФСР просит предоставить ей исчерпывающие и обоснованные данные, освещающие следующие вопросы».*

Далее следовал список 19 объемистых требований, и опять аппарат Гидроторфа встал на уши: собирал и обрабатывал данные и отвечал, отвечал, отвечал... А затем уже член правления Госторфа, бывш. Заместитель Ответственного Руководителя Гидроторфа В.Д. Кирпичников составлял объемистые бумаги:

– 30 марта 1925 г., *«Возражения Госторфа против выводов Комиссии по обследованию торфяной промышленности при НК РКИ РСФСР в части бывшего Гидроторфа, рассматривавшихся на Междуведомственном совещании 30 марта 1925 г.»;*

– 31 марта 1925 г., *«Заявление представителя бывш. Гидроторфа В.Д. Кирпичникова на заседание РКИ 30 марта 1925 г.»*

А тут на горизонте появилась еще одна угроза. Из ноябрьского письма Ответственного руководителя Гидроторфа в Президиум ВСНХ РСФСР:

Мы позволяем себе обратить внимание Президиума ВСНХ на совершенно ненормальное правовое положение, в котором очутился Гидроторф в последнее время, в связи с определившейся тенденцией превращать топливодобывающие предприятия в подсобные предприятия при крупнейших потребителях.

<...> Мы просили ВСНХ разрешить это неопределенное положение, не дающее нам возможность работать, оформить передачу изобретателями монопольных прав Государству и установить известный режим, гарантирующий целесообразное использование машин и возможность дальнейшего развития дела, путем предоставления Гидроторфу известной попудной платы, которая дает ему возможность совершенствовать машины и дальше повышать и удешевлять производство.

В данный момент Гидроторф совершенно лишен средств, так как все средства передаются непосредственно хозяйствам [(потребителям торфа)]. Между тем содержание технического персонала, разработка чертежей и постройка новых машин требуют денег. Если таковые средства в форме попудной платы не будут предоставлены, то Гидроторфу не останется другого выхода, как распустить технический персонал, собрать который впоследствии, конечно, едва ли будет возможно.

А вместе с тем прекратится всякая дальнейшая творческая работа, давшая к настоящему времени вполне реальные и ценные результаты.

Взимание попудной платы с потребителей в пользу Гидроторфа предполагает, что способ добычи настолько дешев, что расходы эти вполне окупятся и применение способа все же представит достаточную выгоду. В этой предпосылке мы не сомневаемся и считаем, что в 1925 году мы сможем это бесспорно для всех доказать бухгалтерски.

Однако власти к доводам руководства Гидроторфа не прислушались. 17 ноября 1924 года на заседании Президиума ВСНХ РСФСР был утвержден устав Государственного Торфяного Треста «Госторф», который должен был поглотить Гидроторф (точнее, два его «осколка», без производственного массива, отданного потребителям, – Научно-Опытную Часть с заводом по обезвоживанию и Техническую Часть).

А 21 ноября прошло заседание Президиума ВСНХ РСФСР, дававшее все же определенные надежды на реализацию инновационных планов Гидроторфа, уже в рамках Госторфа:

Слушали: а) Доклад тов. Классона об Опытном заводе по обезвоживанию торфа.

б) Доклад Ревизионной Комиссии по Гидроторфу (Докладчик. тов. Гришин).

Постановили: а) Доклад тов. Классона принять к сведению.

б) 1. Считать вопрос исчерпанным практическими мероприятиями, принятыми Угпромом 3 октября 1924 г. (протокол №9, п. 2).

2. Предложить Угпрому обратить внимание на необходимость иметь в аппарате Гидроторфа лицо, на которое можно было бы возложить ответственность за ведение финансово-хозяйственной части Гидроторфа в целях освобождения тов. Классона и Кирпичникова для руководства производственно-технической работой.

3. Отметить, что, согласно доклада по Опытному заводу, вопрос о сушке торфа подходит к своему разрешению.

4. Признать необходимость оказать содействие Гидроторфу в дальнейшей его работе по доведению до конца всех его опытов по добыванию торфа по способу Гидроторфа.

5. Считать целесообразным к общему докладу по торфяной промышленности в Экосо* (прот. Экосо №39, п. 16) поставить совместно с Цуторфом доклад Гидроторфа о его новейших достижениях и перспективах.

Гидроторф с первых дней своего существования вынужден был крутиться в искусственном образовании под названием социалистическая плановая система, с ее директивными ценами на любую продукцию, бюрократической распределителькой всего и вся и нудной перепиской с ведомствами по этому поводу и т.д. и т.п. Если до 1923 г. Р.Э. Классона со товарищи в их естественном желании динамично развиваться всемерно поддерживал В.И. Ульянов-Ленин, и государство отпускало необходимые денежные ресурсы, в том числе валюту для закупок оборудования за границей, то после того как «вождя мирового пролетариата» поразила серия инсультов и он превратился в «живой труп», отношение к Гидроторфу со стороны властей радикально изменилось, примеру чему мы уже неоднократно приводили.

То же самое происходило и в отношении кредитования Гидроторфа со стороны государственных банков. В качестве характерной иллюстрации приведем письмо Зам. Ответственного Руководителя Гидроторфа В.Д. Кирпичникова в Президиум ВСНХ РСФСР, через Угпром (Управление государственной промышленности), от 28 ноября 1924 г.

На основании постановления Президиума ВСНХ РСФСР от 14 ноября с/г. (прот. 63, п. 1053) Управление Гидроторфа 20 с/м. вошло в Правление Промбанка с просьбой о предоставлении ему отсрочки в погашении остатка ссуды в сумме 45 000 рублей до 1 мая 1925 года, в каковой просьбе Промбанком Гидроторфу отказано.

Вместе с тем Промбанк, в лице Товарного отдела, настаивает на представлении Гидроторфом твердых, более коротких сроков погашения означенного остатка ссуды из кредитов, имеющих быть полученными Гидроторфом за счет Нижегородской электростанции. Так как вопрос о твердых сроках получения кредитов Нижегородской станции до сих пор еще не выяснен, то тем самым Гидроторф лишен возможности и фиксировать таковые заранее, впредь до установления сроков выдачи кредитов Наркомфином, о чем было заявлено Товарному отделу Промбанка и в соответствии с чем Гидроторфом и предлагалось Промбанку погашение остатка ссуды в один срок – 1 мая б[удущего]/г.

Согласно того же постановления Президиума ВСНХ Гидроторф письмом своим от 26/XI-с/г. за №4325 обратился в Цустрах с просьбой, поддержанной Президиумом ВСНХ отношением от 26/XI-с/г. за №23292, о приостановке взыскания Цустрахом с Гидроторфа очередных взносов в погашение задолженности по социальному страхованию, на основании соглашения Гидроторфа с Цустрахом от 17/VI-с/г., впредь до разрешения вопроса о сложении некоторых долгов Гидроторфа в ЭКОСО РСФСР.

* Очередная советская аббревиатура: Экосо – Экономическое совещание.

Цустрехом в этом ходатайстве Гидроторфу так же отказано, причем было указано, что несвоевременные взносы Гидроторфом очередных платежей (15 и 30/XI с/г.) на покрытие задолженности по соцстраху будет рассматриваться Цустрехом, как нарушение Гидроторфом соглашения от 17/VI-с/г. со всеми вытекающими из сего последствиями, то есть принудительным взысканием этих платежей в порядке бесспорного взыскания и начислением на Гидроторф пени на задолженность за все время.

Так как неосуществление упомянутого постановления Президиума ВСНХ от 14/XI-с/г. ставит Гидроторф перед полной финансовой катастрофой, мы просим указаний Президиума в отношении дальнейших шагов Гидроторфа по приведенным выше двум вопросам – о ссуде Промбанка и о задолженности по соцстраху.*

* Мы приведем здесь публикацию в берлинских «Днях» от 5.4.1925 г., которая показывает, насколько тяжелым было в это время экономическое положение государственной промышленности и как неохотно банки предоставляли/погашали кредиты:

Нам сообщают: Прения на проходящем сейчас в Москве совещании госпромышленников при бюро съезда торговли и промышленности носят страстный и даже резкий характер. Хозяйственники открыто обвиняют СТО в неисполнении обещаний по поддержке промышленности. Тяжелое финансовое положение промышленности, по мнению хозяйственников, явилось, гл. образом, результатом истощения оборотных средств, на что еще указывалось в прошлом году, когда СТО обещал прийти на помощь после укрепления новой валюты [червонца]. Теперь банковский процент дошел до 20%, администрация предприятий вынуждена закладывать сырье, дабы получить необходимые суммы на расплату с рабочими и служащими, банки неохотно кредитуют тресты под готовую продукцию, учитывая кризис сбыта, а мероприятия Внуторга по ликвидации кризиса сбыта еще больше стеснили торовые. аппараты трестов, лишившихся своих постоянных рынков и вынужденных предлагать свои изделия лишь по тем районам, кои указаны в картограмме для каждого треста. В связи с этими совещаниями в Москве открыто говорят о неспособности Каменева руководить таким высшим хозяйственным органом как СТО. <...>

А вот взгляд профессора-экономиста А. Маркова в «Днях» от 22.4.1925 г., статья «Не с того конца», стр. 3-4 (elibrary.ru/nodes/9865-1925#page/444/mode/inspect/zoom/8):

Итак, частное купечество вновь приглашается... И притом опять «всерьез и надолго», как заявил в своем докладе по этому вопросу [член ВСНХ] Смилга («Эконом. Жизнь» от 1.4). <...> В том-то и беда, что кроме «буржуя» и мужика сов. власть до сих пор не может найти, кто бы ее содержал. Вот именно в этом вся суть дела. Громадное сов. хозяйство, в виде национализированной промышленности, это только расходная статья в бюджете, но не доходная. Сов. промышленность получает бюджетные дотации, превышающие сомнительные от нее доходы. Она пользуется громадными льготами в [налого]обложении, в плате за коммунальные услуги, за помещение. Она усиленно финансируется в кредитном порядке и путем государственных заказов, сдаваемых по монопольным ценам.

Достаточно указать, что в текущем году по государственному бюджету на сельское хозяйство ассигновано 40,6 млн. руб., а на промышленность – 59,6 млн. руб., причем это ассигнование увеличивается. А между тем капитал с.х. определяется в 6,5 млрд. руб., а промышленности – 5,3 млрд. руб. (Баланс народного хозяйства, «Эконом. Жизнь» от 29.3). В кредитном порядке промышленность в 23-24 [бюджетном] г. на 1.10 должна 4-м банкам 423 млн. руб. Все учетно-ссудные операции 4-х главных сов. банков составляли на 1.10.1924 г. 850 млн. руб., и, кроме того, через Госбанк было выдано промышленности ссуд за счет Наркомфина на 1.10. 170 млн. руб. Кредит же, оказанный с.х., считая в т.ч. весь основной капитал Сельскохозяйственного банка и кредиты на снабжение [с.-х.] машинами, не превысил на 1.10 и 170 млн. руб. («Эконом. Обзорение» №3, стр. 35). На-днях [наркомфин] Сокольников указывал, что в минувшем году 9 синдикатов закончили год с дефицитом, причем он в особенности значителен по Текстильному синдикату, несмотря на бывший большой спрос на ткани. За чей счет будет покрыт этот дефицит? Конечно, за счет частных плательщиков налогов.

Итак, проникновение в сущность сов. [налого]обложения показывает, что необычайное разнообразие и высота обложения, падающего на частные хозяйства, находится в зависимости от самой системы сов. экономики, благодаря которой огромная отрасль народного хозяйства – сов. промышленность – не участвует в создании государственных и местных налогов. Наоборот, занимая монопольное положение, эта промышленность, помимо давления на частное хозяйство через государственный бюджет, давит и непосредственно, путем необычайно высоких товарных цен. Если, следовательно, серьезно ставить перед собой вопрос о создании нормальных условий для частного хозяйства, и в 1-ю очередь для частной торговли, то надо к этому делу подходить не с того конца, с которого подходят все коммунисты, а с другого: надо упразднить все паразитическое сов. хозяйство.

Чем кончилась эта муторная переписка с Промбанком и Цустрахом, неизвестно, по крайней мере, автор этих строк при работе в фондах РГАЭ подходящих документов специально не разыскивал...

Но понятие «финансовая катастрофа» можно было бы отнести ко всей государственной (социалистической) промышленности. См. в приведенном выше примечании не только статью «Каменевым недовольны» в берлинских «Днях» от 5.4.1925, но и выступление известного экономиста А. Маркова «Не с того конца» в тех же «Днях» за 22.4.1925.

Р.Э. Классон мог лишь в служебной переписке указывать «строителям социализма» на некоторые недостатки реального хозяйствования в социалистической экономике, например, в своем письме, уже как члена правления Госторфа, в правление этого самого Госторфа от 6 февраля 1925 года:

Я обращаю внимание Правления Госторфа на совершенно неблагоприятное положение, создавшееся на Ярославских разработках. На Ярославском болоте в прошлом году бездействовало большое имущество Гидроторфа стоимостью свыше 1,5 миллиона рублей – 4 крана со всеми принадлежностями. Затем, по нашему настоянию, часть этого имущества была передана МОГЭСу для того, чтобы оно не лежало мертвым капиталом. Но все же имущество, оставшееся в Ярославле, представляется в высшей степени ценным имуществом, которое могло бы быть с пользой употреблено в другом месте. Там же лежит значительное количество торфа, выработанного в 1923 году. В прошлом году Ляпинские разработки не работали, так как электрическая станция, для которой предназначен торф, все еще строится и, вероятно, будет строиться еще долго.

Имущество было взято в свое ведение Ляпинской станцией, которая пожелала его себе присвоить. Непосредственное присвоение не осуществилось, но с Ляпинской станцией велись бесконечные переговоры по поводу образования совместного общества, Гидроторфа с электрической станцией. Из этих переговоров ничего не вышло, и имущество осталось за Гидроторфом, но находится на хранении у Губисполкома.

В настоящее время, как Правление усмотрит из прилагаемых двух донесений представителя Гидроторфа в Ярославле, инженера Саркисова, видно, что Ляпинская станция совершенно беззащитно расходует на собственные нужды и присваивает себе ценное имущество Гидроторфа, моторы и машины, без всякого даже о том извещения Гидроторфа, просто по праву сильного, захватившего в свои руки чужое имущество.*

Я протестую против такого расхищения, тем более что намечается работа Гидроторфа как в Ленинграде, так и вблизи Волховстроя. И тогда все это имущество могло бы быть с пользой употреблено для новых разработок. Конечно, нет никакого смысла для новых разработок покупать новые моторы, раз эти моторы имеются, но захвачены посторонними людьми, не имеющими отношения к Гидроторфу.

*Ввиду этого я прошу Правление заявить протест против расхищения имущества и требование о возвращении уже взятого у Гидроторфа имущества. Что касается торфа, который там лежит, то я предлагаю его продать, хотя бы с убытком, в город и спешно реализовать сколько можно, так как лучше получить дешевую цену, чем, в конце концов, рисковать потерей торфа**.*

* В итоге в 1925 г. строящаяся Ляпинская электростанция была слита с Ляпинскими же разработками Гидроторфа.

** Из справки о Ляпинских разработках от 6 февраля 1925 г., подписанной В.Д. Кирпичниковым: «В сезоне 1923 г. <...> добыто было около 1 300 000 п. торфа, 500 000 п. продано было различным потребителям, главным образом – фабрике «Красный Перекоп», остальное количество – 800 000 п. – до сих пор осталось нереализованным. <...> Осенью этого года [на Ляпинской электростанции] должна быть пущена в ход первая турбина в 2 000 квт». – РГАЭ, ф. 758

В январе 1925-го Р.Э. Классон выступил на 2-м Всесоюзном теплотехническом съезде с докладом «О заводе искусственного обезвоживания торфа». Как было заявлено в преамбуле этого доклада, «цель завода – создать условия для непрерывного производства торфа в течение почти круглого года (за исключением двух-трех зимних месяцев), а если удастся технически осуществить, то и в течение всего года».

Участников съезда весьма заинтересовал такой завод и они засыпали докладчика разнообразными вопросами. Основной, конечно же, касался КПД завода и его экономики, то есть почем может обойтись пуд торфяных брикетов или порошка. Классон в докладе привел такие аргументы:

Самая добыча торфа чрезвычайно дешева без разлива и сушки и составляет всего лишь около 3 коп. на пуд, считая амортизацию, электрическую энергию и проч. Если считать, что на сушильный процесс и механизмы завода будет израсходована третья часть получаемого торфа, то это повысит стоимость готового торфа только до 4 коп., т.е. величины совершенно незначительной. Цифра 33% затрат на механизмы и сушку вполне соответствует аналогичным расходам по брикетированию бурого угля и близко подходит к собственному расходу Донецкого бассейна. <...>

На эту стоимость торфа в 4 коп. ложится добавочная амортизация завода, и в этой последней цифре, конечно, заключается условие экономичности всего процесса. Сейчас этих цифр еще подсчитать нельзя, т.к. завод находится в непрерывном процессе изменений и усовершенствований. И только тогда, когда этот процесс замедлится, можно будет подсчитать цифры для второго, уже не опытного, а промышленного завода. Весь вопрос, конечно, в размере оборота, в знаменателе, т.е. в количестве пудов, которое будет выпускать завод. Как бы ни было дорого оборудование, оно не играет решающей роли, если только оборот велик.

А отвечая на упомянутый вопрос, опять пытался довести до участников съезда весьма необычную для них мысль:

Что касается вообще КПД завода по обезвоживанию, то этот вопрос нами разрабатывался. Мы сносились по этому поводу с иностранными инженерами, работающими в том направлении, что и мы, на заводе Мадрука, и мы считаем, что КПД такого завода будет около 70%. Т.е. 30% добытого торфа будет тратиться на процессы химические, тепловые и на моторную энергию. Конечно, эта цифра не окончательная. Теперь это 30%, через год она, может быть, будет меньше.

<...> Если добыча будет стоить 2-3 коп. [за пуд], то с переработкой на заводе она обойдется в 4 с небольшим коп. В этом пока ничего страшного нет. Но к этим 4 коп. надо прибавить расходы завода: проценты на амортизацию и на затраченный капитал. Мы считаем вполне возможным ставить даже очень дорогие машины, лишь бы была высока их производительность.

Я приведу пример из автомобильной промышленности: в Германии автомобильная промышленность оборачивает свой капитал три раза в течение года, а Форд оборачивает свой капитал пятьдесят раз в год. Благодаря этому Форд может ставить самое дорогое оборудование, и все же при большом обороте оно окупается, и производство его дешевле всякого другого.

Однако Л.К. Рамзин, директор Всесоюзного теплотехнического института (ставший в 1930-м главным обвиняемым-обвинителем по «делу Промпартии»), выступил за использование как можно более простых и дешевых механизмов и машин:

Необходимо вести работу в направлении уменьшения дорогостоящих механизмов, потому что иначе капитализация ляжет высоким накладным расходом. По той калькуляции, которая была сделана, выходило, что себестоимость торфа при таком оборудовании обойдется в 12 коп.

Я считаю, что эта стоимость торфа очень низка, что в действительности торф будет стоить значительно дороже. <...> Что касается выделения воды при помощи того способа, который здесь излагается, то это вполне правильный путь, но опять-таки его необходимо удешевить. Никто в мире кроме Гидроторфа не рискнул заказать такой мастодонт, каким является этот механизм [Мадрук].

Как утверждал ранее Р.Э. Классон, «мастодонт» – пресс Мадрук, был куплен в Германии по цене металлолома. Кроме того, профессор Рамзин предложил значительно более осторожно подходить к опытам по сухой перегонке торфа, при которых получалось до 13-15% смолы от массы сухого торфа и до 20% бензина от выхода смолы:

Получается ничтожный выход смолы – 13% из торфа. Гораздо большее количество можно получать самым простым способом. Мы из угля получаем гораздо большее количество смолы, и если мне предлагают путем переработки торфа получить 13% смолы, то я заявляю, что это дело совершенно безнадежное.

<...>Я думаю, что размер и конъюнктура бензина из года в год падает и будет падать, потому что с легких двигателей переходят на более тяжелые, и стоимость бензина будет понижаться из года в год. Поэтому рассчитывать для бензина на длительную конъюнктуру по 2 руб. за пуд конечно не приходится, нужно вести расчеты в более спокойной обстановке. Тем более что нефтяная промышленность дает большое количество бензина, более дешевым способом. Идти на ту же переработку торфа не стоит.

На все эти сомнения и упреки Р.Э. Классон ответил весьма достойно:

Я стою на чисто инженерной точке зрения, а не на профессорской. И даже если бы какая-нибудь комиссия и вычислила, сколько в данное время стоит торф, то для меня это не будет иметь никакого значения, т.к. я буду руководствоваться в своей работе только своим инженерным чутьем. У меня 33 года инженерного стажа, и я больше верю своему чутью, чем десяти комиссиям. Никакие комиссии мне не могут доказать того, что мне кажется неправильным и наоборот. И бухгалтерия в данное время тоже ничего не может доказать, ввиду того, что завод находится в процессе созидания.

<...> Я не вижу препятствий к постановке дорогих машин. Важно только, чтобы эти машины себя окупали, абсолютная же стоимость их никакого значения не имеет. Есть очень дорогие машины, которые очень хорошо окупаются. Что же касается сложности завода, то с этим я не могу согласиться. Мне он кажется очень простым, и все механизмы в нем с каждым днем упрощаются. Сейчас на заводе торф проходит через три машины для обезвоживания.

Первая стадия обезвоживания – сетчатые элеваторы и барабаны, они стоят гроши, и эксплуатация их так же стоит гроши. Вообще нам не жаль тратить ни механическую, ни электрическую энергию. Гораздо большую стоимость представляет тепловая энергия для сушки, и потому важно понизить содержание воды в торфе, поступающем в сушилки. Если это удастся понизить до 50%, к чему мы стремимся, то будущность завода обеспечена.

Теперь я хотел сказать по поводу бензина. Я утверждаю, что бензин будет дорожать с каждым годом, и утверждать, что бензин нам не нужен, никоим образом нельзя. Я уверен, что лица, сказавшие, это пожалеют о своих словах впоследствии.

Дискуссия эта происходила, понятно, до открытия «второго Баку» (залежей нефти в Поволжье) и «третьего Баку» (залежей в Западной Сибири). Тем не менее, жизнь показала, что в отношении масштабов использования бензина и цен на него был прав инженер Классон и не прав профессор Рамзин.

До сих пор на автомобилях бензиновые двигатели конкурируют с дизельными, а в авиации (на газотурбинных двигателях, вытеснивших моторы внутреннего сгорания) вместо бензина теперь используется керосин, но никак не солярка или газотурбинное топливо.

В начале 1925 года торфяная промышленность РСФСР претерпела «очередное перетряхивание»:

Согласно постановления ВСНХ от 24/Х 1924 г., подтвержденного Экономсовета РСФСР от 31/І 1925 г., произошло слияние Цуторфа и Гидроторфа в единый орган Госторф. Фактическое объединение Цуторф и Гидроторфа произошло с момента утверждения временного Правления Госторфа 9/ІІ 1925 г.

В феврале 1925-го Член Правления Госторфа Р.Э. Классон отправил такой системный экономико-технологический циркуляр в Производственный Отдел Гидроторфа:

В настоящем году нам предстоит сопоставить расходы по добычанию торфа на заводе с расходами обычной воздушной сушки. Конечно, в настоящее время еще рано производить эти подсчеты, так как производительность завода еще не установлена и все время меняется, но вторую половину, а именно – стоимость работ по сушке уже теперь можно определить с достаточной точностью и отсюда вывести те расходы, которые допустимы на заводе. Я прошу Производственный Отдел произвести эту работу и противопоставить друг другу следующие цифры: 1) затрату основного капитала в том и другом случае, 2) эксплуатационные расходы, 3) оборот капитала.

<...> Все эти подсчеты, конечно, носят совершенно приблизительный характер и могут явиться только первым приближением к тому, чтобы судить о сравнительной стоимости того и другого производства. Подсчеты должны дать приблизительное представление о величине того основного капитала, который можно затратить на завод и на его оборудование. Расходы завода на электрическую энергию и на сушку будут вставлены мною впоследствии. От Производственного же Отдела мне нужны, главным образом, круглые цифры стоимости отдельных элементов воздушной сушки, т.е. полей, массопроводов, барачков и проч.

В частных письмах он был, естественно, более откровенен. Вот фрагменты его переписки с руководителем Нуторфмоск (Берлин) Б.А. Кревером:

В каждом письме, следовательно, и в этом, я повторяю, что надо торопить Вольфа [с поставкой им фильтров], т.к. нам очень важно с весны пустить завод. Мы подвергаемся ожесточенным нападкам Ревизионной комиссии, и лучший ответ для этого – успешная работа завода. <...> Сейчас вообще все бесконечно затягивается и, к сожалению, нам придется пускать завод два раза: ранней весной с существующими машинами и вторично осенью – с новыми, которые к тому времени поспеют. Заказы на русских заводах так же чрезвычайно долго тянутся, а заграничные хотя и изготавливаются скоро, но убивает [медлительный] транспорт.

А вот фрагменты его письма другому инженеру в Берлине – И.И. Феникеви (Фенькэви):

Хотя наш завод по обезвоживанию еще далеко не закончен и мы еще не можем подвести под него экономического фундамента, но волею судеб нам приходится составлять проект, конечно, в самых общих чертах, будущего второго завода, который должен стать уже «рентабельным», как теперь принято выражаться.

Вот эта-то рентабельность, конечно, составляет большие затруднения и в значительной степени зависит от того, по какой цене мы получим электрическую энергию и пар от соседней станции. Если нам приходится покупать то и другое, то дело обстоит плохо, потому что цены сверхъестественно высоки. Все норовят драть с живого и мертвого.

До войны мы ставили в счет торфодобыче киловатт-час в 1,5 коп., а сейчас мы платим [на Электропередаче] 3,5 коп., на Дальнинском болоте – 5 коп., а в Сормове за прошлый год с нас Сормовский завод запросил ни больше ни меньше как 54 коп. Эта цифра достойна быть записанной в летописи.

Завод может выгодно работать только в том случае, если он будет работать на собственном токе и на собственном паре, то есть чтобы это был, как я уже много раз писал, станция-завод. <...> После Пасхи хотим пустить завод со старыми машинами, так как новые идут бесконечно медленно и дойдут к нам только в середине лета. Мы их тогда установим и вновь пустим завод уже с более совершенными машинами.

По-видимому, в начале 1925-го Гидроторф (уже поглощаемый Госторфом) отправил доклад в Экономическое совещание относительно своего технического положения в конце 1924 года. Мы здесь, конечно же, не будем его приводить полностью, отметим лишь такое утверждение:

Мы совершенно убеждены, что при рациональной постановке Гидроторфа в широком масштабе, с применением всех усовершенствований этого года мы можем создать для Центрального района самое дешевое топливо. Вся беда в том, что мы не можем это продемонстрировать в широком промышленном масштабе за отсутствием денег. А все органы, которые ассигновывают средства на дальнейшие работы, считаются исключительно с бухгалтерскими цифрами прошлых лет и никак не могут учесть тех факторов, которые войдут в производство ближайших лет, благодаря изменениям и усовершенствованиям его.

Господствует бухгалтерский, а не инженерский взгляд, и вот почему мы не могли получить достаточного количества денег для переоборудования нашего инвентаря.

А вот безапелляционную концовку заключения Ревизионной Комиссии по Госторфу и Цусланцу, подписанного ее Председателем М.И. Гришиным 3 марта 1925 года, приведем почти полностью:

Ревизионная Комиссия полагает, что Гидроторф не может получить чаемого им количества денег не потому, что бухгалтерия заела инженерский взгляд, а по следующим трем причинам, которые Гидроторф упорно и сознательно не желает учитывать:

а) скромный бюджет советского государства слишком беден для того, чтобы выдержать дорогие и бесконечные по многообразию и длительности опыты Гидроторфа;

б) Гидроторф до сих пор еще ни в коей мере не оправдал своих широких обещаний;

в) пред нашим народным хозяйством стоят проблемы более насущные, чем Гидроторф, и на которые у нас тоже денег не хватает.

Р.К. считает, что Гидроторфу давно бы следовало превратиться в подлинно советское учреждение, которое во всех своих начинаниях считается с общегосударственными возможностями и интересами.

Уверения Гидроторфа, что им уже достигнуты почти окончательные благоприятные результаты с заводом по обезвоживанию, неверны. Завод этот, несмотря на то, что уже давно построен, до сих пор работать не может, а сфабрикованные несколько брикетов из слабо разложившихся частей торфа – весьма невысокого качества.

Об экономичности этого завода и говорить нельзя. Гидроторф на стр. 6 своего доклада уже говорит о новом заводе, который будет экономически выгоден. Здесь весьма ценное признание, что старый завод экономически невыгоден и технически несовершенен, и ценно оно тем, что позволяет задать автору вопрос, почему он создал этот дорогой завод, техническое и экономическое несовершенство коего ему предсказывал ряд компетентных лиц, больше его знакомых с торфяным делом и с сушкой торфа?

<...> Р.К. поэтому полагает, что Гидроторффу следовало бы куда более осторожно говорить о результатах по обезвоживанию торфа. Опыты эти длятся несколько лет, а реальных результатов, которые давали бы Гидроторффу право делать такие широковещательные заявления, нет.

Р.К. теперь имеет еще одно подтверждение своего мнения в том несочувствии, с которым был встречен доклад Р.Э. Классона о заводе по обезвоживанию гидроторфа на II Всесоюзном Теплотехническом Съезде. Там профессор Л.К. Рамзин, вполне компетентное и стоящее в стороне от торфа лицо, в присутствии крупнейших специалистов торфяного дела указал Р.Э. Классону на полную несостоятельность и нелепость всего этого завода по обезвоживанию и на непростительную его дороговизну.

Никто из присутствовавших специалистов и не пытался опровергнуть слова профессора Л.К. Рамзина, соглашаясь с ним, и даже сам Р.Э. Классон не смог противопоставить ничего существенного. Р.К. давно добивается назначения специальной технической комиссии, которая установила бы, чего добился Гидроторфф в результате затраты большой суммы денег.

<...> Гидроторфф утверждает, что ими сделано огромной важности открытие и протестует против того, что это открытие держат под спудом и что дали на него всего 16 000 руб. Открытие это касается вопроса о получении из торфа, путем сухой перегонки, бензинов и различных масел. Но и здесь Гидроторфф умалчивает о всем том, что давно известно по этому вопросу.

Ведь давным-давно известно, что из торфа и из содержащихся в нем летучих веществ можно получать и масла, и бензин, и много всякой всячины, как известно [и то], что нерентабельно производить эти манипуляции с торфом, что из нефти гораздо лучше и дешевле, и проще можно получать этот продукт.

Не закончив работ по обезвоживанию торфа и не давши никаких реальных результатов, Гидроторфф бросается на другое. Необходимо категорически запретить Гидроторффу затрачивать деньги на всякие новые опыты и идеи, пока не определятся осязаемые результаты прежних и пока не будут выполнены все обещания Гидроторфа и его ответственных руководителей по самому обезвоживанию.

<...> На основании всего вышеизложенного Р.К. считает необходимыми и неотложными следующие мероприятия:

1. Не представлять доклад Гидроторфф в ЭкоСО РСФСР, как могущий ввести высший орган Республики в заблуждение. Если доклад этот уже представлен туда, в срочном порядке аннулировать его.

2. Сформировать вполне компетентную и объективную специальную комиссию, при обязательном участии Ревизионной Комиссии, для выяснения достижений Гидроторфа в области искусственного обезвоживания торфа, его сухой перегонки и для дачи заключения по существу старого и нового стандарта торфодобычания.

3. До окончательного заключения этой комиссии прекратить какую бы то ни было выдачу денег на всякие новые идеи Гидроторфа.

4. Указать ответственному руководителю Гидроторфа на недопустимость, с точки зрения государственных интересов, невыполнения им своих обещаний и на чрезмерное и ненужное увлечение новыми идеями утилизации торфа, в ущерб основной цели – усовершенствование гидравлического способа добычи торфа.

Отметим здесь, что в августе 1925 г. тов. Гришин уже не являлся председателем Ревизионной Комиссии, его сменил другой профессиональный «проверяльщик» – тов. Яковлев.

Кроме того, тезис «никто из присутствовавших специалистов и не пытался опровергнуть слова профессора Л.К. Рамзина, соглашаясь с ним, и даже сам Р.Э. Классон не смог противопоставить ничего существенного» был очередной передержкой. Повидимому, «профессиональный проверяльщик» написал этот пассаж со слов недруга Гидроторфа – инж. Цейтлина, засветившегося на съезде.

Весьма спорен и следующий тезис: «Ведь давным-давно известно, что из торфа и из содержащихся в нем летучих веществ можно получать и масла, и бензин, и много всякой всячины, как известно [*u to*], что нерентабельно производить эти манипуляции с торфом, что из нефти гораздо лучше и дешевле, и проще можно получать этот продукт».

Действительно, реальной себестоимости бакинской нефти и транспортных издержек по доставке продуктов ее переработки в Центральный район не знал никто (цены ведь при большевиках были директивными!). В дальнейшем власти затратили огромные объемы инвестиций на открытие и освоение «второго Баку» (залежей нефти в Поволжье) и «третьего Баку» (залежей в Западной Сибири). И опять-таки не факт, что себестоимость добычи, переработки и перевозки нефти и продуктов ее переработки в Центральный район была ниже себестоимости продуктов, полученных из возгонки местного торфа. Сейчас экономику последнего производства необходимо будет сравнивать уже с огромными затратами на разведку, обустройство месторождений и добычу (с последующей переработкой) нефти в Восточной Сибири и на шельфе!

В апреле 1925-го Члены Правления Госторфа Р.Э. Классон и В.Д. Кирпичников, почуявшие угрозу самому существованию «дела государственной важности», обратились к Председателю Правления Госторфа И.И. Радченко:

Мы получили проект положения о Научно-Опытной Станции по Гидроторфу, по всей вероятности разработанный [Членом Правления Госторфа] Е.Н. Забицким (проект прислан без всякой сопроводительной бумажки), и должны заявить решительный протест против проведения этого проекта в жизнь. Основная идея этого проекта заключается в лишении Гидроторфа какой бы то ни было производственной деятельности, что, несомненно, поведет к прекращению дальнейшего распространения гидравлического способа добычи торфа и, возможно, к ликвидации гидроторфяных разработок на Ляпинском и Чернораменском болотах.

Для того чтобы Гидроторф мог развиваться, совершенно необходим какой-нибудь центральный орган, который обслуживал бы как существующие торфяные разработки, так и помогал бы созданию новых разработок по способу Гидроторфа. В таком органе должны быть лучшие специалисты по Гидроторфу и в его задачи должно быть включено изготовление и монтаж специального оборудования для добычи торфа гидравлическим способом, осуществление технического надзора и инструктирования персонала и проведение первой торфяной кампании на новых разработках Гидроторфа.

<...> Такому центральному органу должны быть переданы монопольные права на гидравлический способ добычи торфа с правом взимания со всех предприятий, добывающих торф гидравлическим способом, попудной платы, большая часть которой должна идти на продолжение опытных работ по улучшению и усовершенствованию добычи гидроторфа и его летней сушки. Все имущество, которое было у бывшего Гидроторфа, за исключением того имущества, которое будет передано хозорганам, ведущим добычу торфа гидравлическим способом, должно оставаться в распоряжении Гидроторфа в качестве оборотного фонда, иначе это имущество, в большинстве случаев специальное, будет ликвидировано за бесценнок. <...>

К письму было приложено Положение о Государственном техническом бюро «Гидроторф», которое предлагалось подчинить непосредственно Угпрому ВСНХ РСФСР и в состав которого должны были войти бывшие Научно-Опытная Часть Гидроторфа с заводом по обезвоживанию и Техническая Часть Гидроторфа. Однако власти в очередной раз проигнорировали требование родоначальников Гидроторфа.

В июле 1925-го в очередной раз забастовали торфяники – из-за очередной задержки зарплаты. Почему-то автор сих строк, изучая документы в РГАЭ, не отследил сей эксцесс, зато он попал в анналы ОГПУ. Из обзора политического состояния СССР за июль 1925 года:

Забастовки среди торфяников. *Сильное брожение, вылившееся в забастовки среди торфяников, вызвано снижением расценок, большими нормами и выдачей недоброкачественных продуктов. По Московской губ. в июле имели место 2 забастовки: на торфоразработках при ф-ке «Пролетарская диктатура» (бастовало 450 человек) и при «Электропередаче» МОГЭС (бастовало 270 человек). Рабочими выставлялось требование о повышении расценок на 50% и выдаче доброкачественных продуктов. Инициатором одной из забастовок был бывший коммунист.*

Торфяники при «Электропередаче» МОГЭС уже не входили в штат обкорнанного властями Гидроторфа, поэтому руководство последнего и не могло уже хлопотать за них... Оно (руководство) могло лишь осуществлять технический надзор за работой торфососных кранов и другой техники на болотах.

В августе Р.Э. Классон и Зав. Научно-Опытной Частью Гидроторфа Л.А. Ремизов вынуждены были обратиться к Члену Президиума ВСНХ РСФСР А.Н. Долгову:

Многоуважаемый Александр Николаевич. Обращаемся к Вам с просьбой помочь нам в Особом Совещании по восстановлению капитала промышленности. Туда была для включения в контрольные цифры сделана заявка в 480 000 рублей на постройку Завода по искусственному обезвоживанию торфа, но на заседании под председательством тов. Квиринга почему-то была похоронена.

Это значит, что постройка нового завода, к которому мы сейчас в своих работах подошли вплотную, отодвигается на полтора года, которые для дела будут безвозвратно потеряны. От существующего завода мы уже взяли почти все, что возможно. В течение часа вынутая из болота торфяная масса с 90% воды превращается в порошок или брикет, образец которого прилагаем, с влажностью менее 15%. Это уже высокосортное топливо. Работы этого сезона дают нам необходимые коэффициенты для выяснения экономичности завода. Но, конечно, рентабельным завод будет только при условии работы круглый год (вместо 75 дней для нормального торфяного сезона) и при условии его упрощения и установки машин последних моделей. На существующем заводе, носящем чисто опытный характер и оборудованном старыми машинами, можно только продолжать опыты.

Сейчас начинает работать Экспертная комиссия, которая даст свое заключение о нашей работе и о проекте нового завода (А.Н. Бах, В.Н. Вальяжников, М.Я. Ковальский, тов. Флаксерман), и мы только просим не хоронить дела до заключения этой Комиссии, для чего нужно условно включить 480 000 руб. в контрольные цифры на 1925/26 [операционный] год. ВСНХ включила эту сумму в бюджет финансирования промышленности, и в Промсекции Госплана РСФСР нам обеспечена поддержка, конечно при сопротивлении Наркомфина. С положением дела по обезвоживанию хорошо знакомы В.А. Белоцветов и Г.А. Сахаров.

В 1925-м было выполнено восемь пробных пусков опытного завода искусственного обезвоживания гидроторфа продолжительностью его работы до восьми часов.

Осенью экспертная комиссия ВСНХ под председательством А.Н. Баха засвидетельствовала, что Гидроторф смог решить задачу искусственного обезвоживания торфа (в отличие от безаппелляционных выводов «профессиональных проверяльщиков» из Ревизионной Комиссии). Весь процесс от забора его с полей сушки до получения порошка занимал один-два часа. Эти результаты позволили говорить о том, что экономически приемлемое по себестоимости топливо вполне может быть получено через несколько лет, надо лишь заменить часть машин на более совершенные.

Работа завода позволила сделать определенный прорыв в научно-техническом прогрессе, как теперь принято говорить. Впервые в СССР удалось помолоть торф в мельницах. Впервые в СССР и за границей для дробления топлива была применена молотковая мельница. Впервые в СССР торф брикетировался. Был сооружен и заработал первый в СССР прямоточный котел. Впервые в СССР твердое топливо сжигалось в виде пыли, и была обнаружена опасность взрыва смеси торфяной пыли с воздухом.

В 1925-м предполагалось добыть 250 тысяч тонн так называемого воздушно-сухого торфа (т.е. с влажностью товарной продукции не более 30%) – для «Электропередачи» и строившейся тогда Нижегородской станции. Опытный завод искусственного обезвоживания торфа на «Электропередаче» работал около года. Начатое в 1926-м переоборудование предполагалось завершить в 1928-м.

Но тут Роберт Эдуардович скоропостижно скончался. И, несмотря на возражения ведущих работников Гидроторфа, по решению И.И. Радченко и В.Д. Кирпичникова и с разрешения ВСНХ, завод демонтировали и его оборудование перевезли на Торфяную опытную станцию (ТОС) Научно-исследовательского торфяного института «Инсторф» в Редкине по Октябрьской железной дороге (см. ниже).

В сентябре-октябре 1925-го Р.Э. Классон последний раз отдыхал-лечился за границей. В ноябре он продолжал «строить планы на будущее».

Это видно, например, из его письма в Главное Электротехническое Управление, Электростроительный отдел:

<...> Сообщаем, что добыча торфа в 1926 г. должна быть 8 миллионов пудов. Что касается Вашего желания иметь добычу в 1927 г. в 25-30 милл. пудов, то это вполне возможно, но только при одном условии, чтобы все было вовремя сделано. К сожалению, в этом году все сделано не вовремя. До сих пор – середина ноября – нам деньги не ассигнованы, самые ассигновки менялись каждый месяц, и мы совершенно не имеем никакой определенной финансовой программы [на 1925/26 операционный год].

Благодаря опозданию в утверждении, как программы, так и финансовых средств, мы не можем рассчитывать почти на получение новых машин к предстоящему сезону и рассчитываем добыть 8 милл. пудов на наличных машинах с незначительными прибавлениями. Если та же история повторится в будущем году, и ассигнование кредитов затянется до ноября-декабря м-ца, то никаких 25 милл. пудов, конечно, добыть нельзя будет. <...>.

Приходилось объясняться и с «профессиональными проверяющими» по, казалось бы, пустячному делу (из ноябрьского письма Р.Э. Классона и и.о. Зав. Научно-Опытной Частью Гидроторфа М.А. Веллера в Правление Госторфа):

<...> При нашем заводе обезвоживания при «Электропередаче» есть дом для приезжающих, бывшая квартира Р.Э. Классона, который служит местом остановок для ответственных работников Научно-Опытной Части во время командировок на завод.

В этом же доме останавливаются представители ВСНХ и многих других организаций, а также гости, приезжающие из-за границы и из других мест для ознакомления с работой нашего завода. В этом же доме одна из комнат постоянно занята одним из работников завода низшей квалификации*.

Все лица, временно останавливающиеся в доме для приезжающих, оплачивают только стоимость своего продовольствия (при пользовании таковым) и не платят за ночлег. Это последнее обстоятельство, а именно бесплатность пользования ночлегом – принято нами давно и совершенно сознательно и оправдывается экономией в расходах, получаемых при этом.

Экономия в расходах вполне будет ясна, если сравнить действительный расход по дому для приезжающих, с той суммой, которую Научно-Опытная Часть должна бы выплатить командированным сотрудникам за ночлег (не свыше 1/5 суточных), если бы работники включали оплату ночлега в свои командировочные счета, на что они имеют законное право.

Подробная регистрация лиц, останавливающихся в означенном доме, нами ведется и из записи столующихся видно, что число посещений довольно велико. В отдельные месяцы оно составляет минимально 60 и доходит до 120 человеко-дней, а в год до 1 000 человеко-дней. Отдельного счета расходов на содержание этого дома нами не ведется за незначительностью расходов, каковые в течение года выражаются примерно в следующих суммах: обслуживание – 1 100 руб., отопление – 300 руб., освещение – 50-60 руб., ремонт – 100-200 рублей.

Из «Ноябрьских тезисов 1925 г. доклада о Гидроторфе»:

Сезонное производство. Торфяная кампания 1925 г. на «Электропередаче» и Чернораменском болоте прошла вполне успешно. Добыто 9 500 000 пуд. (112% программы) и 3 500 000 пуд. (116%) соответственно. На Дальнинском болоте, где [Богородско-Щелковский] Трест [хлопчатобумажных фабрик] отказался от технического надзора Гидроторфа, слабо – добыто всего 450 000 пуд. (68%).

Производственные коэффициенты «Электропередачи» и Чернораменского болота в 1925 г. значительно выше 1924 г. Особенно большие достижения достигнуты на новом стандарте, где добыча на кран за сезон достигла 1 250 000 пуд. <...> Себестоимость гидроторфа значительно понизилась. При осуществлении полностью нового стандарта можно надежно принять сезонную производительность 1 комплекса в 1 500 000 пуд. на пнистом болоте и 2 000 000 пуд. на беспнистом. <...>

Искусственное обезвоживание. Задача завода – освободиться от влияния погоды, избавиться от дорогостоящих операций по сезонной сушке торфа и от полей и создать взамен сезонной добычи торфа непрерывное, в течение круглого года, заводское производство, механизированное с начала до конца. <...>Только наличие дешевой гидромассы, т.е. торфа, размытого струей воды и переработанного в жидком состоянии, и применение в качестве коагулянта коллоидального раствора окиси железа дали возможность целесообразно и рентабельно решить эту задачу.

Добыча гидромассы может производиться в нашем климате в течение восьми месяцев, между тем как чрезвычайно желательно работать заводом по обезвоживанию в течение круглого года. Непрерывная работа завода может быть обеспечена путем заготовки гидромассы на зиму в глубоких земляных аккумуляторах.

* Типа, убирается в доме и присматривает за ним.

<...> Единственно целесообразный способ снабжения завода паром и энергией – применение турбины с противодавлением, в которой электрическая энергия получается почти даром, как побочный продукт производства. Такая турбинная установка, помимо снабжения энергией завода и добычи торфа, может отпускать с пользой для себя избыток энергии в районную сеть по 2 коп./квт.ч. Завод может вырабатывать как торфяной порошок, сжигаемый на месте (районные электроцентралы) с таким же к.п.д. как нефть, или брикеты, наиболее ценные для домашнего потребления и паровозов. <...>

Отметим здесь, что комбинат по производству торфа мог бы отпускать небывало дешево побочный продукт – электроэнергию по 2 коп. за киловатт-час, тогда как энергетики-контрагенты Гидроторфа продавали ее по 3,5-5,4 копейки!

В 1925-м (в каком именно месяце, атрибутировать не удалось) Р.Э. Классон обратился со служебной запиской на имя председателя Главэлектро ВСНХ, где обобщал опыт строительства первых электростанций по плану ГОЭЛРО.

Детальный «разбор полетов» мы оставим для очерка «Под большевиками», а здесь коснемся лишь торфяных станций. Как утверждал Р.Э. Классон, на сооружении тепловых станций в начале 1920-х можно было сэкономить не менее трети капиталовложений и, что тоже важно, существенно упростить эксплуатацию оборудования:

Все районные станции на торфу строятся с небольшими, экономичными и дорогими машинами и котлами, и все они применяют для утилизации теплоты отработанных газов экономайзеры. Я лично считаю, что в будущих станциях экономайзеров, представляющих дорогое по стоимости и чрезвычайно дорогое по занимаемому месту и по площади сооружение, ставить не следует.

Несомненно, при этом получатся некоторые потери вследствие недостаточного использования отработанных газов [(7-8% перерасхода топлива)], но при этом же экономится очень большая сумма первоначальных затрат. Котельное здание без экономайзеров займет, по крайней мере, на 30-35% меньше места и объема, чем нынешнее здание. Экономия на здании, вместе с экономией на экономайзерах, даст величину очень ощутительную. Кроме того, экономайзеры в эксплуатации представляются чрезвычайно неприятным элементом в котельной, с ними очень много ремонтных работ, притом работ тяжелых и неприятных».

И, наконец, о самом наблевшем, о торфе:

Тратятся сотни тысяч на большие котельные здания, на постройку экономайзеров. И вместе с тем те же финансирующие органы отказывают в десятках тысяч рублей, необходимых для работ по механизации и удешевлению торфодобычания. <...> Если бы те же деньги в последние годы тратились на постановку работ по механизации торфодобычания в достаточно широком масштабе, то, в конечном счете, экономия получилась бы, вероятно, более значительной для самих центральных станций.

Кроме того, удешевление торфа оказало бы благотворное влияние на всю промышленность и, в частности, на те же центральные станции, которые уже построены и которые предполагается строить.

<...> Из всех видов топлива торф является пасынком. Сотни миллионов тратились на нефть, сотни миллионов тратились на уголь Донецкого бассейна и лишь ничтожные суммы крайне неохотно выбрасывались на торф. Повсюду слышны жалобы, что торф дорог. Но что же сделано для того, чтобы удешевить торф?

Почти ничего, если не считать небольших сумм, отпущавшихся на работы по Гидроторфу и на работу Торфотехники и Инсторфа.

<...> Удешевление торфа играло бы такую огромную роль в жизни промышленного района, что это трудно даже оценить в цифрах. Дешевый торф лучше всяких запретов и законов приостановил бы лесоистребление, удешевил бы продукты промышленности и вообще ускорил бы темп промышленного восстановления.

Опять-таки, приходится говорить, что ничего для этого не делается. В частности, например, Гидроторф в настоящем году на средства МОГЭС поставил наиболее совершенную машину, соединенную с механическим формованием торфа. Результат получился блестящий, но для того, чтобы он выразился в реальных цифрах, нужно выделить его из среды остальных, уже устаревших машин, а это трудно.

Бухгалтерски будет получена цифра, средняя из десяти машин, из которых только одна машина современная, соответствующая последним научным результатам деятельности Гидроторфа. Ясно, что ее работа потонет в массе других машин и не может ярко проявиться.

Работы Торфотехники так же ведутся в очень скромном, нищенском масштабе, опять-таки из-за недостатка денег. Даже такой сильный трест, как МОГЭС, не может на свой счет произвести все опыты и разработать новые машины, не зная заранее их результата. Это дело Государства, и при достаточно широких взглядах давно нужно было ассигновать необходимые средства для удешевления важнейшего топлива центрального района.

Такие работы должны быть сосредоточены в определенном органе, интересующемся этим делом и ответственном за него. Ни один текстильный трест и ни одна электрическая станция не могут финансировать необходимых расходов, и это не их дело, это всецело дело Государства. Тем более, что расходы в общем незначительны, выражаются в нескольких сотнях тысяч рублей в год.

Результат же получится, несомненно, очень крупный. Удешевление нынешней цены торфа на 2-3 коп. [за пуд воздушно-сухой массы] будет иметь гораздо большее значение, чем оборудование вновь строящихся станций самыми совершенными машинами. Ясно, что если топливо будет стоить очень дешево, то и станции могут быть простые и дешевые, которые можно построить в один-два года, вместо нынешних четырех-шести лет (ф. 9508 РГАЭ).

Тезис Р.Э. Классона: «Из всех видов топлива торф является пасынком. Сотни миллионов тратились на нефть, сотни миллионов тратились на уголь Донецкого бассейна и лишь ничтожные суммы крайне неохотно выбрасывались на торф» был верен до самого конца правления большевиков: нефть, природный газ и уголь заняли 99% в топливном балансе Советского Союза. Жалкий один процент приходился на нескольких «пасынков» – торф, горючие сланцы и дрова. Сотни миллиардов рублей тратились на освоение новых нефтегазоносных территорий и на сооружение угольных шахт и разрезов...

Пасынком торф остается и в начале XXI века...

Статья «Кризис топлива и роль торфа» вышла уже после смерти Р.Э. Классона в феврале 1926-го. В ней он резюмировал:

В настоящее время в целом ряде заседаний, комиссий и учреждений выносятся постановления о том, что необходимо уделять больше внимания торфу.

Недавно с совершенной ясностью в заседании совета съездов промышленности констатировано, что те предприятия, которые в этом году озаботились заготовкой торфа, оказались во вполне благополучном положении по сравнению с теми, которые все свое благополучие строили на привозном топливе.

А меж тем еще год тому назад в топливных плановых органах торфом пренебрегали и всячески хотели поставить промышленность на привозном топливе.

Сейчас кризис топлива уже настолько остр, что необходимость спешных мероприятий для увеличения торфоразработок никем не оспаривается.

Однако последнее все время упиралось в запоздалое и недостаточное выделение чиновниками средств:

Добыча торфа может быть реально поставлена только тогда, если своевременно будут финансированы торфоразработки, т.е. своевременно будут даны деньги на подготовку полей летом, а не зимой, и если машины будут заказаны по крайней мере, за год, а то и более для того, чтобы они вовремя успели к торфяному сезону. Так как торфяные разработки всегда финансируются лишь на один год, и деньги на них отпускаются уже поздней зимой, то ничего из подготовительных работ вовремя сделано быть не может, и торфяные разработки хронически опаздывают. После чего им делается упрек, что они «не исполнили задания».

Заодно Р.Э. Классон приводил поразительные примеры вялой реакции на заказы Гидроторфа со стороны давно национализированных предприятий, действовавших в жесткой плановой системе т.н. «разнарядок» (НЭП, напомним, оживил лишь мелкорозничную торговлю и сферу услуг):

Когда Гидроторф получил осенью предписание готовиться к большой торфяной кампании 1926 и 1927 года, то он сделал запросы 10 русским машиностроительным заводам на изготовление 18 однотипных гусеничных кранов.

Такой заказ 18 однотипных по готовым заводским чертежам, казалось бы, должен был заинтересовать машиностроительные заводы. За границей такой заказ оторвали бы с руками. У нас получилась своеобразная картина: 8 заводов наотрез отказались от изготовления кранов, 9-й завод не отвечал в течение нескольких месяцев, и только 10-й завод согласился, но при условии доставления ему железа, на что Гидроторф пошел, считая, что в России найти небольшое, сравнительно, количество железа всегда можно.

Однако, оказалось, что найти самое ходовое обычное сортовое железо (угловое и швеллера) – задача совершенно неисполнимая. И работы по изготовлению кранов остановились из-за отсутствия двух вагонов железа, – остальное удалось набрать. Гидроторф обращался по много раз во все учреждения, которые имеют малейшее отношение к железу, но всюду получил отказ. Железа достать сейчас нельзя.

В виде курьеза могу сообщить, что наконец через три с половиной месяца ответил девятый завод и согласился исполнить краны, но с изумительно длинными сроками. А именно: для первого крана – 12 мес., а для последнего 23 мес. К этому, конечно, надо прибавить еще 3½ мес., потерянных в ожидании ответа. Так как эти краны должны были работать уже через 4 мес., то, конечно, такое предложение являлось иронией.

Еще хуже обстоит дело с электрической частью для тех же кранов. Требовались простейшие, ходовые [(тяговые)] моторы и трансформаторы низкого напряжения, т.е. такие предметы, которые электротехнические заводы должны были бы печь как блины. Передача заказов за границу была запрещена, так как Государственный электротехнический трест [(ГЭТ)] твердо взялся изготовить 26 моторов и 10 трансформаторов к сроку 1-20 апреля. Заказ был передан ГЭТ и подтвержден им.

По прошествии 4 месяцев ГЭТ прислал письмо, что первые моторы будут изготовлены 4 августа, т.е. через 4 дня после закрытия сезона, когда в моторах надобность уже минует. То же произошло и с трансформаторами.

Так как теперь даже из-за границы получить моторы нельзя, то вся работа Чернораменского болота, а с ней и вся работа Нижегородской электрической станции, в текущем году будет сведена к работе на существующих старых машинах. Ясно, что клиенты Нижегородской станции ток получают лишь в ничтожном количестве.

Но хуже всего то, что и в 1927 году предстоит аналогичная картина: так как теперь ГЭТ требует на изготовление моторов уже 12-14 месяцев, то их надо заказать сегодня, чтобы они успели к сезону 1927 года! Сроки [выполнения заказов] машиностроительных заводов аналогично длинны, а так как средства на 1927 год будут отпущены опять-таки только поздней зимой 1926 года или даже в начале 1927 года, как это всегда делается, то ясно, что к 1927 году Нижегородская станция опять останется без машин и, следовательно, без торфа.

Как мы уже отмечали, большевики проиграли соревнование с капитализмом из-за неповоротливой системы планирования, «разнарядок», отсутствия экономической заинтересованности предприятий и прочих «прелестей» социализма.

А теперь расскажем, как команда И.И. Радченко и В.Д. Кирпичникова раздербанила готовый завод на «Электропередаче» по искусственному обезвоживанию торфа и перетащила его в Редкино для «научных экспериментов».

В брошюре «Торфяная опытная станция (ТОС)», вышедшей под редакцией И.И. Радченко в 1928-м, приводились мотивы этого решения:

Главторф вскоре по его учреждению – еще в 1918 году – вошел с докладом в Президиум ВСНХ об организации ТОС. По докладу Главторфа Президиум ВСНХ утвердил временное положение о 1-ой Торфяной опытной станции. Местом для ее организации была избрана торфяная залежь «Галицкий мох» при ст. Редкино Октябрьской ж.д.

<...> Основным мотивом к возведению здания [испытательной станции] послужила необходимость переноса годных механизмов установки по искусственному обезвоживанию с ГЭС им. инж. Классона Р.Э. на территорию «ТОС».

К переносу установки принуждало следующее: неудобство экспериментирования на чужой территории, недостаток места для экспериментирования и залежи торфа, устаревший тип здания и большинства механизмов установки.

Учтя все эти обстоятельства, Президиум ВСНХ СССР вынес 17-го июня 1927 г. постановление о переносе всех пригодных к использованию механизмов названной установки на «ТОС». На перенос механизмов, переоборудование и расширение установки на «ТОС» Президиум ВСНХ СССР разрешил Инсторфу израсходовать в 1926-27 [операционном] г. всего 412 000 р. Для установки по обезвоживанию выстроено железобетонное здание. Кубатура здания 3 058 куб. мтр.

Ввиду перехода Инсторфа от полужавоцкого способа работ по обезвоживанию к лабораторному это здание будет иметь значение испытательной станции по разного рода термической переработке торфа – брикетированию, пылеприготовлению, обезвоживанию и проч.

И отсюда же:

С самого начала строительства и оборудования «ТОС» до конца [операционного] 1926-27 года были установлены на опытных участках «ТОС» следующие механизмы для испытания: <...> 9) Торфососный кран Гидроторфа; 10) Механизмы установки по искусственному обезвоживанию, транспортированные с территории ГЭС им. инж. Классона Р.Э. (работа по транспорту и установке производилась и в начале 1927-28 гг.). <...> Развернутые Инсторфом работы по механизации торфодобычания и рационализации торфоиспользования требуют в первую очередь установки на «ТОС» следующих механизмов: <...> 6) для продолжения опытов по искусственному обезвоживанию торфа, тепловой досушке, пылеприготовлению;

7) для организации термической переработки торфа (торфококсовальная, газогенераторная установки, установки для получения из торфа водяного газа [(метана)] и изоляционных плит.

Примерно о том же писал В.Д. Кирпичников в своей статье «К проекту переноса опытного завода искусственного обезвоживания и облагораживания торфа в Редкино» («Торфяное дело» №3, 1927 г.):

Как торфование и улучшение сезонной добычи торфа требует для достижения крупных результатов организации Опытной Станции, так и работа в области обезвоживания и облагораживания торфа требует создания опытного завода с комплектами машин в промышленном масштабе.

Когда намеченные для изучения вопросы уже проработаны в лаборатории, а некоторые, как искусственное обезвоживание, тепловая досушка, размол, брикетирование и перегонка торфа, уже изучались в полужаводском масштабе (на опытном заводе при «Электропередаче» и на старом заводе по коксованию в Редкине) – постройка вполне оборудованного опытного завода является неотложно необходимой.

По нашему мнению, вообще необходимо раз навсегда отказаться от надежды изучить и наладить какое-либо производство только путем лабораторного изучения или испытания в полулабораторном, полужаводском масштабе, т.е. с элементами машин или с опытными машинами минимального размера. Для этой цели необходима заводская установка, которая первоначально будет опытной.

Лабораторное, полулабораторное и полужаводское испытание, конечно, необходимо и должно предшествовать работе в заводском масштабе, но между двумя первыми и последней настолько большая разница, что выводы лабораторного и полулабораторного изучения могут значительно отличаться от окончательных результатов.

А между тем, для проведения в жизнь какого-либо нового, самого рентабельного процесса, по нашему мнению, необходимо получить в опытной заводской установке надежные цифры и вполне реальные технические и экономические коэффициенты, которые представлялись бы таковыми не только самим экспериментаторам, но и тем, кому придется их промышленно эксплуатировать.

Нельзя базироваться на возможности промышленной проверки новых процессов в промышленных предприятиях трестов, т.к. при обычном скептицизме к новым способам тресты лишь в исключительных случаях пойдут на риск, связанный с постановкой нового производства, еще не проверенного в заводском масштабе и не оправданного экономикой. Прототипом такого завода был опытный завод искусственного обезвоживания «Гидроторфа» при станции имени Р.Э. Классона («Электропередаче»), созданный при поддержке В.И. Ленина.

Этот завод первоначально был создан для опытной работы только в области искусственного обезвоживания торфа, но на нем удалось, по нашему мнению, технически эту задачу разрешить; лишь позднее начались на нем опыты в небольшом масштабе по брикетированию, приготовлению и сжиганию пылевидного торфа и по сухой перегонке торфа.

Дооборудование завода искусственного обезвоживания, необходимое для проверки рентабельности способа, и предполагаемое расширение завода для опытной работы по другим процессам встречает на «Электропередаче» большие затруднения как из-за недостатка места, так и из-за отсутствия свободных залежей торфа, нужных для промышленной проверки искусственного обезвоживания, брикетирования, коксования, газификации торфа и проч.

Таким образом, наметилась необходимость переноса опытного завода Гидроторфа с «Электропередачи» на Опытную Станцию Инсторфа, с одновременным расширением его в первую очередь для брикетирования и коксования, а затем и для сухой перегонки, газификации торфа и перегонки смол.

В настоящее время новый опытный завод запроектирован в большом масштабе для опытной проверки и изучения всех производств, перечисленных в начале статьи. Это, конечно, не означает, что придется строить отдельные заводы для каждого из упомянутых производств. Некоторые производства имеют общие установки: так, например, сушильное отделение обслуживает брикетирование и превращение в пылевидное топливо воздушно-сухого торфа и в то же время является продолжением завода искусственного обезвоживания. Торфоподача и дробление кусков торфа обслуживает коксование, электрическую станцию, газификацию, брикетирование и приготовление порошка. Смолоперегонный завод получает смолу от газогенератора, с коксостанции и из [промышленной] реторты для сухой перегонки.

<...> К постройке описанного завода необходимо приступить с начала строительного сезона 1927 года с тем, чтобы в течение зимы 1927/28 года закончить перенос и монтаж оборудования и с весны 1928 г. полностью развить опытную, научную работу по искусственному обезвоживанию и облагораживанию торфа в новом месте.

Мы предлагаем назвать этот завод «Опытным заводом искусственного обезвоживания и облагораживания торфа имени Р.Э. Классона, т.к. ему принадлежит заслуга постановки во весь рост задач искусственного обезвоживания и облагораживания торфа и инициатива решения этих задач в заводском масштабе.

А вот подробности, которые оставил И.Р. Классон в своих черновых записях (февраль 1962-го), имея в виду дописать этот сюжет в книге М.О. Каменецкого «Р.Э. Классон»:

О совещании у Ремизова, когда В.Д. Кирпичников уговаривал старых гидроторфистов одобрить перенос завода искусственного обезвоживания в Редкино с «Электропередачи», который вскоре привел к гибели всего этого дела. Против переноса были Мокшанский, Ефимов, Штумпф, Ремизов. За – Кирпичников, Стадников (но он не выступал), Земцов. (ф. 9508 РГАЭ)

В итоге, из-за местечкового зуда чиновников и честолюбивых планов В.Д. Кирпичникова так и не было доведено до ума перспективнейшее направление – не только искусственное обезвоживание торфа в заводских масштабах, но и, возможно, получение из него ценного топлива для металлургов – кокса и даже нефти! Установить, почему это произошло, выходит за рамки наших биографических очерков.

Стоит лишь отметить, что И.И. Радченко в августе 1937-го был арестован «как вредитель» на посту начальника Управления по строительству и эксплуатации заводов искусственного обезвоживания торфа!!

А в журнале «За торфяную индустрию» №1 за 1940 год на первых страницах была опубликована статья «Ленин – основатель торфяной промышленности», в котором приводился такой тезис:

Вопрос об искусственном обезвоживании торфа, которым так интересовался Ленин, сейчас уже практически решен. Заканчивается строительство первого в СССР Бокситогорского завода по искусственному обезвоживанию.

То есть крупное предприятие в Ленинградской области вроде бы должно было стать преемником зарубленных проектов в Подмоскovie, но так и не стало:

Завод искусственного обезвоживания торфа, ставший в послевоенные годы биохимическим заводом, а позже – ОАО «Бокситогорский завод «Полимер»», выпускал этиловый спирт, фурфурол, кормовую патоку, торфо-минеральные удобрения, теплоизоляционные плиты и другую нужную стране и району продукцию. (из Интернета)

Хотя брикетирование и помол торфа до пылевидного состояния, начатые на заводе искусственного обезвоживания, в СССР все же широко применялись. Автор этих строк смутно помнит, что в 1960-х в садовое товарищество Гидроэнергопроекта у железнодорожной платформы Алабушево приехал самосвал с торфяными брикетами для отца, по-видимому, как раз с ТОС в Редкине.

А в конце 1980-х на ГРЭС им. Р.Э. Классона (бывш. «Электропередачу») пришел последний эшелон с торфом. Правда, в это время на станции были уже установлены мощные газотурбинные агрегаты, которые, как известно, торфом питаться не могут: им подавай природный газ или газотурбинное топливо. Но паротурбинная часть, обеспечивающая потребности Электрогорска в энергии, вполне могла бы продолжать питаться местным топливом. По-видимому, Госплан СССР и Минэнерго СССР посчитали, что торф уже неперспективен. А жаль. Лишь сейчас в России возрождается интерес к этому местному, дешевому (при резко подорожавших природном газе и нефтепродуктах) топливу. Но, к сожалению, пока только в отдельных регионах – в частности, в Кировской области и Карелии.

Кстати, 9 мая 2011 года по телевидению был показан документальный киножурнал за июль 1943-го. И в нем имелся минутный сюжет «Больше торфа», иллюстрировавший добычу и сушку местного топлива на каком-то из передовых советских торфопредприятий. И что же мы увидели?

Да, торф размывали из брандспойта и засасывали, для разлива на полях сушки, каким-то, не показанным детально агрегатом. Но в кадр попала и торфушка, которая по пояс в жиже доставала руками из нее ветки, чтобы их не засосало в агрегат! А где же механизмы, которые при Р.Э. Классоне отменили ручной труд торфяников и торфушек, не говоря уже о заводах?

По-видимому, вся эта передовая техника была похерена еще в 1920-х. Далее в сюжете показали тех же торфушек, которые вручную переворачивали торфяные брикеты на полях сушки; их предварительное ручное мотыжение, как и ручная погрузка в вагончики, остались за кадром. Вот вам и «механизация труда» по-сталински – раз ручной труд дешевле механизмов, значит, первый будет преобладать над последним!

Здесь заодно упомянем о мифах, регулярно появляющихся в СМИ в связи с упоминанием отошедшего уже в историю гидроторфа. Например, о таких. В июле 2013-го я вынужден был дать следующую реплику на сайте «Богородск-Ногинск. Богородское краеведение» (www.bogorodsk-noginsk.ru):

Работая над архивными материалами по гидроторфу, случайно наткнулся на давние «Заметки к 80-летию Мосэнерго» бывш. директора Ногинских электросетей Л.Н. Мишина («Богородский край», №2, 2001 г.). И встретил в них удивительную хрень, в ссылке на Р.Э. Классона: ...автор т.н. «гидроторфа» – гидравлического способа добычи торфа, ухудшающего условия труда [??? – МК], но резко повышающего производительность.

Да ведь гидроторф задумывался Р.Э. Классоном и В.Д. Кирпичниковым токмо для того, чтобы одновременно и улучшить тяжелые условия труда торфяников, и повысить его производительность – в комплексе, механизировав не только добычу торфа, но и разлив гидромассы на поля сушки, формовку брикетов автомобилями-тракторами с большими колесами, а далее – отжатие воды и сушку бывшей гидромассы уже на специальном заводе на «Электропередаче».

Обо всем этом можно, например, почитать у ваших электрогорских коллег, которые опубликовали мои биографические очерки «Роберт Классон и Мотовиловы», в главах «Торфяные страдания» и «Гидроторф – «дело государственной важности»?» (см. номера газеты «Город. Электрогорск. Факты и мнения» за 2011-2012 годы, на сайте gzt-gorod.ru).

И получил такую беспомощную реакцию от Евгения Николаевича Маслова – администратора и соредатора сайта:

Михаил Иванович! Лев Николаевич [Мишин] не мог знать доподлинно об этой технологии и, скорее всего, почерпнул это высказывание о гидроторфе или в печати или с чьих-то слов. Не надо придавать этому большое значение. Лев Николаевич оставил по себе хорошую память – созданный им музей очень интересен и хотел бы посоветовать Вам как-то его, при возможности, посетить.

То есть, здесь мимоходом был похерен главный принцип журналистики, особенно связанной с исторической тематикой: не уверен в достоверности какого-либо факта или объективности чьего-либо мнения – проверь их, а не можешь, исключи возможное вранье!

К сожалению, за давностью лет сейчас уже невозможно установить, кто был повинен в вышеупомянутой «хрени», появившейся на страницах «Богородского края» в 2001-м: сам ли автор заметки, Лев Николаевич Мишин, или же редакция сей электронной газеты, снабдившая оную заметку малограмотными примечаниями к персонажам, упоминавшимся там...

А вот часть моей реплики «Как упала российская деловая журналистика!!», отправленной в «Живой журнал», в том же июле 2013-го:

Случайно наткнулся на публикацию «Экономисты милостью Божьей: Роберт Классон» [за 18 марта 2013 г.] в электронном ресурсе «Файл-РФ». Несмотря на комплиментарный характер материала Алексея Чичкина, у меня встали волосы дыбом, когда я вчитался в него!

<...> А теперь следующая хрень – по гидравлической добыче торфа и его сжиганию на станции «Электропередача» под Богородском (Ногинском):

«При осуществлении проекта выяснилось, что требуются более технологичные способы добычи и обработки сырья, тогда осуществлявшиеся вручную. Классон установил, что торф, приготовленный с добавлением воды, более эффективен при выработке электричества. И предложил технологию превращения торфа в густую жидкость (гидромассу) с использованием мощных насосов. Их производство при содействии Классона было налажено в России с 1915 года, несмотря на трудности военного времени. Технология добычи и переработки торфа совершенствовалась под руководством автора проекта вплоть до 1920 года».

Торф не готовился с добавлением воды, а вода под высоким давлением размывала торфяную залежь, а затем эту жидкую массу необходимо было высосать и разлить по полям для естественной просушки. Через некоторое время был привлечен профессор Г.Л. Стадников, чтобы химическим образом заставить жидкий торф коагулировать (створожиться) и отдать практически всю влагу. Ну и так далее, вплоть до создания на «Электропередаче» завода по искусственному обезвоживанию гидроторфа...

Классон до революции не мог наладить производство мощных насосов, они делались в единичных экземплярах или, скорее всего, приспособлялись готовые насосы. Кроме того, в 1920-х большинство оборудования (даже обычные газовые трубы!) было закуплено в Германии, на что Совнарком во главе с Лениным выделил валютные червонцы.

Но самой главной его заслугой (как и соизобретателя гидроторфа В.Д. Кирпичникова и многих других инженеров) было создание торфососа, который мог выкачивать гидромассу вместе с мхом, очесом, ветками, не захлебываясь от этого «мусора», как и создание единой технологической цепочки по механизации всего процесса: размыв торфяной залежи, удаление крупных пней, выкачивание гидромассы из карьера и транспортировка ее на поля сушки, формование на последних – торфяных кирпичей, сооружение завода по искусственному обезвоживанию торфа, куда гидромасса поступала, уже вместо полей сушки.

Эта технология добычи и переработки совершенствовалась вплоть до смерти Р.Э. Классона в 1926-м, а не до 1920 года.

Так что статья Алексея Чичкина представляет, к сожалению, худший вариант «делового науцпопа».

Вот такая безграмотность прет со страниц российской деловой прессы: «*торф, приготовленный с добавлением воды, более эффективен при выработке электричества*»! По-видимому, автор плохо учился в школе и не усвоил такие дисциплины как физика и химия: вода не способствует горению топлива, а наоборот – мешает оному процессу (например, сырые дрова с трудом разгораются в печке).

Другое дело, что кирпичи из гидроторфа (высушенные, естественно!) обладали большей рыхлостью (из-за интенсивного перетиранья волокон в торфососе и растирателе), чем кирпичи машинно-формованного торфа и потому более интенсивно сгорали в топках электростанций.

Из книги «Гидроторф» (1923 год):

Испытания шахтно-цепных топок, конструкции инженера Т.Ф. Макарьева, производившиеся на Шатурской электрической станции в октябре-ноябре 1922 года под руководством проф. П.М. Соловьева и инженера П.Н. Бочарова, дают дальнейший интересный материал для сравнительной оценки условий сжигания гидроторфа и машинно-формовочного торфа [(после проведения подобных же опытов на «Электропередаче»)].

<...> 5) При сжигании гидроторфа (опыт VIII) и таком же примерно избытке воздуха, как при опытах на машинно-формовочном торфе, удалось свободно вводить в топку значительно большее количество топлива без заметного увеличения потерь от неполноты сгорания и от завала за шлакосниматели, чем достигнута значительно большая форсировка котлов без понижения к.п.д. установки. К сожалению, условия подвода воздуха в обоих случаях были неодинаковы, а потому пока трудно категорически утверждать, что большой эффект, полученный при сжигании гидроторфа в этом опыте, объяснялся только свойствами гидроторфа (рыхлость слоя).

б) Повышение влажности торфа выше предельно допустимой (опыт X) не отразилось на к.п.д. котельной установки. Недостаток воздуха, сильно давший себя чувствовать при работе на сухом торфе, значительно меньше сказывался при опыте X, когда потеря от неполного сгорания уменьшилась до 2,5%, несмотря на то, что количество вводимого в топку торфа, при увеличенной толщине слоя и повышенной скорости движения решетки, осталось почти неизменным.

Уменьшение потери от неполноты [сгорания] произошло, по-видимому, с одной стороны, за счет избытка воздуха, который появился в топке при влажном топливе, с другой – отчасти за счет рыхлости слоя, обусловленного формой кусков гидроторфа, при которой, по-видимому, было достигнуто лучшее проникновение воздуха в толщу слоя.

В августе 2014-го автор сих строк работал в РГБ с публикациями в журнале «Торфяное дело» и «За торфяную индустрию» (так в 1930-х было переименовано первое издание), когда потребовалось расшифровать аббревиатуру ВИМТ.

В Интернете мне довольно быстро удалось найти: ВИМТ – это Всесоюзный научно-исследовательский институт механизации торфяной промышленности. Но заодно на сайте некоего Восточно-Европейского института торфяного дела (Инсторфа [??? – МК]) обнаружил удивительную хрень. Немного повозившись на этом ресурсе Интернета, я разыскал его хозяина – Тверской государственный технический университет и отправил по электронке возмущенное послание директору этого самого мифического Инсторфа, В.В. Панову:

Уважаемый Владимир Владимирович,

как же вам не стыдно исказить давно всем известный тезис:

оборудование для размыва торфяных залежей, всаса гидромассы (с перетираем торфяных волокон и даже мелких пней), перекачки и разлива последней на поля сушки изобрели [(разработали)] Р.Э. Классон и В.Д. Кирпичников, вкуче со своими сотрудниками, организованными в ноябре 1920 г. в Гидроторф.

С удивлением обнаружил на ресурсе instorf.ru следующее вранье:

Применяемое в начале 20-х гг. технологическое оборудование для добычи торфа не могло обеспечить потребности Народного хозяйства, поэтому первым основным направлением работы Инсторфа явилась механизация гидравлического способа добычи торфа. Институт был разработан комплекс основного технологического оборудования гидроторфа – гидромонитор, торфосос, растиратель, торфонасос и др.

Понятно, что и Гидроторфу вы не могли не уделить место:

Гидроторф в истории торфяной промышленности не только революционно-техническая веха, но и один из первых советских опытов использования программно-целевых методов планирования в горном деле при организации работ по гидравлической добыче торфа в 1920-1923 гг. В реализации программы «гидроторф» важное место занимал организационный аспект, который в настоящее время приобрел особое значение. Организационная часть программы конкретный пример ленинского подхода к решению задач научно-технического прогресса на заре Советской власти. Разработанная новая техника и технология позволила механизировать основные операции добычи торфа.

Гидравлический способ повышал производительность труда, снижал себестоимость торфяной продукции по сравнению с машинно-формовочным торфом на 40 %, сокращал затраты рабочей силы в 10 раз. 27 октября 1920 г. В.И. Ленин вместе с Н.К. Крупской, Ф.Э. Дзержинским, Л.Б. Красиным, А.М. Горьким, М.Ф. Андреевой и другими партийными и государственными деятелями присутствовал в Свердловском зале Кремля на докладе инженера Р.Э. Классона о гидравлическом способе добычи торфа и просмотре первого советского научно-технического фильма «Гидроторф», демонстрирующего работу технологического оборудования на торфоразработках «Электропередачи» и Шатуры. После просмотра фильма В. И. Ленин участвовал в состоявшемся обмене мнениями представителей Главторфа и Основной транспортной комиссии по поводу изобретения Р.Э. Классона и В.Д. Кирпичникова.

Общий срок реализации целевой программы «Гидроторф» составил 2 г. 3 мес. В 1923 г. на Всесоюзной сельскохозяйственной выставке экспонировался комплект машин для добычи торфа гидравлическим способом, который был удостоен диплома 1-й степени. Гидроторф, пришедший на смену машинно-формовочному способу добычи торфа, функционировал на некоторых торфопредприятиях до начала 70-х гг. Опыт его применения представляет большой интерес.

Но ведь комплект машин «Гидроторфа» (на выставке он вынужденно был неполным) как раз и включал в себя гидромонитор, агрегат с торфососом, торфонасосом и пеньевым краном и т.д.!! И первые опыты с гидромонитором Р.Э. Классон и В.Д. Кирпичников провели еще в 1915 г. Все это подробнейшим образом описано и проиллюстрировано в книге «Гидроторф».

Другое дело, что Инсторф и ВИМТ «подхватили упавшее знамя» из рук «Гидроторфа», когда он был ликвидирован, и пытались «выйти на передовые позиции», но далеко не все получалось. Об этом, в частности, говорится в журнале «За торфяную индустрию» №6, 1940 г., например в статье [заслуженного гидроторфиста,] инженера П.Н. Ефимова [«25 лет Гидроторфа»]:

Роль научных институтов в вопросе практического внедрения новых технологических схем в настоящее время очень невелика, причем Инсторф вообще не занимается вопросами производственной технологии, а ВИМТ интересуется, главным образом, конструированием машин, а не изучением их производственной работы и конечным технико-экономическим результатом их применения.

К вопросу о возможности внедрения новых машин институты подходят иногда настолько упрощенно, что после нескольких часов пробной неустойчивой работы и подчас в нехарактерных условиях предлагают их к сдаче как пригодные для производственного использования.

Для того чтобы получить более успешные результаты от работы институтов в области дальнейшей механизации торфяного производства, нужно заставить их более глубоко заниматься технологией торфяного производства и производственным внедрением новых механизмов. Все возможности для этого есть. Торфяная промышленность в настоящее время располагает такими богатыми кадрами, денежными средствами и возможностями изготовления нового оборудования как опытного, так и серийного, каких никогда еще в истории торфяной промышленности не было. Кроме того, наличие большого числа торфопредприятий позволяет производить испытания в самых широких и разнообразных производственных условиях.

Обо всем этом и надо было честно и последовательно написать на ресурсе instorf.ru.

В тот же день «уважаемый Владимир Владимирович» оперативно откликнулся, но при этом изящно «перевел стрелки» на давно умершего автора:

Глубокоуважаемый Михаил Иванович, полностью разделяю Ваши чувства о наиважнейших событиях в истории торфяного дела, и прежде всего, о роли Роберта Эдуардовича Классона. Мы знаем Ваши воспоминания о семье, включая сведения о развитии гидроторфа. В этом году мы выпускаем первую часть монографии по истории торфяного дела, где не будет тех фактов, на которые Вы указали из публикации на сайте.

Я не снимаю с себя ответственности за указанный Вами факт подмены исторических событий, но текст, который Вы прочли, написан в начале 80-х ныне покойным Алексеем Михайловичем Паниным – историком торфяного дела, который работал в НЦ Радченкоторф. Для нас в данной работе важным было обоснование даты появления торфяной промышленности в России.

Поэтому фразе, которая Вами выделена, мы не можем изменить, хотя мои коллеги и забыли указать ссылку на автора, о чем я им напоминал.

Что касается роли институтов в развитии технологий и пр., то я, как инженер-геолог, больше доверяю в этих вопросах инженерам-историкам. Например, у нас работает Любовь Владимировна Копенкина, именно ее книга в скором времени выйдет из печати. Если Вы найдете возможным, напишите ей – lvkopenkina@mail.ru.

Еще раз прошу прощения за доставленное огорчение. Желаю Вам доброго здоровья и душевного покоя. Владимир Панов

То есть, не один уже год на сайте мифического Инсторфа висит откровенное вранье, а его руководство не может изменить ни одной фразы в нем! Ну, так снимите эту статью вообще!!

В заключение сего очерка можно подвести печальный итог: «государственное дело – Гидроторф» после смерти его «благодетеля» – В.И. Ульянова-Ленина было постепенно сведено к обычному совучреждению (а затем и вовсе расформировано), в каких-то масштабах сохранялась лишь гидравлическая добыча, а промышленные заводы по искусственному обезвоживанию торфа при электростанциях, для снабжения их этим прекрасным топливом (в виде брикетов или пыли), так и не появились, не говоря уже о сухой возгонке торфа для получения ценных, твердых и жидких, топлив...